

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ

КУЗЬМИНОВ П.А., ЖУРТОВА А.А. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КАБАРДЫ И РОССИИ В XVI – XVIII ВВ. В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	3
КЯЗИМОВА С.М. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ (1770-1774 ГГ.).....	12
ДРОБОТ А.В. ОСОБЕННОСТИ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В ПРЕДКАВКАЗЬЕ	18
КАШЕВА Д.З. К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ ВЫСЕЛЕНИЯ АДЫГОВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ	27
МИСХОЖЕВ М.З. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ОСВЕЩЕНИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА	33
ШУРДУМОВА Д.А. ТФОКОТЛИ КАК ОСОБАЯ СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ АДЫГСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА (ПЕР. ПОЛ. XIX В.)	42
АГАСБЕКОВА С.С. ГОРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАВКАЗА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ В XIX В.	48
КАСКУЛОВ А.Х. РАЗВИТИЕ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	57
УРУСОВА А.М. РЕФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	63
БУЗАРОВА И.В. ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРСКИХ НАРОДОВ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ТЕРСКИЕ ВЕДОМОСТИ».....	70
ТУМОВ А.А. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. С. КОДЗОКОВА.....	78
АЗАМАТОВА Г.К., ЖИЛОВА Д.А. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И ПОПЕЧЕНИЯ В РОССИИ	83
МАШЕЗОВА Л.Р. РЕПРЕССИИ СОВЕТСКИХ И ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ В 1930-Е ГОДЫ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ.....	91
АТАБИЕВ Х.А. К ЮБИЛЕЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: КАВКАЗСКАЯ ТУЗЕМНАЯ КОННАЯ ДИВИЗИЯ	98
ХАЛИДОВА О.Б. ИДЕИ ПАНИСЛАМИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧ. XX ВВ.	104
ТАТАРОВ А.А. «ПОД ЗНАМЕНЕМ ШАРИАТА – ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ!»: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЗИРА КАТХАНОВА	110
ТОМАЕВ М. Г.А. ДЗАГУРОВ – ОСНОВАТЕЛЬ АРХИВНОГО ДЕЛА В ОСЕТИИ	119

ШИНАХОВА М. М., АЗАМАНОВА Г. К. ОПЫТ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ «ИНСТИТУТА ДЕТСТВА» В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	125
БАДОВ Ч. Р. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ 2-ГО МАЛОРОССИЙСКОГО ПОЛКА	136

II. ЭТНОЛОГИЯ

КУЧУКОВА З. А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ БАЛКАРЦЕВ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ К. Г. АЗАМАНОВА	151
ДЗОТЦОНОВА А. А. ОБЫЧНОЕ ПРАВО ОСЕТИН: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ	151
МАШЕЗОНОВА Л. Р. ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ ДОБРАЧНОГО УХАЖИВАНИЯ У КАБАРДИНЦЕВ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ (1950-1970) ГОДЫ	161
БЕДОНОВА И. А. ХМЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ В ОБРЯДЕ ПОБРАТИМСТВА ОСЕТИН	166
ДЗАГООНОВА Э. П. ОСЕТИНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА	172
АЙЛАРОВ А. Э. ЕВРЕИ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ	182
ДАУОНОВА Т. Т. НАКАЗАНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕТИН	189

III. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ЯЗЫКЕ, ФОЛЬКЛОРЕ, МИФОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

АЗАМАНОВА Т. Х. СИНГРАФЕМНЫЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗИРУЮЩЕЙ ПРОЗЫ В ФОНЕТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ. 181	
ДАРЧИОНОВА М. В. КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА В ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА	187
МАШЕЗОНОВА М. Р. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В РУССКИХ АНЕКДОТАХ-ДИАЛОГАХ	194
ГАГЛООНОВА М. В. ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ И ВОЙНЫ В ПОВЕСТИ ГРИША БИЦОНОВА «ТЕПЛО ОЧАГА»	199

IV. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

АГЕОНОВА Е. А., ТИМЧЕНКО В. А. ПОТЕНЦИАЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СКФО	204
КЕЛЕХСАЕВ Р. К. ИСЛАМ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.	143
ШИБЗУОНОВА М. В. КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕГО НЕГАТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА	212
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	217

I. ИСТОРИЯ

**П.А. КУЗЬМИНОВ, д.и.н., проф.,
А.А. ЖУРТОВА, студ.
КБГУ им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик)**

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КАБАРДЫ И РОССИИ В XVI – XVIII ВВ. В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ученый при работе с историографическими фактами и историографическими источниками обязан изучить конкретно-исторические условия их появления, определить влияние на воззрения исследователя современной ему общественно-политической обстановки, оценить степень вклада исследователя в изучение проблемы [1]. В этой связи актуализируется проблема изучения методологических основ исторической науки в предыдущие периоды её развития с тем, чтобы выявить и сохранить то ценное и перспективное, что имеется в историографических источниках.

Цель нашей работы заключается в том, чтобы исследовать основные концептуальные подходы к изучению взаимоотношений Кабарды и России в XVI-XVIII вв. в новейшей отечественной историографии.

В советский период история являлась одной из ведущих отраслей науки, раскрывавшая на основе марксистско-ленинского учения закономерности развития человеческого общества, имевшая огромное значение в формировании марксистско-ленинского мировоззрения у советских людей [2,155], обеспечивавшая, как писал В.И. Ленин, «марксистское обоснование всем нашим решениям» [3, 3].

С 20-х годов XX века начинает проявляться сильное давление на историческое сознание со стороны государственных, политических структур с целью придания ему нужной политико-идеологической направленности [4, 51]. Все научные, культурно-просветительские учреждения, печать, радио и другие очаги культуры были призваны вести идеологическую работу среди населения [5, 4]. Историческая наука стала представлять собой научно-политический феномен, «гармонично» встроенный в систему тоталитарного государства [6, 189].

Пройдя сложный путь становления в дореволюционный период, историческая наука Кабардино-Балкарии обрела в 20-е годы XX века новые методологические основы и организационные формы. Ее развитие, по мнению историков науки, шло в непосредственной связи со строительством социализма в нашей стране – от небольших газетных и журнальных статей к крупным обобщающим работам и монографическим исследованиям серьезных проблем, имеющих большое значение и для общесоюзной исторической науки [2, 156].

В первые десятилетия советской историографии в центре внимания ученых было разоблачение колониальной политики самодержавия [7], связанного во многом с работами историка М.Н. Покровского, которого многие исследователи считают родоначальником советской исторической науки. В результате утверждения «классово-партийного» подхода сдвигается на второй план научно-историческое содержание процесса присоединения Северного Кавказа [8, 172], соответственно и Кабарды. В концептуальном подходе отразились положения формулы «абсолютного зла» [9], согласно которой Российская империя признавалась «тюрьмой народов», а процесс вхождения Кабарды в её состав трактовался как результат национально-освободительной борьбы в период Кавказской войны.

В 1934-1935 гг. была развернута широкая кампания по пересмотру истории, цель которой состояла в переоценке русского прошлого и взаимоотношений разных народов, вошедших в состав Советского Союза [10]. Взгляды М.Н. Покровского на историю России были подвергнуты острой критике [11]. Ученые постепенно отходят от концепции «абсолютного зла», под которой подразумевалась политика царского правительства по отношению к народам Кавказа. Она заменяется термином «наименьшее зло». В случае с Кабардой «наименьшим злом» для неё стала внешнеполитическая ориентация на Россию, а не на Турцию, приведшее в последующем к присоединению к Российскому государству, что отразилось в исследованиях [12] того периода.

В первой половине XX века историческая наука республики, да и всей страны, находилась в стадии становления, формировались её организационные и методологические основы, поэтому работ по исследуемой проблеме было опубликовано немного.

Либеральные подвиги в СССР, связанные с решениями XX съезда КПСС о культе личности И.В. Сталина, обусловили новые явления в деятельности научных учреждений, в частности, отказ от прежних подходов в освещении проблемы взаимоотношений Кабарды и России в XVI-XVIII вв. С середины 50-х гг. XX в. все явственнее стало прослеживаться стремление некоторых ученых оценить вклад в историю страны не с точки зрения овладения массами марксистско-ленинской методологии, а в контексте назревших потребностей науки, среди которых был анализ места и роли малых народов в истории Российской империи.

Процессы деколонизации стран «третьего» мира актуализировали проблему вхождения многочисленных народов в состав России. В печати появились труды, в которых анализировались процессы «собираания» народов и территорий российскими самодержцами. Причем в ином концептуальном «ключе», по сравнению с 20-40-ми годами. На смену прежним взглядам пришла идея о прогрессивной роли присоединения народов к России.

На развитие исторической науки в эти годы оказала влияние дискуссия, начатая в 1951 году письмом М.В. Нечкиной в журнале «Вопросы истории», в котором был поднят ряд важных исторических вопросов. Выступая против существовавшей в 1930-1940-х годах оценки вхождения нерусских народностей в состав России как «наименьшего зла», М.В. Нечкина и другие участники дискуссии

подчеркивали, что, несмотря на то, что национальная политика царизма была, несомненно, «злом», эту формулу неправомерно применять к процессу присоединения всех народов России. «При оценке результатов включения народов в состав царской России, – пишет М. Нечкина, – историки должны обращать особое внимание на факты общения народов, на то новое и положительное, что вопреки царизму вносил в хозяйственную и культурную жизнь народов великий русский народ. Задача историков – обрисовать историческую перспективу единения и борьбы трудовых людей разных народов под руководством старшего брата – русского народа» [13].

Подготовка к празднованию 400-летия добровольного присоединения Кабарды и Балкарии к России, (1957 год) усилила общественный интерес к этой проблематике. Перед историками республики встала задача анализа «реальных» условий, в которых происходило присоединение горских народов к России и оценки его последствий. Причем результаты вхождения должны были быть «объективны» и основаны на марксистско-ленинском, классовом анализе исторических явлений. В результате было опубликовано большое количество научных [14] и публицистических [15] работ, в которых излагалась официальная точка зрения о добровольном присоединении Кабарды к России в 1557 году и о «прогрессивных» последствиях данного политического акта во всех сферах жизни адыгского общества. Автором данной концепции был Т. Х. Кумыков, посвятивший этой проблеме ряд работ [16].

Перемены в общественно-политической жизни страны в конце 80 – начале 90-х гг. выдвинули на первый план преодоление границ исторического анализа, задаваемых вплоть до этого времени марксовской схемой истории [17, 4], и многочисленных перекосов в исторических исследованиях.

В науке наметился переход от монистической интерпретации истории к плюралистической. В результате современная историческая наука, по мнению А. В. Лубского, превращается в «мультипарадигмальную» дисциплину, становясь когнитивным полем многообразных мнений и интертекстуальных «языковых игр», в ходе которых историческая реальность растворяется во множестве научных дискурсов, тропов и смысловых миров [18].

В итоге в современной историографии благодаря применению новых методов в процессе изучения характера кабардино-русских взаимоотношений в XVI-XVIII вв., в особенности политико-правового, а

также системного, были достигнуты новые результаты. В частности, возникла концепция, согласно которой между Россией и Кабардой в 1557 году был заключен военно-политический союз. Её обосновали К. Ф. Дзамихов, Б. К. Мальбахов, Г. Х. Мамбетов и др. [19]. Данная теория была принята большинством современных исследователей истории Кабарды.

Проблема взаимоотношений Кабарды с Россией, процесс её присоединения остается одной из самых сложных и дискуссионных в историографии. Как считает В. Г. Шнайдер, «особенности взаимоотношений какого-либо отдельного этноса с российскими властями, рассматриваемые в их исторической ретроспективе, могут предоставить исследователю достаточно оснований для выводов, взаимоисключающих друг друга». Поэтому не следует рассматривать интеграцию малых народов Кавказа в государственное пространство России как «процесс предзаданный». Нельзя также, по его мнению, «искать и универсальности в отношении к России отдельных этнокультурных групп региона. Различным было и понимание характера российско-кавказских взаимоотношений каждой из сторон отдельно» [20].

С точки зрения А. Н. Максимчика, «характер присоединения вычисляется путем суммирования трех слагаемых: цель присоединения + используемые методы + оценка итогов присоединения, а также общего видения истории двусторонних отношений с момента включения территории в состав империи, вплоть до событий недельной давности» [21].

Таким образом, в советский период существовало, сменяя друг друга, несколько подходов к изучению взаимоотношений Кабарды к России. В 20-х – первой половине 30-х гг. под влиянием работ М. Н. Покровского сформировалась концепция, согласно которой царская, а в последующем имперская Россия была «тюрьмой народов», и все нерусские народы вошли в её состав в результате национально-освободительной борьбы. Со второй половины 30-х гг., с началом критики так называемой «школы Покровского», на смену прежней концепции приходит теория о «наименьшем зле», согласно которой Кабарда в XVI веке встала перед выбором: стать частью России и, сохраняя свою самобытность, развиваться дальше или быть «поглощенной» Турцией и её вассалом – Крымским ханством, и Кабарда в результате, по мнению историков, выбрала наименьшее из зол, т.е. стала составной частью Российского государства. В 50-х гг.

формула «наименьшее зло» отвергается, как не отвечающая требованиям времени, она заменяется концепцией «добровольного присоединения к России и прогрессивных последствиях этого», согласно которой в 1557 году Кабарда добровольно присоединилась к Московскому государству. Данная концепция прочно обосновалась в исторической науке республики и не пересматривалась вплоть до конца 80-х гг. XX в., поскольку не изменялась и сама методологическая основа исторической науки.

Сегодня в исторической науке, согласно А.В. Лубскому, сложилась особая методологическая ситуация, в рамках которой, с одной стороны, идет поиск новых методологических ориентиров, с другой – наблюдается мобилизация всего предшествующего исследовательского опыта [18], познавательного потенциала предшествующих эпох и иных культур.

Примечания

1. Камынин В.Д. Теоретические проблемы историографии как научной и учебной дисциплины на рубеже XX – XXI столетий // URL: <http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0078> (03_03-2010) &xsl=showArticle.xslt&id=a06&doc=../content.jsp. (дата обращения: 16.01.2013).
2. Мамбетов Г.Х. Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии // Торжество ленинской национальной политики: (материалы научной конференции). Нальчик, 1983.
3. Ленин В.И. Седьмой экстренный съезд РКП (б) 6-8 марта 1918 г. Политический отчет центрального комитета // Полн. собр. соч. – М., 1958. – Т. 36.
4. Свирида Н.Н. Специфика исторического сознания советского общества: культурно-философский контекст // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2011. Вып. 20.
5. Наков М.К. Об идеологической работе в республике // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1947. Т. II.
6. Осьмачко С.Г. Сталинизм и история: идеологизация методологии // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2009. № 2.
7. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года // URL: http://hist.citl.cc.rsu.ru/Don_NC/Don_titl.htm. (дата обращения: 30.01.2013)

8. Воропаев В. В. Из истории колонизации Северного Кавказа (вопросы историографии) // Власть: Общенациональный научно-политический журнал. М., 2010. № 8.

9. Брежнева С. Н. Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России: вторая половина XIX в. – начало XXI в.: Дисс. на соиск. уч. ст. д. и. н. М., 2005 // URL: <http://www.dissercat.com/content/istoriografiya-problemy-prisoedineniya-turkestanskogo-kрая-k-rossii-vtoraya-polovina-xix-v.> (дата обращения: 30.01.2013).

10. Гордина Е. Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // URL: <http://pish.ru/articles/articles2010/648>. (дата обращения: 30.01.2013)

11. См.: Против исторической концепции М. Н. Покровского: Сборник статей. – М., Л., 1939; Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: Сборник статей. М., Л., 1940.

12. Кокиев Г. А. Военно-колониальная политика царизма на Кавказе // Революция и горец. 1929. № 4, 5, 6; он же. Русско-кабардинские отношения в XVI – XVII вв. // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1940. 24, 25, 26 окт.; он же. Русско-кабардинские отношения в XVI – XVIII вв. // Вопросы истории. 1946.; он же. Из истории сношений России с Кавказом в IX-XIX вв. // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1946. Т. 1; он же. Связи Кабарды и России в XVI-XVIII вв. // Кабардинская правда. 1946. 9, 10 апр.; он же. Роль Темрюка в сближении Кабарды с Московским государством // Кабардинская правда. 1947. 9 авг.; он же. Русско-кабардинские отношения в XVI в. // УЗ КНИИ. 1948. Т. IV; Добрускин Л. А. Из истории русско-кабардинских отношений в XVI – начале XVII вв. // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1940. 5, 6 марта; Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI-XVIII вв. / Ред. Г. А. Кокиев. Нальчик: Каб. кн. изд-во, 1948 и др.

13. Нечкина М. К вопросу о формуле «наименьшее зло» (письмо в редакцию) // Вопросы истории. 1951. №4 //URL:<http://www.files.history.spbu.ru/.../Вопросы%20истории/1951/Апрель%20195.> (дата обращения: 03.02.2013).

14. Петренко И. Историческое событие // Кабардинская правда. 1955. 23 авг.; Крикунов В. Совместная борьба русских и кабардинских народов против своих угнетателей (К 400-летию добровольно-

го присоединения Кабарды к России) // Кабардинская правда. 1956. 27 июля; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Документы и материалы. М., 1957. Т. 1, 2; Бербеков Х.М. К вопросу об образовании кабардинской народности: к 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России // Кабардинская правда. 1957. 12 янв.; он же. 400 лет вместе с народами России // Коммунист. 1957. № 10; Гарданов В.К. Четыре века русско-кабардинской дружбы // Дружба народов. 1957. № 6.; Крикунова Е. Место Кабарды во взаимоотношениях между Россией и народами Кавказа в XVI-XVII вв. // Кабардино-Балкарская правда. 1957. 11 июня; Керефов К. Н. 400-летие добровольного присоединения Кабарды к России большой национальный праздник кабардинского народа. Орджоникидзе, 1957 и др.

15. Мальбахов Т.К. Четыре века и сорок лет // Огонёк. 1957. № 27.; он же. В дружной семье народов СССР // Кабардино-Балкарская правда. 1957. 4 июля; он же. О 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России // Кабардино-Балкарская правда. 1957. 7 июля; Теунов Х. Путь народа // Дон. 1957. № 6. С. 3-12; 400 лет с Россией // Блокнот агитатора. 1957. № 13. С. 2-28; Тихонов И. Наш общий праздник // Литературная газета. 1957. 20 июня; Ульбашев И. Навски с Россией // Красная звезда. 1957. 5 июля и др.

16. Кумыков Т.Х. О прогрессивном значении добровольного присоединения Кабарды к России. // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. Вып. 4. С. 65-96; он же. Совместная борьба русского и кабардинского народов против иностранных завоевателей в XVI-XVIII вв. // Ученые Записки КНИИ. Нальчик, 1955. Т. 10. С. 3-24; он же. Историческое значение присоединения Кабарды к России // Блокнот агитатора. 1955. № 17. С. 7-24; он же. К вопросу присоединения Кабарды к России. // ССИК. Нальчик, 1956. Вып. 5. С. 75-96; он же. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957; он же. Краткий исторический очерк Кабарды // Кабардино-Балкарская АССР. Нальчик, 1957. С 7-28; он же, Кушева Е.Н. Присоединение Кабарды к России и его историческое значение // История Кабарды. М., 1957. С. 33-39; он же. Кабардино-русские отношения в XV-XVI вв. // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1959. Т. 14. С. 371-378; он же. Присоединение Кабарды к России // История КБАССР. М., 1967. Т. 1. С. 109-113; он же. Добровольное вхождение адыгов в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI 70-е годы

XX в.): Материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 октября 1979 г., г. Грозный. Грозный, 1982. С. 70-79 и др.

17. Боров А. Х. Проблема синтеза в историческом кавказоведении // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VI.

18. Лубский А. В. Постмодернизм и историческая наука // URL: http://teoretik.info/index.php?option=com_content&view=article&id=109:2012-03-10-17-55-14&catid=68:2012-03-10-13-48-38. (дата обращения: 01.02.2013).

19. Дзамихов К. Ф. От военно-политического союза к колониальной политике // Советская молодежь. 1990. 18 мая; он же. Адыги веки истории. Нальчик, 1994; он же. Некоторые исторические аспекты русско-адыгских взаимоотношений (середина XVI 60-е годы XIX в.) // История и историки. Материалы всесоюзной научной конференции 20-24 ноября 1989 г. в г. Звенигороде. М., 1995. С.137-141; Дзамихов К. Ф., Мальбахов Б. К. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (сер. XVI конец XVIII в.). Нальчик, 1996; Дзамихов К. Ф. Адыги и Россия (формы политического взаимодействия). М., 2000; он же. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.) Нальчик, 2001; он же. Адыги: веки истории. Нальчик, 2008; Мамбетов Г. Х. 1557 год присоединение или военно-политический союз? // Сборник статей молодых ученых и аспирантов. Майкоп, 1993. С. 5-25; Мальбахов Б. К., Эльмесов А. М. Средневековая Кабарда: (Внутренние и внешние аспекты истории). Нальчик, 1994; Мальбахов Б. К. Кабардинская феодальная аристократия во взаимоотношениях России с Кабардой и другими народами Северного Кавказа (вторая половина XVI 70-е гг. XVIII вв.): Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. Махачкала, 1995 и др.

20. Шнайдер В. Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов // URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=15741>. (дата обращения: 01.02.2013).

21. Максимчик А. Н. Полемика вокруг присоединения Северного Кавказа к России в современной историографии. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Мн., 2010. Вып. 5. С. 259 // URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/3606/1/Максимчик_АН.pdf. (дата обращения: 01.02.2013).

**С.М. КЯЗИМОВА,
асп. СОИГСИ**

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ (1770-1774 ГГ.)

VIII век занимает важное место в истории Кавказа. И не только из-за событий, здесь происходивших, но и из-за их результатов, оказавших огромное влияние на всю историю региона и изменивших судьбы горцев. Даже если Кавказ для исследователей восемнадцатого столетия, путешествующих по поручению российской Академии наук, больше не был неизвестной местностью, он очаровывал разнообразием исторических состояний местных народов. В то же время, вопреки географическим разграничительным линиям, представленным горами и ущельями, между населяющими его народами существовали экономические и культурные контакты, отраженные в традиционных общественных институтах и соционормативных системах (обычное право, ритуалы гостеприимства, духовно-нравственные кодексы и т.п.).

Если проанализировать события и явления того периода, то можно будет выделить две ведущие линии: международное соперничество за Северный Кавказ как за сферу влияния, где горцы выступают в качестве объекта исторических действий, и политическая борьба внутри сложноструктурированной общности горцев, где они уже действуют как исторические субъекты. Несмотря на автономность и по участникам, и по целям, вместе с тем мы видим их тесную взаимосвязь, обусловленную единством времени и местом действий.

Прежде чем обращаться к теме противоборства держав, правильнее было бы остановиться на особенностях внутривнутриполитической си-

туации на Северном Кавказе. Внешняя угроза постоянно подталкивала к объединению различные группы населения. Эти объединения носили характер конфедераций и союзов. А с другой стороны, исходя из природных условий и многовековых традиций, горцы постоянно воспроизводили стремление к сохранению давно сложившихся малых автономных коллективов со слабо выраженной классовой дифференциацией. Вот эта противоположность общественного развития и была положена в основу незатухающего конфликта в форме борьбы за землю, междоусобиц группировок горских владетелей и старшин. Пестрота этнической карты Кавказа провоцировала в политической жизни региона постоянное наличие очагов взаимной вражды. Такая ситуация, конечно же, воспитывала горцев как храбрых и умелых воинов, но, с другой стороны, она ослабляла возможности совместного отражения внешней угрозы, чем часто и пользовались соседские государства, стремившиеся к господству в регионе.

До начала XVIII века соперничество за власть над Северным Кавказом велось между Сефевидским Ираном и Османской империей. За этим скрывалась борьба правителей двух государств за верховенство в мусульманском мире. Стратегическое положение Северного Кавказа изначально привлекало внимание правящих кругов стран-соперниц. Для Османской империи контроль над этим регионом обеспечивал постоянную связь с эмирами Средней Азии – соперниками Сефевидов – и предоставлял удобный плацдарм борьбы. Для Ирана же закрепление на этой территории позволило прервать сношения Порты с Шейбанидами и одновременно наладить контакты с союзниками по антиосманским коалициям.

На рубеже XVII-XVIII веков в борьбу за Северный Кавказ включается третья держава – Россия. Возникновение этого силового треугольника в споре за Кавказ благоприятствовало борьбе горских народов за независимость, так как оставшаяся в одиночестве держава пыталась восстановить военный паритет за счет союза с местными правителями. И чаще всего таким союзником выступала Россия.

Для России, не имевшей доступа к южным морям, Северный Кавказ представлял важнейшую стратегическую базу, овладение которой снимало вековую проблему выхода к морским побережьям и открывало транскавказские пути в Азербайджан, Армению и Грузию.

Петр I решил переключиться на прикаспийские области, занявшие теперь центральное место в его кавказской политике. Именно Прикаспию в планах царя отводилась ведущая экономическая роль:

он рассчитывал перевести торговлю шелком с константинопольского пути на Астрахань, ставшую к тому времени для Петербурга отправным пунктом различных военных и дипломатических предприятий на Востоке. Осуществление этой инициативы сулило России заманчивые перспективы посреднической деятельности в торговле Запада и Востока.

В тот период перед правительством страны стояли две крупные задачи, непосредственно связанные между собой, – обеспечение выхода к южным морям и устранение опасности своим границам со стороны Османской империи и Крымского ханства. Для успешного разрешения черноморской проблемы России прежде всего необходимо было обеспечить безопасность своих южных рубежей и заручиться поддержкой местных народов, с которыми она стремилась найти общий язык. В этих целях Россия всячески укрепляла торговые отношения с горцами Дагестана, предоставляя им определенные привилегии. Некоторые кабардинские князья, осознавая растущую угрозу со стороны Порты и Крыма, сами предлагали России заключить военный союз, обязываясь участвовать в военных действиях против этих держав на ее стороне.

Во взаимоотношениях обеих сторон имелись свои подъемы и спады, но в целом они характеризовались добровольностью, взаимной заинтересованностью и нарастающей интенсивностью. Ориентация на Россию северокавказских народов, искавших сильного союзника в их противостоянии османо-крымской экспансии, усиливала враждебность султанского правительства, развязавшего новую русско-турецкую войну (1710-1711 гг.).

В межгосударственной борьбе за Северный Кавказ на протяжении XVIII века прослеживается несколько этапов, различающихся и по расстановке сил, и по выдвижению на первый план отдельных территорий, где наблюдалось крайне острое столкновение противоборствующих сторон. Первые два десятилетия ведущее место в замыслах и Стамбула, и Петербурга занимает Кабарда. В 20-40-е гг. центр противоборства перемещается в Дагестан и соседние с ним территории. Народы Северного Кавказа не раз обращались к России с просьбами о покровительстве: так, в 40-х гг. в Петербург отправлялись посольства владетелей Дагестана и кабардинских князей. Тогда же чеченские общества добились российской протекции, взамен обещая в случае приближения неприятеля выступить против него на стороне России. Связанная Белградским договором (он был подписан 18 сен-

тября 1739 г. под влиянием французской дипломатии и фактически узаконил принцип нейтрализации Кабарды, по нему границы между Османской империей и Россией оставались неизменными. Азов объявлялся нейтральной зоной. Нейтральной же страной провозглашалась и Кабарда, воевавшая на стороне России с самого начала войны. Согласно шестому пункту Белградского договора, Кабарда объявлялась «вольной» и должна была служить барьером между двумя империями. Российско-османское соперничество из-за Кабарды ничем не разрешилось, и формально примилившиеся державы ревниво следили за соблюдением условий договора в отношении нее. Сама же Кабарда, получив таким образом независимость, оказалась на время избавлена от вооруженной экспансии, но не смогла эффективно использовать возможности твердого и гарантированного внешнеполитического статуса. Обострение внутренних распри привело к углублению раскола кабардинского общества и официальному разделу в 1753 г. Большой Кабарды на две самостоятельные части. Другим важным следствием Белградского договора стало серьезное осложнение внешнеполитического положения народов Северного Кавказа), Россия не шла пока на официальное признание подданства северокавказских народов, ограничиваясь прозрачными намеками «кумыкским, чеченским и кабардинским владельцам» о признании их «в верном и вечном подданстве» и выдачей годового жалованья. Российское правительство заботилось и об укреплении своих связей с Кабардой, обладавшей значительным авторитетом и политическим весом в регионе.

Коренной перелом в российско-северокавказских отношениях наступил в результате строительства в 1763 г. крепости Моздок. Столь существенное усиление позиций России в Центральном Предкавказье вызвало активный протест со стороны Турции и Крыма. В еще большей степени проявляли недовольство кабардинские князья, считавшие своей собственностью земли, на которых были возведены Моздокские укрепления. Оно усиливалось бегством в Моздок их крепостных.

Кабардинские князья неоднократно обращались к российскому правительству с требованием об уничтожении Моздока. Но российское правительство и не помышляло об их удовлетворении, поскольку строительство Моздока являлось составной частью имперской политики в регионе и положило начало планомерному освоению северокавказских территорий [1, 89].

Реализуя свои геополитические планы на Северном Кавказе, Россия предпочитала использовать дипломатические переговоры, так называемую тактику «приласкания» кавказских владетелей и старшин. Так, в указе императрицы Елизаветы Петровны от 20 апреля 1742 г. верным России горским владетелям постановлялось выделять сверх жалованья «в прибавок по 500 рублей в год», оказывать им тайную поддержку, «при всяких случаях пристойным образом по-прежнему ласкать и от протекции Е. И. В. не отлучать... под оной искусным образом стараться содержать» [2, 107]. Это, конечно же, отличалось от шахских и султанских методов устрашения и насилия. Но уже с 60-х годов XVIII в. российская правительственная политика приобретает все более жесткий характер, все шире применяются принудительные меры по отношению к непокорным. Чтобы удержать строптивых князей на своей стороне без серьезной политической уступки – уничтожения Моздока, Петербург стал проводить более гибкую политику, обещая владетелям значительные суммы за участие в оборонительных акциях и гарантируя «особливую Е. И. В. милость» за службу в русской армии в войсках де Медема. Большинство кабардинских князей соблюдало нейтралитет. Но часть их отошла в верховья Кумы и обратилась за помощью в Крым.

Для «увещевания» непокорных князей и изгнания кубанских мурз генерал де Медем выступил в Закубанский поход, в котором участвовали также горцы Дагестана, Чечни и Ингушетии. На помощь кубанцам выступила 6-тысячная конница крымского хана, но была разгромлена калмыками в июне 1769 г. Объединившись с 20-тысячной конницей калмыков, русские войска стали в черте кабардинских владений. Это убедило большинство фрондирующих князей присягнуть на верность России. Попытки сопротивления остальных (в основном молодых князей) также потерпели неудачу. В августе того же года все владетели признали сюзеренитет России и вернулись в свои родовые поместья. Развивая достигнутый успех, де Медем двинулся вверх по Кубани и заставил принять российское подданство ногайцев и абазин. Вместе с тем для всех кабардинцев устанавливались жесткие правила проезда на линию – они должны были всякий раз получать от российского пристава разрешительный документ (билет) с поручительством старшего князя.

Во второй половине XVIII века, когда Иран фактически выбыл из борьбы, будущее Северного Кавказа решалось в соперничестве Российской и Османской империи. Их конфликт распространялся не

только на Дагестан и Кабарду, но и на Осетию, Ингушетию, Чечню и другие области. И только русско-турецкая война 1768-1774 гг. окончательно изменила расстановку сил в регионе в пользу России. В результате этой войны Россия прочно укрепила свои южные границы, обретя, наконец, свободу действий на Северном Кавказе. Подписанный 10 (21) июля 1774 г. в русском лагере у селения Кючук-Кайнарджи мирный договор положил основание новому устройству Северного Кавказа [3,24-41].

Примечания

1. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958.
2. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991.
3. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869.

**А.В. ДРОБОТ,
асп. РАНХ и ГС при Президенте РФ
(г. Пятигорск)**

ОСОБЕННОСТИ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В ПРЕДКАВКАЗЬЕ

Прошло уже более 150 лет с момента отмены крепостного права в России. Сегодня, когда идёт серьёзная реконструкция общества, появляется новый повод осмыслить всю сложность трансформации социальных отношений, веками складывающихся в нашей стране.

Следует отметить, что крестьянская реформа в России фактически завершила общеевропейский цикл преобразований в социальном секторе, сняла важные ограничения перехода к новому историческому этапу развития общества. Манифест Александра II 19 февраля 1861 г. стал началом целой серии глубоких преобразований. Впервые в России был детально проработан план реформ, охватывающих основные общественные сферы, увязанных друг с другом, имеющих общую логику и своевременность их реализации. Суть Великих реформ, начавшихся в 1861 г., – выход из феодализма и переход к новому общественному строю – капитализму [1, 10].

Исследованиями Великих реформ занимались ещё дореволюционные историки. В советский период, характеризовавшийся господством одной партии, историки продолжили её изучение в жёстких рамках марксистско-ленинской идеологии. Доказал общественный интерес к этой теме широко отмечавшийся стопятидесятилетний юбилей Реформы.

В советский период в трудах В. И. Ленина, П. А. Зайончковского и других ученых проведение реформы 1861 г. связывалось с кризисом феодально-крепостнической системы и развитием капиталистических отношений. Б. Г. Литвак, вслед за Н. Я. Эйдельманом, назвал реформы Александра II «революцией сверху», поскольку вслед за Вели-

кими реформами должен был последовать переход от абсолютной к конституционной монархии, но который так и не произошёл [2, 277].

П. А. Зайончковский, изучая реформу 1861 г., уделил большое внимание её подготовке, подчеркнув, что и Александр I и Николай I осознавали необходимость реформ и вносили отдельные предложения по решению земельного вопроса. Но он оценивал такие предложения как абстрактные, поскольку реформаторские идеи царей не находили поддержки у дворянства [3, 345].

Л. Г. Захарова рассматривала влияние политических процессов первой половины XIX в. на социально-экономические отношения в Российской империи, придавая особое значение изучению личностей реформаторов, проводивших преобразования [4, 42].

Большое значение имеют работы региональных учёных-историков. Анализ аграрных преобразований в Предкавказье посвятили свои труды такие учёные, как В. П. Крикунов, С. А. Чекменёв, В. П. Невская, П. А. Кузьминов, М. С. Тамазов и др.

Научная деятельность В. П. Крикунова была посвящена анализу сословных отношений, сложившихся между различными группами населения в период существования крепостного права [5, 5].

Вопросы, связанные с освоением Предкавказья русским и украинским крестьянством и казачеством, получили широкое освещение в работах С. А. Чекменёва [6, 18].

В. П. Невская большое значение отводила трансформации социальных отношений в среде казачества, крестьянства и коренных народов Северного Кавказа [7, 160].

П. А. Кузьминов рассматривает преобразования 50-х – 70-х гг. XIX в. как постепенный эволюционный ход развития государства и общества с целью их совершенствования. Он подчёркивает, что реформы, проводимые в рамках одного государства, отразились на традиционном укладе жизни кавказских народов и повлекли за собой изменения в различных сферах жизни [8, 3].

К началу XIX в. пространство степного Предкавказья было лишь частично освоено Россией. Заселение степного Предкавказья русскими и украинскими крестьянами и казаками привело к коренным переменам в экономике региона, в котором в течение многих веков проживали кочевники (ногайцы, калмыки, туркмены), не занимавшиеся земледелием. Здесь открывались широкие перспективы для хлебопашества и скотоводства, поскольку в наличии были плодородные чернозёмы и богатые пастбища.

Землевладение и землепользование у русского населения Северного Кавказа отражало общие процессы развития поземельных отношений в стране и в то же время имело свои специфические черты, присущие северокавказскому региону. В Предкавказье сложилась пёстрая палитра аграрных отношений, состоящая из помещичьих хозяйств, общинного землепользования государственных крестьян и казачьего землевладения.

Помещичье землевладение сложилось в связи с раздачей земли самодержавием помещикам в течение второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Земли раздавались в форме царских пожалований как местной знати, с целью получить их лояльность, так и чиновникам, и офицерам, служившим в регионе. Для заселения имений помещики переселяли на эти земли своих или специально купленных крепостных, а также нередко закрепощали селившихся на их землях беглых крестьян. Правительство стояло на стороне помещиков, превращая в крепостных бывших государственных крестьян, оказавшихся на землях дворян.

На предпринимательскую деятельность помещиков по расширению и организации земельных хозяйств на юге большое влияние оказывало отсутствие свободной рабочей силы, т. к. пожалованные помещикам земли были слишком велики, а проводимая переселенческая политика была недостаточно эффективна. В этой ситуации помещики на новых землях стали вводить барщину [9, 44].

Крепостное право в Предкавказье не достигло таких масштабов, как в центральных губерниях. Попытка правительства создать помещичье землевладение на Северном Кавказе большого успеха не имела в силу объективных причин. Это было вызвано тем, что переселение крепостных было долгим и дорогостоящим процессом. Из-за тяжёлых условий проживания на новой земле, неустроенности быта, недостаточного внимания официальных властей к их нуждам крестьяне в поисках лучшей жизни уходили в горские аулы или записывались в казаки.

Серьёзный вопрос вызывает выяснение точного количества крепостного населения в Ставропольской губернии, т. к. его численность существенно разнится в зависимости от источника. Данную научную коллизию определили ряд факторов: растянутость процесса переселения (его волнообразность и стихийность); сложность и опасность длительного пути; периодически возникавшие боевые действия; хаотичность расселения, высокая смертность мигрантов и т. д.

С 1857 по 1859 гг. в рамках подготовки реформы по отмене крепостного права в Российской империи проводилась 10-я народная перепись. Её обобщением стала книга «Крепостное население в России, по 10-й народной переписи», изданная в 1861 г. А. Г. Тройницким. Эта перепись проводилась Центральным статистическим комитетом с целью установления состава населения и доли в нём крепостных. Сведения о крепостном населении Кавказа собирались отдельно, поскольку перепись этот регион не затронула. Автор указывает, что Ставропольская губерния принадлежит к числу тех регионов, где доля крепостного населения составляет менее 10% от общего числа жителей. Из них помещичьих крестьян мужского пола – 7713, женского пола – 7759, итого общее число крепостных – 15472 чел. [10, 49].

Крупнейший кавказовед Ставрополя В. П. Невская, опираясь на архивные материалы, отмечает, что в начале XIX в. крепостных крестьян в Кавказской губернии насчитывалось 3070 чел., а к середине века в Ставропольской губернии их число достигло 8288 чел. (в Пятигорском уезде – 5838, в Кизлярском – 1449, в Ставропольском – 1001) [11, 57].

В. Н. Алфёров и С. А. Чекменёв указывают на то, что к 1804 г. всё оседлое население Кавказской губернии насчитывало 97875 чел., из которых 24683 проживало в городах и 73192 – в сельской местности. Из 31660 крестьянских д. об. п. было 28590 д. об. п. государственных и 3070 д. об. п. крепостных [12, 81].

В. П. Крикунов говорит о том, что к середине XIX в. во всех помещичьих имениях Ставропольской губернии проживало 8000 ревизских душ, что составляло около 17 тыс. крепостных [5, 6].

На наш взгляд, наиболее точные данные о количественном составе крепостных в Ставропольской губернии приведены в работе В. П. Крикунова. Однако и эти цифры могут быть уточнены и дополнены.

С момента установления контроля России в Предкавказье, аграрные отношения стали доминирующими в крае. Владельцы крепостных были заинтересованы в том, чтобы крестьяне не занимались ничем посторонним, отвлекающим их от работы на барской земле.

Нередко у помещиков появлялись большие долги, и они были вынуждены продавать свои имения в государственную казну. Например, крупнейшие помещики Ставрополя – братья Никита и Александр Всеволожские продали свои сёла Чёрный Рынок, Раздолье, Коктюбей, Березяки, а вместе с ними и 745 ревизских душ, в то

время, как во всём Кизлярском уезде было всего 1449 крепостных. В результате освободилось более 51 % всех крепостных уезда [5, 10].

Говоря о барщинном хозяйстве, необходимо также упомянуть о барщинных крестьянах. В Ставропольском уезде было 0,98% крепостных ревизских душ, в Пятигорском – 0,49%, в Кизлярском – 0,99% [5, 10].

У крупных помещиков, таких как Ребров, Скаржинский и др., крестьяне отбывали трехдневную барщину. Кроме хлебопашества они занимались огородничеством, виноградарством и различными ремёслами. Крестьяне этих помещиков считались зажиточными по сравнению с крестьянами из деревень мелкопоместных дворян. Многие из них жили в отдельных хуторах и отсёлках, где вели своё хозяйство, что усиливало социальную дифференциацию в их среде.

В более выгодном положении, чем барщинные и дворовые крестьяне, находились оброчные крестьяне. На своих земельных наделах они могли производить небольшой излишек урожая, доходы от продажи которого они платили землевладельцу. Однако таких крестьян было очень мало.

В итоге даже плодородные земли Предкавказья не были залогом благополучия для крепостных крестьян. Существующий крепостнический режим сковывал и ограничивал крестьянскую инициативу.

В Ставропольской губернии исторически сложилось так, что основным сельским населением были государственные крестьяне. Они платили подушные подати и несли различные повинности (строительство дорог, содержание полиции, почты и пр.). Эти крестьяне наделялись земельным наделом в размере 15 дес. на д. м. п. Но земли было так много, а земледельческого населения не хватало, что каждый хозяин захватывал столько земли, сколько позволяло наличие рабочего скота и рабочих рук в семье [13, 2].

В 1789 г. в Кавказской губернии было 28725 д. об. п. государственных крестьян [12, 83].

К 1840 г. в Кавказской области насчитывалось 41 селение казённых крестьян, объединённых в 13 волостей с общим числом государственных крестьян 112413 чел., из них в Ставропольском округе было 81545 чел., в Пятигорском – 29860, в Кизляро-Моздокском – 1010 [14, 133].

Наделение земель государственных крестьян шло из государственного земельного фонда. Этот процесс был весьма неравномерным. Наряду с сёлами, в которых душевой надел превышал положен-

ные 15 дес., существовали отдельные сёла, в которых крестьяне пользовались значительно меньшими наделами. Это были в основном приграничные с владениями местных феодалов сёла.

Крепостнические отношения не обошли стороной и казачество, которое успело заселить самые удобные и плодородные земли и речные долины. Накопление материальных ценностей, захват лучших земельных угодий, социальная дифференциация, выделение «старшины» стало типичным явлением для запорожских, донских, кубанских и терских казаков. В XVIII в. крепостнические отношения прочно утвердилась в казачестве [15, 89].

Точное количество крепостных среди казаков на сегодняшний день неизвестно. Это объясняется тем, что владельцы-казаки уклонялись от регистрации своих крепостных. Однако по данным за 1800 г. в г. Екатеринодаре, г. Тамани и 24 куренях было 845 крепостных. Но это число не отражает реального количества зависимых. Так, в 1852 г. их было 1045 д. об. п. [16, 88].

Помимо собственно русских крепостных, принадлежащих казакам, была ещё одна категория зависимых, записанных за офицерами-горцами, вступивших в Кубанское казачье войско. Так, в Гривенской Черкесской станице зависимых горцев было 135 д. об. п., в Переяславском посёлке – 14 д. об. п., в Татарском посёлке – 14 д. об. п., в армянском поселке Армавир – 207 д. об. п. [16, 88].

В Терском казачьем войске на 29 января 1863 г. таких «неучтённых» числилось: 1. В 1-й Волгской бригаде – 247 д. об. п.; 2. В Горском казачьем полку – 74 д. об. п.; 3. В Моздокском казачьем полку – 3 д. об. п.; 4. Не приписаны нигде – 2 д. об. п. Всего – 326 д. об. п. [16, 88].

Казачья старшина, переселившись на новые земли, стремилась сохранить институт крепостничества. При таких условиях появление в их среде крепостных становилось неизбежным. Наибольшая нужда была в дворовых людях, без которых не могли обойтись не только именитые казаки-старшины, но и рядовые казаки, дослужившиеся до обер-офицерского чина. С обустройством казачества в Предкавказье и закладкой хуторов появилась необходимость в собственно крепостных крестьянах. Нужны были землепашцы, пастухи, косари и т. п., но исполнять эти работы по вольному найму казаки не могли, т. к. война с горцами и кочевниками усиливалась и требовала внимания к строевой службе. Свободных крестьян, трудом которых можно было бы пользоваться за плату, в то время в России не было. Были здесь только беглые крестьяне, ко-

торами и казаки очень дорожили. Их всячески укрывали, оберегали и пытались закрепить. Иногда бегство крестьян на земли казачества приобретало черты организованного переселения. При этом организовывали это движение сами казаки и их старшины, что вызывало сильное беспокойство помещиков, терявших своих крестьян.

Другой формой развития крепостничества в казачьей среде было то, что казаки-помещики перевозили из своих прежних поместий зависимых крестьян, селили их на хуторах и эксплуатировали как собственно крепостных. Новой формой приобретения рабочей силы была покупка крепостных крестьян у помещиков с одновременным дарованием им свободы и использованием их в качестве вольнонаёмных слуг, чтобы отработать уплаченные за них при выкупе деньги.

У кочевого ногайского населения Предкавказья крепостнические отношения сложились задолго до появления в их землях русских переселенцев. Ко времени начала колонизации и освоения земель степного Предкавказья у ногайцев существовали феодально-патриархальные отношения. Феодально-зависимое население делилось на две категории: аслан-бийке – лично свободных крестьян и йоллы кул – крепостных. С ростом феодальных отношений число лично свободных крестьян сокращалось, многие из них переходили в разряд крепостных. Существовало у ногайцев и патриархальное рабство. Рабы – йолсыз кул – пополнялись из военнопленных. Хозяин имел неограниченную власть над ними. Других рабов называли «ясырями». Их захватывали в ходе военных набегов на осёдлые поселения, часть из них кочевники оставляли себе, а часть продавали на невольничьих рынках [17, 402].

Ясыри были и у другого кочевого народа Предкавказья – трухмен. Об их количестве можно судить по следующему факту: 13 декабря 1861 г. владельцы ясырей предоставили полную свободу 700 холопам [16, 86].

В 1862 г. в Караногай – Едишкульском приставстве владельцы ясырей под давлением русской администрации согласились предоставить им свободу. Было освобождено ещё 300 невольников, т. е. всего более 1000 чел. [16, 86].

В 1861 г. было освобождено 227 ясырей об. п., принадлежавших магометанам Пятигорского уезда, в том числе ногайцам [16, 86].

В 1865 г. были освобождены последние 153 ясыря. Таким образом, общая численность освобожденных ясырей достигает 1400 д. об. п.,

а вместе с крепостными ставропольских помещиков – около 17 тыс. [16, 86].

Важнейшим фактором, влияющим на все социальные процессы, происходившие в Предкавказье, была Кавказская война, растянувшаяся на несколько десятилетий. Перманентные военные действия не способствовали ни быстрому проведению реформ, ни активной интеграции региона с остальным государством. В условиях войны правительство не могло проводить чёткую и последовательную реформаторскую политику. Только после её окончания начались серьёзные преобразования.

Примечания

1. Попов Г.Х. Уроки модернизации России (к 150-летию отмены крепостного права и начала Великих реформ) // Научные труды Вольного Экономического Общества России. М., 2011. Т. 150.

2. Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.

3. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.

4. Захарова Л.Г. Великие реформы в России. 1856-1874. М., 1992.

5. Крикунов В.П. Крестьянская реформа 1861 г. в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1949.

6. Чекменёв С.А. Из истории заселения и освоения северокавказских земель русским и украинским крестьянством и казачеством во 2-ой половине XVIII – начале XX вв. // Вестник Пятигорского Лингвистического Государственного Университета. Пятигорск, 2005. №1.

7. Невская В.П. Заселение степного Предкавказья русским и украинским крестьянством (XVIII – первая половина XIX в.) // Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь, 1986. Т. I.

8. Кузьминов П.А. Эпоха преобразований 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа. Нальчик, 2011.

9. Индова Е.И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. в материалах Вотчинного архива Воронцовых. М., 1955.

10. Тройницкий А.Г. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб., 1861.

11. Невская В.П. Экономическое развитие народов Северного Кавказа в дореформенный период // История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. Т. II.

12. Алфёров В. Н., Чекменёв С. А. Степная вольница. Ставрополь, 1978.
13. Невская Т. А. Обычно-правовое регулирование повседневной жизни крестьянства Северного Кавказа XIX – начала XX вв. // Вестник Северо-Кавказского государственного технологического университета. Серия «Право». 2004. №1.
14. Коробейников А. А. Крестьянская колонизация // Очерки истории Ставропольского края (с древнейших времён до 1917 г.). Ставрополь, 1984. Т. I.
15. Кузьминов П. А. Проблема социальных преобразований в среде Черноморского казачества в творчестве Ф. А. Щербины // Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность: Сборник материалов III международной научно-практической конференции. Россия, 25 февраля. Краснодар, 2005.
16. Кузьминов П. А. Крестьянский вопрос в социальной политике Российского правительства на Северном Кавказе в XVIII – 60-х годах XIX вв. // Архивы и общество. Нальчик, 2007. №1.
17. Косвен М. О. Ногайцы // Народы Кавказа. М., 1960. Т. I.

**Д.З. КАШЕВА,
студ. КБГУ, (г. Нальчик)**

К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ ВЫСЕЛЕНИЯ АДЫГОВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ

Десятилетие, прошедшее между Крымской войной и событиями в урочище Кбаада 20 мая 1864 г., ознаменовавшими окончание войны на Северо-Западном Кавказе, стало переломным в политической истории Черноморско-Кавказского региона. После поражения, нанесенного адыгам в 1864 г., кавказский вопрос был надолго, хотя и не навсегда, снят с международной повестки дня. Эпоха вековой политической неопределенности на южных рубежах России подошла к концу. Из борьбы за Кавказ Россия вышла победителем.

Внимание противоборствующих держав к Северному Кавказу обуславливалось их военно-стратегическими, политическими и экономическими интересами. Поэтому в международных отношениях и политике держав на Ближнем Востоке и в районе Черного моря черкесский вопрос как составная часть кавказской проблемы занял самостоятельное место, хотя в силу ряда исторически сложившихся специфических условий той эпохи он не стоял формально в повестке дня «большой» дипломатии. Интерес к нему по-прежнему велик среди современных историков. До сих пор, например, в нем особый интерес привлекает проблема мухаджирства.

В первую очередь черкесский вопрос затрагивал интересы России как черноморской державы. Политика российского правительства определялась стремлением укрепить свои позиции на Северо-Западном Кавказе и не допустить превращения этого района в антирусский плацдарм, откуда могла бы исходить военная угроза Кавказу и югу России. Однако методы, которыми царизм пытался отстоять свои позиции в Черкесии, были военно-феодальными, что и вызвало освободительное движение горцев.

Для изучения вопроса переселения горцев в Турцию большой интерес представляют воспоминания современников трагических собы-

тий. Одним из участников войны за независимость является А. Фон-виль, который в своей работе «Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 гг.» [1] восстанавливает тяжелую обстановку вынужденной эмиграции десятков тысяч адыгов, покинувших надолго свою родину. Я. Абрамов в своем очерке «Кавказские горцы», указывая на причины выселения, отмечает, что связь горцев с Турцией была прочной. Это была связь политическая, религиозная, торговая. Союз этот скрепился общей борьбой с одним и тем же врагом – Россией.

Официозные историки (Н. Дубровин, А. Лилов, И. Дроздов и др.), которые оправдывали политику царизма, рассматривают причины выселения кавказцев в Османскую империю как военную и политическую меру царского правительства в целях «водворения спокойствия в крае» [2, 69].

А. И. Лилов доходил до обвинения адыгов, утверждая, что выселение отвечало их интересам, они переселились по своей инициативе [3]. Н. Ф. Дубровин в своем шеститомном труде «История войны и владычество русских на Кавказе» освещал историю горцев с монархических позиций [4, 26]. Б. Н. Березгов отмечает и другую группу дореволюционных авторов, которые критически относились к политике России на Кавказе.

Присоединение Кавказа к России шло вразрез с захватническими устремлениями Османской Порты и западных держав – Англии и Франции. Под флагом «защиты» кавказских горцев и создания «независимой» Черкесии турецкая и западная дипломатия, особенно английская, маскировали экспансионистскую политику своих правительств, стремясь обмануть общественное мнение. Известный русский историк-кавказовед А. П. Берже отмечал: «Во всяком случае, нельзя не признать, что вмешательство турецкой и европейской дипломатии в дела горцев не принесло и не могло принести им ничего, кроме зла, так как оно происходило не в интересах их или с какой-нибудь гуманной или нравственной целью, а являлось как средство загребать жар чужими руками. Горцы в глазах турок и в глазах Европы представляли только средство для противодействия России, и в пользовании этим средством ни Европа, ни Турция не обнаружили никакой жалости» [5].

Агенты подстрекали адыгов, распространяя прокламации с призывом об уходе в Турцию. А. П. Берже писал, что османское правительство и европейские державы, подогревая страсти к переселению, «не думали о благоденствии горцев, но пользовались ими как сред-

ством противодействия России» [6, 3]. Исследователь упускает социально-экономические причины, повлекшие изгнание народа со своей родины.

Напряженность обстановки на Северном Кавказе в середине XIX века объяснялась тем, что к этому времени усилились англо-турецкие происки [7]. Правительства Англии и Турции всячески препятствовали укреплению России в данном регионе. Антирусская деятельность иностранных агентов аргументировалась ими фразой из Парижского мирного договора, где пишется: «европейские державы объявили кавказские горские племена независимыми и приняли их под свою защиту» [7,8].

В Российской империи в это время отмечается подъем революционного движения народных масс, что заставило Александра II провести ряд либеральных реформ. Отмена крепостного права имела социальные последствия – обострились классовые противоречия. Напряженная внутренняя ситуация заставила правительство империи в скором времени решить «кавказский вопрос». С другой стороны, существовала угроза новой войны с Турцией, которая могла использовать горцев в своих целях. Г. Дзидзария видит в стремлении царизма утвердить свое господство на Кавказе военно-феодальными методами составную часть внутренней и внешней политики царизма. По его мнению, «правлящие круги Турции... с самого начала поощряли и всячески провоцировали это движение. Они все больше наводняли Кавказ своими тайными агентами с прокламациями и воззваниями, призывающими его население переселиться в Турцию. Правительство Турции стремилось колонизовать кавказскими переселенцами пустые и малоземельные места империи» [8, 200].

По мнению Г.А. Кокиева, основными причинами переселения горцев были политические. Черкесским племенам царизм поставил ультиматум: признать над собою власть России и выселиться на плоскость или же переселиться в Турцию. «Против русских войск, окруживших тесным кольцом черкесов, – пишет Кокиев, – с беспримерным единодушием выступили все черкесские племена, но, представленные самим себе, в неравной борьбе были сломлены русскими войсками» [8, 200].

Нихат Берзег в работе «Изгнание черкесов» отмечает, что Османская империя, пытаясь распространить свое влияние на Северном Кавказе, стремилась к использованию Кавказа как естественного барьера, затруднявшего продвижение России на юг. Дальше Нихат Бер-

зег перечисляет цели турецкого правительства, которые оно преследовало, принимая черкесов:

1. Укрепить с помощью изгнанников военную мощь османской армии;
2. Увеличить численность крестьян;
3. Использовать черкесов для освоения залежных, болотистых не-плодородных земель;
4. Увеличить удельный вес мусульман в регионах с преобладанием христианского населения;
5. Укрепить государственную власть в тех регионах империи, где она была ослаблена, используя черкесов в качестве «буфера» и возложить на них жандармско-полицейские функции [9,136].

С. А. Чекменов выделяет три причины переселения горцев в Турцию. Во-первых, желание феодальных верхов и мусульманского духовенства удержать своих крепостных крестьян, что стало невозможным после реформы 1861 года. Во-вторых, царское правительство в целях ускорения окончания Кавказской войны не препятствовало тенденции переселения горцев в Турцию. В-третьих, Турция, желавшая укрепить свою армию за счет переселенцев, не скрывала свою заинтересованность.

Иззет Айдемир, турецкий исследователь, выделяет следующие внешние факторы выселения черкесов в Османскую империю:

1. Колонизаторская политика русского царизма на Кавказе: а) заселив освободившиеся черкесские земли казаками, окончательно избавиться от многовековой кавказской проблемы; б) мягкий климат и плодородные земли западных адыгов издавна привлекали внимание русской аристократии.

2. Политические цели Османской империи и других внешних сил на Северном Кавказе. Еще до окончания Кавказской войны турецкие султаны не раз подстрекали черкесов против России. После оккупации Кавказа Россией султан решил воспользоваться случаем, чтобы переселить воинственных черкесов на свои обширные территории [10,131].

В. Патракова и А. Пронштейн отмечают, что для Северного Кавказа мухаджирство стало крупнейшей демографической катастрофой, которая вместе с усиленной колонизацией края в течение нескольких десятилетий перекроила традиционный этнический облик Кавказа, что оказало качественное влияние на изменение многих сторон жизни горских народов и даже некоторых элементов этнической психо-

логии [11,123]. Авторы отмечают, что «мухаджирство приобрело характер исхода, в основном вынужденного, насильственного, многих коренных народов...» [11].

Однако И.М. Скибицкая не соглашается с теми исследователями, которые преподносят действия российского командования «как крайне агрессивные, направленные только на завоевание новых земель и планомерное истребление адыгов» [12,147]. Критикуя исследователей, которые видят главную причину выселения в колониальной политике России, автор приходит к выводу: «утверждение о том, что русское командование насильственно изгоняло горцев в Турцию, не соответствует действительности. Исход горцев был следствием конфликта архаичной самобытной культуры и российской цивилизации. Подобный конфликт был бы неизбежен с любым государством при попытке реализовать свои геополитические интересы на Кавказе и осуществить цивилизационную миссию в отношении местных народов» [12,152].

К факторам, стимулировавшим переселение адыгов, С.Г. Кудаев относит следующее: продолжительность и активность военных действий русских войск; непримиримость позиций борющихся сторон: русские – безоговорочное повиновение, а еще лучше – выселение горцев; адыги – «Кавказ никогда не будет русским»; особенности географического положения исторической родины адыгов давали им возможность сравнительно легкой эмиграции, а для Российской империи делали эту территорию стратегически важным регионом; не только отсутствие ограничений, но даже стимулирование эмиграции со стороны царской администрации [13,169]. Тем самым интересы колонизации Кавказа были на первом месте, поэтому переселение горцев на плоскость или в Турцию рассматривалось царским правительством как наиболее радикальное средство в деле окончательного овладения Кавказом.

В ходе дискуссии по проблеме выявления причин, побудивших адыгов покинуть свою родину, за которую они воевали столько лет, и переселиться в Османскую империю, исследователи называют несколько основных причин: желание колонизировать данный регион Россией, которая укрепляла свои южные границы, желание Турции не допустить доминирования России на Кавказе, вмешательство европейских держав, неспособность малочисленных народов противостоять армии, агитационная политика османского правительства. Но главной причиной выселения адыгов является геополитика России и

вытекающие из нее военные действия на Северном Кавказе. Османская империя же была заинтересована в переселении мухаджиров, в первую очередь с целью использования их военного потенциала и для развития сельскохозяйственного производства.

Примечания

1. Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864 гг. Нальчик, 1991.
2. Березгов Б.Н. Современное положение северокавказских мухаджиров в странах мира //Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994. С.69.
3. Лилов А. Последние годы борьбы русских с горцами на Западном Кавказе // Кавказ. 1867. № 20
4. Кумыков З.Т. Вопрос о выселении адыгов в Турцию в 50-60-х годах XIX века в историческом кавказоведении. Нальчик, 1998. С. 26.
5. Цит. по Платицына Т. Мухаджирство горцев Кавказа как отражение политического противоборства России и Турции в XIX в. // Научный альманах «Варианты». 1 марта. 2011 // <http://www.warianty.blogspot.com/2010/05/xix.html>. дата доступа – 28.06.2012.
6. Кумыков Т. Х Адыгское мухаджирство – последствия Кавказской войны // Кабардино-Балкарская правда. 1990.10 апреля. № 69.
7. Касумов А.Х. Разные судьбы. Нальчик, 1967.
8. Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975.
9. Берзег Н. Изгнания черкесов. Майкоп, 1996.
10. Иззет А. Причины и результаты выселения черкесов в Османскую империю//Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994.
11. Пронштейн А.П., Патракова В.Ф. Советская историческая наука и вопросы изучения кавказского мухаджирства XIX века// Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994. С.123.
12. Скибицкая И.М. Эмиграция горцев Северо-Западного Кавказа в Османскую империю // Кавказский сборник. Т.7 (39). М., 2011.
13. Кудиев С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке. Процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик, 2007.

**М.З. МИСХОЖЕВ,
асп. КБГУ (г. Нальчик)**

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ОСВЕЩЕНИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРО- ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

В эпоху существования СССР изучение истории народов Северного Кавказа в основном основывалось на материалах и источниках российского происхождения. Это было связано с господствовавшей установкой партийных органов о сознательном искажении и фальсификации истории народов нашей страны зарубежной историографией. Это лишало советских исследователей богатейших россыпей источников концепций, иных взглядов на прошлое, которые давали возможность по-новому взглянуть на известные исторические события, увидеть своеобразие общественных институтов и традиций в регионе. Результат такого подхода печален: при наличии десятков тысяч опубликованных книг, воспоминаний, записок о народах Северного Кавказа, хранившихся в библиотеках, архивах, музеях Запада и Востока, отечественные историки задыхались от отсутствия документальных материалов о жизнедеятельности горцев Кавказа.

Тем не менее, отдельные зарубежные источники все-таки проникали в исследовательское поле науки и вводились в научный оборот. «Река» познания пробивала путь сквозь толщу чиновничьих ограничений и запретов. Достаточно вспомнить имена М. А. Полиевктова, Е. С. Зевакина, В. К. Гарданова, А. Х. Касумова, А. Х. Бижева, В. М. Аталикова, И. М. Назаровой, Б. Н. Березгова, К. А. Мальбахова и др., которые не только использовали работы английских и французских авторов, но и делали попытки издавать их.

Первая работа о наблюдениях путешественников в северокавказском регионе была опубликована в Осетии, где вышел сборник ино-

странных путешественников, побывавших на Кавказе [1]. Удачный опыт издания материалов об Осетии обусловил выпуск В.К. Гардановым объемной работы, в которой поместились десятки выдержек из работ европейских авторов XIII-XIX вв. об адыгах, балкарцах и карачаевцах, существенно обогатившие кавказоведение. Во вступительной статье к текстам ученый рассказал о европейцах, интересовавшихся Кавказом, уникальной информации, запечатленной ими в публикуемых очерках [2]. Этот материал творчески дополнил В.М. Аталиков, который ввел в научный оборот малоизвестные воспоминания путешественников из Италии, Франции, Германии, Англии, побывавших на Северном Кавказе в XIII-XVIII вв. В них содержатся сведения об обычаях, семейных отношениях, хозяйственной деятельности, религии кабардинцев, северо-западных адыгов, балкарцев, карачаевцев, осетин, чеченцев [3]. Позднее, значительно расширив материал, В.М. Аталиков издал работу, в которой устранил обнаруженные в работах предшественников недостатки [4].

1999 год стал переломным в освоении европейского научного наследия. В этом году была переведена, причем не выборочно, как раньше, а целиком, работа известного исследователя Кавказа И. Бларамберга. Фламандец Иоганн Бларамберг (Жан-Море де Бларамберг) получил юридическое образование в Гессенском университете и в 1824 г. принял российское подданство. Прослужив на Кавказе два с половиной года, он «... по собственному желанию в свободное время занимался собиранием материалов о народах Кавказа, чтобы впоследствии составить из них полную картину Кавказского края». Но подготовленная к печати работа была засекречена и, по меткому замечанию историка Генштаба Н.П. Глиноецкого, «... схоронена в архивах военно-топографического депо» (позднее: ВУА Главного штаба, ныне РГВИА) в Москве [5,13]. В наши дни продолжается работа над переводом, обработкой и публикацией трудов зарубежных исследователей.

В первой половине XIX в. Северо-Западный Кавказ посетили: Ю. Клапрот (1807-1808 гг.), Тебу де Мариньи (1818-1824 гг.), Дж. Белл (1837-1839 гг.), Дж. Лонгворт (1837 г.), Э. Спенсер (1836 г.). Посетив регион с различными целями, они собрали значительный пласт сведений по истории, этнографии, географии, а также демографической ситуации, что важно для бесписьменных народов Северного Кавказа.

Для западноевропейских исследователей первой половины XIX в. характерно детальное описание природно-климатических условий,

особенностей топоса, в условиях которого жили горцы. Данное обстоятельство связано с популярной в то время идеей о тесной взаимосвязанности конкретной местности и исторического развития проживающего там населения [6,45]. Рассматривая социальную структуру, политическое устройство, нормы обычного права, иностранцы освещали конкретно-историческую ситуацию с точки зрения своей культуры, поэтому их выводы часто тенденциозны.

Джеймс Бэлл – английский политический агент, представлявший интересы Британской короны, прибыл к горцам Северо-Западного Кавказа для организации их борьбы против России и в течение двух лет жил среди адыгов, изучал их быт, общественный и хозяйственный строй. В результате наблюдений он пришел к выводу о существовании социального мира между различными социальными группами общества региона [7,5]. Конечно, данный тезис является спорным и в рамках данной статьи не может быть рассмотрен, но, тем не менее, он позволит по-новому взглянуть на многие исторические факты.

В первой трети XIX в. у западных адыгов господствовали феодальные отношения. Вместе с тем сохранялись некоторые черты родовых отношений. Общественно-политическое развитие Западной Черкесии определялось в основном событиями 1796 года, когда произошла знаменитая в истории адыгов Бзюкская битва, в которой народное ополчение шапсугов, абадзехов и натухайцев встретилось с дворянским войском бжедугов и темиргоевцев.

Несмотря на неудачу в Бзюкской битве, восставший народ не капитулировал. Битва, по словам Л. Я. Люлье, «не остановила хода событий, напротив, ускорила его. С того времени вся надежда дворян на успех была потеряна. Права и преимущества их были уничтожены» [2, 249].

В XVIII – первой половине XIX в. многие авторы, непосредственно наблюдавшие жизнь «демократических» племен, указывали на распространенность у них братств. Джеймс Белл, претендовавший на приоритет в описании адыгского «тлеух», называл эти союзы «необыкновенной чертой черкесского общественного строя» [7,215]. По его мнению, «тлеух» являлись «правлением Черкесии, и всякое улучшение, которое пожелали бы ввести в это правление, должно быть произведено на основе братств и привито к ним, так как братства глубоко укоренились в привычки и психологию черкесов» [7,276]. Защита друг друга перед лицом внешней опасности, оказание члену братства материальной помощи, запрещение браков внутри братства, на-

личие у братства собственного имени или названия – таковы основные принципы, на которых покоился «тлеух» у «демократических» племен [7,276]. Появление среди адыгов сообществ в виде «братств» Джеймс Бэлл относил «к очень глубокой древности» [7,276]. С его «датировкой», подчеркивавшей архаичность адыгского «тлеух», соглашался В. К. Гарданов [2,255].

В. К. Гарданов рассматривал адыгские «братства» как кровнородственные организации, фратрии, выросшие из сегментации одного начального рода, и подчеркивал их «широкий демократизм» [2,256]. В них он находил все основные устои – экзогамию, родовую взаимопомощь, кровную месть и другие черты, характерные родовой организации общества. Вместе с тем в «братствах» В. К. Гарданов видел «основную ячейку политического объединения адыгского крестьянства» [2,257]. Но историк отрицал наличие у «тлеух» официального главы, объясняя это антифеодальной нацеленностью и демократизмом самого «тлеух». Бесспорно, «братства» у «демократических» племен, первоначально напоминая ирокезские фратрии, со временем, особенно в XVIII – первой половине XIX в., приобрели четкий социальный облик. Их интенсивное формирование, вызванное усилившейся борьбой родовой знати за лидерство в братстве, явно происходило на базе разлагавшихся родовых отношений; об этом свидетельствовала широкая практика приема в соплеменники любого «...из другого племени», «какого бы он ни был рода и звания» [8,210-211]. Последнее уже само по себе предполагало наличие внутри «братства» элементов социальной неоднородности. Кроме того, общественный союз, каким был «тлеух», будучи более высокой формой ассоциации, чем род, понятно, не мог не иметь собственного управления. По мнению М. М. Ковалевского, в тех местностях, в которых отдельные роды входили «в состав более обширных соединений-братств, права родовых собраний» переносились «на собрание всего братства или «тлеуха» [9,176]. Он указывал на «старейшин», или «тамата», возглавлявших братства [9,180]. Задолго до М. М. Ковалевского об этом писал Джеймс Бэлл. По его свидетельству, «каждое братство» возглавлялось «своими старейшинами»; чтобы занять положение главы братства необходимо было обладать «посеребряной сединой бородой» и «превосходством как на советах, так и повсюду» [7,229]. Наблюдения дореволюционных авторов подтверждаются данными Дж. Бэлла, отметившего, что все споры, возникавшие внутри братства, решались судом старейшин [2,483-484]. Совет ста-

рейшин обсуждал также вопросы взаимопомощи, кровной мести и другие функции управления. Иначе говоря, адыгские «братства», выросшие из родовой организации, унаследовали его традиционные начала в области управления. В этом отношении они напоминали чеченские тукхумы, также формировавшиеся из отдельных родов. Происходившие на фоне традиционного управления родом изменения в управленческой практике «братств» касались не столько принципов, сколько «масштабов»: советы старейшин «братств» решали задачи более широкой общественной значимости. Естественно, со временем, по мере происходивших внутренних социальных перемен, связанных с феодализацией адыгских «братств», родовые начала в организации управления постепенно уступали развивавшимся социально-классовым: у «братств» появлялась «управленческая» прослойка, ориентированная на власть и социальные привилегии. На этой стадии эволюции адыгские «тлеух» особенно широко практиковали прием в свой состав беглецов-чужеродцев. Это вело к превращению «тлеух» в «союзы присяжных братьев» [2,260]; именно они, в конечном счете, и становились тем общественным организмом, который в адыгском обществе при его переходе к феодализму занял важнейшее место. Такие «новые» адыгские «братства», как «Союзы присяжных братьев», насчитывавшие в своем составе до двух и более тысяч человек [2,260] и являвшиеся основным видом «правления Черкесии», представляли собой «сообщества» переходного характера. Их влияние на социальную жизнь «демократических» племен было столь огромно, что В. К. Гарданов видел в них «классовый союз крестьянства против дворян» [2,257]. Нечто подобное имели в виду Джеймс Бэлл и Хан-Гирей, также подчеркивавшие «антидворянскую» нацеленность «Союзов присяжных братьев». Такая оценка адыгских братств переходного периода вытекала из той роли, которую они сыграли в общественном перевороте конца XVIII в. (события Бзико-Зауо).

Первым в советской историографии сущность «демократического переворота» и проблемы общественного строя «демократических» племен в советском кавказоведении поставил М. Н. Покровский. Его взгляды определялись положениями формационной теории, применение ее «механически» к социальным явлениям «демократических» племен вело ученого к ошибочным идеям. Примером этому может служить объяснение М. Н. Покровским так называемого «общественного переворота», происшедшего в «демократических» племенах в конце XVIII в.: «в земле шапсугов... господство дворян было

совершенно свергнуто... Пример шапсугов так подействовал, что у абадзехов и натухайцев подобная же демократизация общества произошла без всякой революции» [10,109-110]. Поступательное развитие черкесского общества представлялось как некая его постепенная демократизация. «У черкесов, – писал М. Н. Покровский, – аристократический строй мало-помалу уступал место демократии» [9,110]. Свободных общинников – фокотлей, составлявших основную массу «демократических» племен, он сравнивал с западноевропейским «третьим сословием». Идеи М. Н. Покровского получили широкое распространение в советском кавказоведении. Так, Я. Н. Раенко-Туранский в 1927 г. писал уже о том, что черкесское общество конца XVIII в. знало «зарождение торгового капитала», противоречия между феодалами и торговым капиталом; события Бзюкской битвы 1796 г., связанные с «общественным переворотом», у Я. Н. Раенко-Туранского рассматривались как «революция», подготовившая черкесов к переходу от племени к нации [11, 20-21]. По существу, в духе М. Н. Покровского писал и Б. В. Скитский, признавший господство феодализма у западных (горных) черкесов, разделенных на князей и дворян (уорки), с одной стороны, и простой «свободный» народ (фокотли) – с другой. В то же время, по Б. В. Скитскому, под влиянием классовой борьбы в конце XVIII в. «сила феодалов у западных черкесов ослабевала», и в конечном счете «княжеская власть у этих племен совсем пресеклась» [12,142-143].

Е. С. Зевакин впервые в советском кавказоведении стал рассматривать общественный строй «демократических» племен XVIII – начала XIX в. как переходную стадию от родовой формации к феодальной. На широкой базе источников он обрисовал процесс распада черкесского рода и образования привилегированной родовой знати [12,169].

В конце XVIII – первой половине XIX в. уорки, старшины, фокотли, пшитли, унауты, составлявшие общественную иерархию «демократических» племен, имели, естественно, различные тенденции социального развития. Замечался, например, упадок влияния уорков и возрастание роли феодализирующейся родовой знати (старшин); происходило расслоение фокотлей на зажиточных, тянувшихся к знати, и рядовых, на которых со временем распространялось влияние знати. Старшинская знать и фокотли представляли собой самые динамичные силы в западноадыгском обществе, в конечном счете определявшие его социальный облик [13,43]. Пшитли и унауты, сыгравшие

важную роль на начальных этапах феодализации, позже утратили свою социальную «миссию». Их место заняли свободные общинники, постепенно превращавшиеся в крестьянский класс феодального общества. Для завершения этого процесса, однако, было необходимо, чтобы произошла монополизация земельной собственности феодалами и чтобы наряду с внеэкономическим принуждением, практиковавшимся в «демократических» племенах, стало возможным наделение непосредственного производителя, в данном случае фокотля, средствами производства, и в первую очередь – землей. Пока же, в первой половине XIX века, горское общество адыгов развивалось не на базе земельной собственности, а на базе того общественного богатства, которое создавалось сбытом излишков продуктов скотоводства, торговлей, набегами и военной добычей [13,44]. В адыгском обществе, в отличие от «вольных» союзов Дагестана и тайпов Чечни, уже четко обозначились основные социальные слои, которым в будущем предстояло стать классами феодального общества. Но и здесь основой социального строя оставалась сельская община раннего этапа развития, когда в отношениях поземельной собственности элементы более древней родовой общины сочетались с элементами сельской [2, 271].

Господство и влияние урков «демократических» племен распространялось в основном на рабов-невольников и частично на отдельные наиболее слабые роды [9,160]. Но чаще урки не пользовались влиянием дальше своей общины («псухо»). Подчинение невольника внутри общины основывалось на его положении пленного, подчинение свободных общинников – на покровительстве сильного рода над слабым, так описывает эту форму зависимости Дж. Белл [7,195]. Э. Спенсер в этом вопросе также придерживался обозначенной позиции [15,124]. Отношения «господства и подчинения», появлявшиеся в «демократических» племенах благодаря уркам, не затрагивали, однако, сферу землевладения, где родовая форма собственности сохраняла прежний свой вид [15,43]. Более того, эти отношения не успели достигнуть той строгой степени регламентации, которая необходима, чтобы они получили правовое выражение. Однако урки, судя по источникам, не раз предпринимали действия, направленные на установление своего господства над общинниками. Хан-Гирей и Л.Я. Люлье свидетельствовали о настойчивых попытках «дворянских» родов поставить в зависимость свободных общинников – фокотлей, намереваясь превратить их в зависимое от себя сословие. В

этих поползновениях, вызвавших острый конфликт между уорками и общинниками, следует искать истоки и суть событий 1796 г. Накануне Бзиоко-Зауо абадзехские уорки в очередной раз предпринимали усилия, чтобы «достигнуть звания и положения пши (князей), существовавших у бжедугов, темиргоевцев, бесланоевцев, кабардинцев и некоторых других адыгских племен» [2,65]. По мнению А. Н. Дьякова-Тарасова, автора историко-этнографического очерка об абадзехах, демократические порядки у абадзехов были столь сильны, что попытки уорков возобладать над фокотлями «остались тщетными»: как и прежде, общины продолжали управляться «сами собой» [16,65].

Таким образом, материалы западноевропейских исследователей о народах Северо-Западного Кавказа первой половины XIX века открывают значительный слой фактологических знаний, а также корректируют давно поставленные в науке проблемы. Их описания показывают сложность социальных, политических и хозяйственных отношений в регионе. В рамках советской историографии были поставлены и решены ряд важных вопросов, однако отечественные историки вывели из области своих интересов «неудобные» материалы западноевропейских авторов. В связи с этим необходимо пересмотреть методологические установки при изучении обозначенных вопросов. Не забывая отдельных достижений формационной теории, надо шире использовать «цивилизационный» метод познания, что в значительной степени расширит кругозор ученых и позволит прийти к более объективным выводам по истории народов Северо-Западного Кавказа.

Примечания

1. Осетины глазами русских и иностранных путешественников XIII-XIX вв./Сост. В. К. Гарданов. Орджоникидзе, 1967.
2. Гарданов В. К. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974.
3. Аталиков В. М. Наша старина. Нальчик, 1996.
4. Северный Кавказ в европейской литературе XIII-XVIII веков. Сборник материалов/Сост. В. М. Аталиков. Нальчик, 2006.
5. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа/Перевод с французского, предисловие, комментарии И. М. Назаровой. Нальчик, 1999.
6. Реизов Б. Г. Французская романтическая историография (1815-1830). Л., 1956.

7. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии/Перевод К. А. Мальбахова. Нальчик, 2007.
8. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
9. История Адыгеи с древнейших времен до начала XX века. Майкоп.
10. Покровский М. Н. Адыгейские племена в конце XVIII – первой половине XIX века. Кавказский этнографический сборник. Л., 1958. Т. II.
11. Раенко-Туранский Я. Н. Адыге до и после Октября. Краснодар, 1927.
12. Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.
13. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. I.
14. Чирг А. Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа. Майкоп, 2002.
15. Спенсер Э. Описание поездок по Западному Кавказу. Нальчик, 2008.
16. Панеш А. Д. Активизация политики России на Северо-Западном Кавказе и нарастание борьбы адыгов за независимость (20-40 гг. XIX века) // Информационно-аналитический вестник. 1999. Вып. №2.
17. Бижев А. Х. Социально-экономический строй народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в годы Кавказской войны. Майкоп, 2005.

**Д. А. ШУРДУМОВА,
студ. КБГУ (г. Нальчик)**

ТФОКОТЛИ КАК ОСОБАЯ СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ АДЫГСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА (ПЕР. ПОЛ. XIX В.)

В адыгском обществе пер. пол. XIX в. совершенно отчетливо выделялся ряд социальных групп, каждая из которых занимала особую сословную нишу в иерархической структуре социума. Адыги делились на две большие сословные общности – благородных и неблагородных, которые, в свою очередь, разделялись на различные категории. Знать составляли князья (пши) и первостепенные дворяне (уорки: тлекотлеши и деженуго). К ним примыкали остальные уорки, которые находились на службе у князей и первостепенных уорков. Князья и дворяне производительным трудом не занимались, они считались «владельцами аулов» [1, 3].

Основным производителем материальных благ было крестьянство. Именно оно занималось земледелием, скотоводством, ремеслом и различными видами домашней промышленности. Причем ремесло и домашняя промышленность были не только «тесно связаны с сельским хозяйством», но обеспечивали население оружием, орудиями труда, одеждой, бытовой утварью, изготавливали изделия, пользующиеся спросом на внешнем рынке. По материалам обычного права адыгское крестьянство пер. пол. XIX в. выступает раздробленным на отдельные группы, отличающиеся особенностями своего социального, юридического и семейного положения [2, 132].

Самой многочисленной и могущественной из них было так называемое свободное крестьянство – тфокотли (фокотлы, тлухотлы).

Хотя они считались свободными людьми, но, тем не менее, выполняли определенные повинности в пользу князей и первостепенных урков. В основе этой формы взаимоотношений лежала верховная собственность пши, тлекотлешей и деженуго на землю, на которой жили и работали тфокотли. Хан-Гирей отмечал, что все они, без исключения, занимались земледелием, не считая это неприличным, подобно дворянам [3, 261].

В эпоху средневековья термин «тфокотль» обозначал всякого свободного мужчину, принадлежащего к данной социальной общности. Однако в пер. пол. XIX в., несмотря на господство традиционных феодально-патриархальных отношений, происходил процесс разложения данной общественной группы. При этом основная их часть оставалась на положении непосредственных производителей, а незначительное число пополняло ряды господствующего класса [2, 197].

Основная масса тфокотлей находилась в зависимости от феодальной знати и подвергалась эксплуатации феодальной элитой. В пер. пол. XIX в. процесс разложения данной общественной группы продолжался. Однако процесс окончательного разделения тфокотлей на класс феодально-зависимого крестьянства и на класс феодалов еще не завершился. Поэтому тфокотлей нельзя полностью отождествлять ни с первым, ни со вторым сословием феодального общества.

Традиционный адыгский социум не знал жесткого распределения на касты. В нем действовали социальные «лифты», позволявшие активной части населения подниматься по иерархической социальной лестнице. Это связано было с различными факторами. Одним из наиболее мощных был демократический переворот в кон. XVIII в. в Натухае, Шапсугии и Абадзехии, в ходе которого права пши и урков были ограничены, и эти сословия в политическом плане были уравнены с тфокотлями.

Тфокотль, не выпрашивая себе звание урка у непосредственного сюзерена (например, дыжынуго-урка), сам мог подняться на ступеньку выше и вступить в ряды урков-шаотлигузов. Для этого ему было необходимо признание его в качестве господина со стороны 25 крестьян, которое он и получал путем освобождения своих унаутов (рабов) [4, 1]. Таким образом он становился на некоторый период времени вассалом, полутфокотлем-полуурком. Если князь, тлекотлеш, или дыжынуго-урк не признавали в таковом лице урка, то он мог удовлетворить свои социальные амбиции в другом черкесском княжестве [5, 2].

Однако такой социальный рост удавался совсем незначительной, разбогатевшей части тфокотлей, основная же масса испытывала угрозу закрепощения. Сословная зависимость тфокотлей проявлялась и в ограничении права свободного перехода от одного владельца к другому. Они были связаны данной их предками присягой, и, если осуществлялся тайный уход от владельца, то все свое имущество тфокотль был вынужден оставить владельцу земли, на которой он жил [6, 55].

Категория тфокотлей делилась внутри себя на группы и по другому признаку: в первую входили вольные земледельцы в племенах, имеющих народное правление («демократические»). Они не знали над собой никакой власти и составляли практически самостоятельную социальную общность. Независимость каждого из них была сопряжена с безопасностью целого общества; во вторую входили земледельцы в княжеских владениях («аристократические»). Они имели больше возможностей в ведении своего хозяйства, в отличие от крепостных людей, но состояли в определенной административной и поземельной зависимости от князей и дворян [3, 159].

Например, когда владелец весной выжигал пастбище, ему давали по ягненку от каждого семейства, занимающегося овцеводством. Владелец взыскивал штраф, если вольный земледelec на охоте добыл оленя и не принес владельцу известную часть мяса и др. То есть, тфокотли выполняли различные феодальные повинности и находились в известной зависимости от князей и дворян. Однако точно определить степень зависимости, размеры выполняемых в пользу феодалов повинностей не является возможным. Связано это с тем, что основная их масса еще только превращалась в зависимых крестьян, ее положение было изменчивым и потому не получило достаточного оформления в действовавшем у адыгов обычном праве [2, 201].

Старшинская верхушка тфокотлей играла значительную роль в «аристократических» племенах (например, у кабардинцев и бжедугов). Даже князьям и уоркам приходилось считаться с ней. Поскольку большинство жителей аулов состояли из тфокотлей, естественно, что их старшины, которые могли опираться на поддержку всех «вольных земледельцев», представляли мощную социальную силу. Поэтому князья и уорки стремились привлечь на свою сторону старшинскую верхушку.

Важное место тфокотли занимали и в политической жизни «демократических» племен (у шапсугов, абадзехов и натухайцев). В

результате общественно-политического переворота мелкие вотчинно-старшинской верхушки тфокотлей стали объединяться на демократической основе, причем в форме соседских общин и их союзов [7, 129]. Они оттеснили феодальную знать от управления обществом, в результате чего права и привилегии дворянства были ограничены, а верховенство в политической области перешло к старшинам [8, 60]. В отличие от них, в «аристократических» адыгских племенах феодалы сумели сохранить почти в полном объеме власть над тфокотлями.

В XIX в. имущественному расслоению тфокотлей у прибрежных адыгских племен способствовали весьма оживленные торговые связи с Турцией. В ряде пунктов, таких как Анапа, Суджук-Кале, Геленджик, проходили крупные торговые операции. Непосредственным следствием роста экономической мощи этой богатой прослойки было усиление их влияния в общинах, где они обычно сосредотачивали в своих руках старшинскую власть. Так плоды победы «демократического общественного переворота» достались экономически сильной старшинской верхушке тфокотлей, которая сумела с выгодой для себя использовать антидворянское движение массы крестьянства и установить в общинах свое господство [9, 57].

Дихотомия «демократические – аристократические» племена, скорее всего, является идеологическим конструктом, созданным не без вмешательства европейских схем, полагает А.В. Сивер. Однако этот конструкт основывался все-таки на реалиях социальной организации шапсугов и натухайцев, менее жесткой в сословном отношении, чем у остальных адыгов [10, 153]. «Демократический» статус шапсугов и натухайцев стал основанием для образования двух политических и этнокультурных полюсов – «аристократического» во главе с Кабардой и «демократического» в лице натухайцев, шапсугов и абадзехов [11, 1].

Так, темпы феодализации и сам процесс становления феодализма у различных адыгских народов были неодинаковы. Они зависели от географических условий, степени устойчивости общины и ее институтов, от расстановки социальных сил и других моментов. Рассматривая класс тфокотлей, нужно учитывать конкретную стадию развития адыгского феодального общества. Эта своеобразная группа представляет собой сложный организм.

Сословие тфокотлей в российской историографии трактовалось и трактуется как крестьянское. На самом же деле здесь имеет значение не крестьянский труд тфокотля, а прежде всего его статус в системе

вассалитета. Обычное право предусматривало нормы, по которым тфокотли были обязаны нести определенные повинности в пользу князей.

К примеру кабардинские феодалы использовали старые родовые формы пользования землей для расширения своих владельческих прав. Возьмем обычай «покровительства»: князья, прикрываясь патронатом, выступали верховными собственниками земли. Потеря покровительства означала в условиях адыгского общества того времени непереносимое ограбление, пленение и закабаление самого тфокотля и членов его семьи, а то и продажа их в рабство. Поэтому «вольные земледельцы» безропотно выполняли распоряжения князя. Получалось, что тфокотль позволял князю себя эксплуатировать, чтобы остаться «свободным» и обеспечить свободу членов своей семьи [12, 104]. В первой половине XIX века феодальная верхушка Кабарды стремилась укрепить систему патроната, ограничить право переходов свободных адыгов, превратив народное правление о нерушимости уз покровительства в закон. Вплоть до середины века это ограничение переходов носило характер тенденции, часть тфокотлей лишилась права разрыва отношений с патронами [13, 3]. Кроме того, разложение общины и разорение крестьянских хозяйств влекло за собой передачу крестьянских участков князьям, которые оставляли эти участки крестьянам лишь на правах условного или наследственного держания [14, 132]. Крестьяне теряли статус свободных общинников и пополняли ряды зависимых сословий.

Таким образом, сочетание юридической свободы и определенной формы поземельной и административной зависимости, а также внеэкономические формы принуждения делали положение тфокотлей двойственным. Сохранить свою личную свободу становилось все труднее. В ходе социального расслоения масса рядовых тфокотлей подвергалась пауперизации, что способствовало ее закреплению. Бедность становилась опасным состоянием, влекущим за собой крепостную зависимость [15, 9]. Можно сказать, что, несмотря на всю противоречивость социального статуса тфокотлей, основная ее часть (с некоторыми оговорками) находилась в большей или меньшей степени зависимости от знатной верхушки – князей и первостепенных уорков.

Примечания

1. Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Вып. 2. 4.13. Протомилитомангарное общество. М., 1999. URL <http://www.e-reading-lib.org/> (дата обращения: 2.02.2013.)
2. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX века). М., 1967.
3. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
4. Рейнегтс Я. Всеобщее историко-типографическое описание Кавказа. URL <http://www.circas.ru> (дата обращения: 6.02.2013)
5. Хуран А. Система вассалитета в Черкесии. URL <http://www.circassiancenter.org/feed/> (дата обращения: 7.02.2013).
6. Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX веке. Майкоп, 1986.
7. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994.
8. Чирг Ю. А. Общественно-политический переворот у адыгов Северо-Западного Кавказа в конце XVIII века // Культура и быт адыгов. Майкоп, 2001. Вып. IX.
9. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989.
10. Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Владикавказ, 2008. Ч. II.
11. Сивер А.В. Этническая идентификация черноморских адыгов-шапсугов (XVIII-XX вв.) Автореф. дисс... канд. ист. наук. URL <http://www.dissertCat.ru> (дата обращения: 7.02.2013)
12. Куадже Р.З. Правовое положение классов и социальных групп адыгского общества XVIII – первой половины XIX века // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Вып. III. Майкоп, 1980.
13. Керашев А. Т. Патронат в системе сословно-классовых отношений адыгов в дореформенный период // Культура и быт адыгов. Вып. VII. Майкоп, 1988.
14. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.
15. Мамбетов Г.Х. К истории кабардинского феодализма // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. II. Грозный, 1980.

С. С. АГАСБЕКОВА
студ. КБГУ (г. Нальчик)

ГОРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАВКАЗА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ В XIX В.

Приоритетным направлением деятельности любого государства является совершенствование системы управления. В современной России возрастает интерес к истории взаимодействия центра и регионов. Ретроспективный анализ отношений между двумя уровнями власти способствует пониманию общих закономерностей функционирования российской политической системы, а также позволяет вскрыть сложности, с которыми сталкивается политика Центра на местах.

Поиск эффективных механизмов управления со стороны федеральной власти в контексте ее взаимоотношений с периферией актуализируется в Кавказском регионе, традиционно являющемся стратегически значимой частью государства. В этом смысле возрастает значение исторического опыта, который позволяет выявить наиболее эффективные пути вхождения Кавказа в общее пространство Российской Империи.

Одним из самых удачных административных «нововведений» в длительной истории формирования российской государственности на Кавказе, на наш взгляд, является система *военно-народного управления*, в ведение которого поступили горские народы Северного и отчасти Восточного Кавказа, отделенные от казачьего и общегражданского управления. Она основывалась на сочетании традиций горского самоуправления и судопроизводства с принципами единоначалия и контроля со стороны офицеров русской армии [1, 137] и способ-

ствовала решению первоочередной задачи военной и гражданской администраций на Кавказе – формированию эффективной системы управления горскими народами. Не последнюю роль в ее реализации сыграл учрежденный в 1851 г. в Тифлисе Кавказский отдел Императорского русского географического общества. Общество было тесно связано с российскими военными властями и не раз сотрудничало с ними при разработке законопроектов, касавшихся управления кавказскими горцами [2, 33]. Уже в первой половине XIX в. большое количество статистических, экономических, этнографических и военно-топографических описаний Кавказа было выполнено офицерами российской армии [3]. Такого рода материалы служили для российских властей одним из источников принятия компетентных решений. Во второй половине XIX в. появляются обстоятельные исторические сочинения В. А. Потто, Н. Ф. Дубровина, С. С. Эсадзе [4].

Всестороннее и масштабное изучение Кавказского региона со временем привело к пониманию самобытности местных народов, осознанию недостаточности силовых мер по их включению в политико-правовое поле Российской Империи и тем самым предопределило поиски социально-культурного синтеза. Характерно, что на всех этапах имперской политики обязательным условием осуществления сколько-нибудь крупной реформы российских властей на кавказской окраине было предварительное изучение специфики социальных отношений и культуры местных обществ. Это свидетельствует о том, что конечная цель правительственной политики в регионе, сводившаяся к водворению в горских обществах «прочного порядка» и «подчинение их общим с русским населением гражданским учреждениям», достигалась не любой ценой [2, 35].

Сущность этой судебно-административной системы достаточно четко была выражена И. И. Воронцовым-Дашковым: «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, – основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армии и на предоставлении населению во внутренних делах вестись по своим адатам. При этом допускалось привлечение в низшую администрацию и суд «местного, отчасти выборного элемента» [5, 344].

Исследователи неоднократно касались различных аспектов военно-народного управления [6], но вопрос о его генезисе остается открытым. С. Г. Агаджанов связывает происхождение этой формы

правления с воеводской системой, претерпевшей соответствующую трансформацию [7, 395]. Автор обращает внимание на тот факт, что военно-народное управление фиксируется, как правило, на окраинных территориях, присоединенных в результате военных действий. Помимо Кавказа, военно-народное управление существовало и в других российских окраинах и имело свои подвиды. Своеобразным вариантом являлась кантональная система в Башкирии, введенная в конце XVIII в. для перевода служилых башкир в военное сословие. Специфическая форма изучаемой системы была распространена на кочевое население Средней Азии и Казахстана [7, 395-396].

Существует множество мнений о том, кем же были впервые апробированы принципы военно-народного управления на Кавказе [1, 137-142]. Так, В. М. Муханов называет «основателем этой системы в регионе» А. И. Барятинского [8, 134], с именем которого действительно связано активное применение в управленческой практике принципов военно-народного управления. Однако некоторые исследователи [9] обнаруживают основополагающие идеи, впоследствии в полной мере воплощенные в системе военно-народного управления уже в начале XIX столетия в устройстве управления некоторых территорий Закавказья. Некоторые его черты присущи также действовавшим в Кабарде в период с 1793 по 1807 гг. родовым судам и расправам, основанным на адате. Более правомерной представляется точка зрения начальника военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа С. С. Эсадзе, опиравшегося в своих исследованиях на богатый фактический архивный материал: «Творца этой системы трудно определить, так как она создавалась во время военных действий и под влиянием военной обстановки» [10].

Первый эксперимент по введению подобного устройства был проведен в Кубинском ханстве Северного Азербайджана в 1806 г., попавшем под протекторат России. Во главе ханства был поставлен Хаджи-бек со званием *наиба*. Ему было поручено управлять по адату и шариату, но под русским контролем. После отпадения и вторичного покорения Кубы в 1809 г. по приказу главнокомандующего И. В. Гудовича управление было передано совету из четырех важнейших беков, деятельностью которого руководил начальник размещенного в провинции русского отряда. После подавления восстания 1810 г. во главе совета из четырех беков был поставлен русский штаб-офицер [11, 94]. В последующем эта практика не раз применялась в Грузии, Азербайджане и Южном Дагестане. Но до конца 1850-х гг. попытки

российских властей опереться на местное право и привлечь к управлению Кавказом местную элиту не выходили за пределы отдельных ханств и «вольных обществ».

Окончательное формирование системы военно-народного управления относится к концу 50-х – началу 60-х гг. XIX в. и действительно связано с именем князя А. И. Барятинского, который, излагая свои взгляды на пути реформирования системы управления горскими народами в отчете за 1857-1859 гг., в качестве примера приводил опыт управления Чечней 1852 г. [12, 1288-1290]. В течение 1851-1853 годов А. И. Барятинский занимал пост начальника Левого фланга Кавказской линии, а затем по особому ходатайству М. С. Воронцова был назначен начальником Главного штаба на Кавказе. Поэтому именно Александр Иванович был непосредственно причастен к реализации «чеченского опыта» военно-народного управления в Северо-Кавказском регионе. 5 ноября 1852 г. Николай I утвердил положение Кавказского комитета об управлении покорными чеченцами, согласно которому чеченская территория, находившаяся под контролем российских властей, была разделена на округа «под управлением туземных старшин (наибов), а в каждом ауле – аульных старшин, подчиненных окружным начальникам» [13, 648].

Кроме того, значительно реформировалась входящая в состав военно-народного управления судебная часть. В основу преобразования была положена идея противопоставления шариату Шамиля обычного права горцев, а за образец были взяты суды для кумыков и кабардинцев, введенные еще А. П. Ермоловым. Вместо российских законов для разбора дел между чеченцами на основе народных обычаев и части мусульманского права в крепости Грозной учреждалось особое управление – «мехкеме» под председательством русского офицера. Члены суда – три старшины и один кадий – избирались из числа чеченцев, получавших за службу определенное содержание. Все дела, относившиеся к компетенции кадия, разрешались по правилам духовного суда – шариата, где кадию принадлежал решающий голос. В этом случае все остальные члены суда и сам председатель имели право только совещательного голоса. В остальных делах, решаемых по адату, применялся обратный порядок [14, 15]. Председатель «мехкеме» занимал должность начальника чеченского народа, поэтому, придавая особое значение личности, которой предстояло занять столь важную должность, А. И. Барятинский ходатайствовал о назначении известного востоковеда полковника И. А. Бартоломея.

С ослаблением власти Шамиля и увеличением подконтрольной российской администрации территории А.И. Барятинский осознавал необходимость организации управления горскими народами в некую «систему», причем власть должна была действовать в формах несложных и понятных горцу. Поэтому в период наместничества князя в основу административной политики по отношению к горскому населению Северного и части Восточного Кавказа были положены принципы военно-народного управления, которому отводилась роль политического компромисса. Оказываемое А.И. Барятинским предпочтение народному управлению базировалось на понимании сложившегося общественного строя у горцев. Особенно опасным и тактически безграмотным, по мнению наместника, являлось сохранение после Кавказской войны норм шариата – идеологии мюридизма в судебной и административной практике. Одну из главных задач российских властей князь А.И. Барятинский видел в «обессиливании» шариата и восстановлении в жизни народов Северного Кавказа норм обычного права. Он допускал сохранение за шариатским судом вопросов духовного характера, все остальные дела должны были решаться в словесных судах на основе адата. Адат, по мнению наместника, должен был стать тем мостом, который в конечном итоге должен был привести жителей Кавказа к российской законодательной системе. В качестве первого шага в этом направлении предлагалось составление письменного изложения адата для каждого из народов «сообразно с его положением и потребностями русской власти» [15, 167].

Первое законодательное закрепление система военно-народного управления получила в принятом 1 апреля 1858 г. «Положении о Кавказской армии» [16, 367-390], которое включало в себя отдельную часть «По управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления». При штабе армии была создана «Канцелярия по управлению Кавказскими горцами» [16, 368]. В военно-административном отношении сохранялось деление на пять отделов: Правое крыло, Левое крыло, Прикаспийский край, Лезгинскую кордонную линию и Кутаисское генерал-губернаторство. Распоряжения главнокомандующего должны были приводиться в исполнение через командующих войсками в пяти отделах, получавшими широкие полномочия и самостоятельность в управлении вверенной им в военном отношении местностью. Помимо подчинения всех родов войск, в том числе и по военно-судной части, в ведении командующих войсками

находилось местное население Кавказа, поскольку они обладали властью над гражданскими учреждениями [16, 370].

Уже к началу 70-х годов XIX века в отношении горского населения к деятельности поставленных над ними правительственных лиц обозначилась тенденция к снижению недоверия как результат ряда преобразований, облегчивших в первую очередь экономическое положение горцев, разоренных долгой войной. Речь идет о земельной реформе; об освобождении зависимых сословий; об устранении власти родовых правителей, зачастую притеснявших своих соплеменников; об устройстве путей сообщения, оросительных сооружений, о формировании системы светских школ [17, 172-215]. Шел объективный процесс сближения горцев с российской властью и постепенно формировался механизм взаимодействия и междивилизационного диалога.

Пореформенный период на Кавказе сопровождался формированием стратегического курса на административно-правовое сближение края с остальной частью империи при сохранении его особого регионального статуса (Кавказское наместничество). Этот курс проявлялся, в частности, в стремлении приблизить административно-правовые режимы, в которых существовали различные категории горского населения, к общеимперской модели, включающей в себя доминирующую губернскую систему регионального управления [18, 28]. Следствием новой политики становятся очередные административно-территориальные реорганизации областей Северного Кавказа в 1869-1871 гг.

Можно давать разные оценки эффективности военно-народного управления. Она, по справедливому замечанию С. Эсадзе, вызрела в тех политических и экономических условиях, в которых оказался Кавказский край в период длительного военного противостояния горцев и русских. Военный характер управления покорёнными горцами он объясняет достаточно просто. В период ожесточённого противоборства вопросы экономического и гражданского устройства края отодвигались на «задний план», а вопросы безопасности главенствовали во всём [10]. Созданная в ходе проб и ошибок и внедрения в практику «определённых мыслей» о «принципах» управления с использованием возможностей военной организации, система военно-народного управления как переходная форма сыграла важную роль в мирном освоении Кавказа, включении его в правовое поле Российской Империи и в общем русско-кавказском сближении. Глав-

ным достоинством этой системы был учет местных обычаев и традиций, простота и близость к жизни народа, постепенность перехода в политико-правовое пространство России на основе полиюридизма (одновременного подчинения нормам адата, шариата и законам империи) [19, 11].

Эту мысль неоднократно подчеркивали и современники военно-народного управления (Р. А. Фадеев – известный публицист, работавший теорию колониального господства России в Азии), и последующие кавказские администраторы. Так, А. М. Дондуков-Корсаков, которому будет поручено решать «судьбу» данной формы управления в начале 80-х годов XIX в., назовет ее «соответствующей уровню гражданского развития местного населения» [20]. А Николай II в 1895 г., при чтении всеподданнейшей записки преемника Дондукова-Корсакова на должности Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе С. А. Шереметева, подчеркнул встретившееся в тексте выражение «военно-народная система» и поставил против них резолюцию: «Самая лучшая на Кавказе» [10].

С течением времени военно-народная система не оставалась неизменной, вырабатывая свой ресурс и обнаруживая недостатки. Система военно-народного управления создала условия для снижения конфликтности на территории Кавказа, оказалась наиболее эффективной и жизнеспособной среди разнообразных форм и методов управления, применяемых российским правительством, и привела к формированию глубоко плюралистичной политической и правовой идентичности многих кавказских народов.

Примечания

1. Урушадзе А. Т. История военно-народного управления на Кавказе: в поисках автора и истоков // Восток (Oriens). 2012. № 6.
2. Боров А. Х. Северный Кавказ в Российском цивилизационном процессе (проблема социально-культурного синтеза). Нальчик, 2007.
3. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2 т. М., 1823; Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829; Блаرامберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа/Пер. И. М. Назаровой. Нальчик, 1999; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 годы. В 3 т. СПб., 1869 и др.

4. Потто В. А. Кавказская война. В 5 т. Ставрополь, 1994; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. СПб., 1871-1888; Эсадзе С. С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. СПб., 1913 и др.

5. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова/Публ. Д. И. Исмаил-Заде // Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005.

6. Матвеев В. А. Особенности административно-политического обустройства окраин Российской империи (на примере Северного Кавказа) // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 1; Пляскин В. П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.). // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2002. № 2; Бобровников В. О. Как русские на Кавказе и французы в Алжире XIX в. управляли туземцами-мусульманами // Кавказский сборник. Т. 7 (39). М., 2011; Кобахидзе Е. И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII – XIX вв.). Владикавказ, 2008; Битова Е. Г. Балкарские общества в административно-политической системе Российской Империи XIX в. // Кавказский сборник. Т. 1 (33). М., 2004; Калмыков Ж. А. Система административно-политического управления в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. дисс. к. и. н. Нальчик, 1975 и др.

7. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления/Отв. ред. С. Г. Агаджанов. М., 1998.

8. Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М., 2007.

9. Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия)/Сост. Ю. И. Семенов. М., 1997; Сотников А. А. Введение системы военно-народного управления на Северном Кавказе в XIX в. // Вопросы истории. 2009. № 5; Бобровников В. О. Военно-народное управление на Северном Кавказе (Дагестан): мусульманская периферия в российском имперском пространстве XIX – XX вв. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.

10. Цит. по: Ибрагимова З. Х. История возникновения военно-народной системы на Северном Кавказе // chechenasso.ru/?page_id=2180 (дата обращения: 19.11.12.)

11. Бобровников В. О. Военно-народное управление в Дагестане и Чечне: история и современность // Россия и Кавказ сквозь столетия: Исторические чтения/Сост. Я. А. Гордин. СПб., 2001.
12. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 12. Тифлис, 1904.
13. Полное Собрание Законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ). Собр. II. Т. 27. Ч. 1. № 26740. СПб., 1852.
14. Сихаджок З. Р. Правовой статус кавказского наместника в законодательстве Российской Империи (1845-1915 гг.). Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.
15. Блиева З. М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. Владикавказ, 2005.
16. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 33. Ч. 1. № 32938. СПб., 1858.
17. Избранные документы Кавказского комитета. Политика России на Северном Кавказе в 1860-70-е годы/Публ. Н. Ю. Силаева // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. М., 2000.
18. Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М., 2006.
19. Пляскин В. П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2002. № 2.
20. РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 311. Л. 33.

**А.Х. КАСКУЛОВ,
студ. КБГУ, СГИ (г. Нальчик)**

РАЗВИТИЕ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

На современном этапе исторического развития для народов Северного Кавказа торговля является одной из важнейших сфер деятельности, в которой занята значительная доля населения северокавказского региона. Естественно, что торговые отношения среди народов, населяющих регион, развивались поступательно, а торговые связи складывались не сразу.

Актуальность изучения проблем развития торговых отношений возрастает в связи с развитием рыночных отношений, а также в связи с переходом современного общества от производительного этапа своего развития к потребительскому. Для более успешного и безболезненного осуществления данного перехода необходимо обратиться к опыту, накопленному в предшествующий период.

В дореволюционной историографии вопросу развития торговли на Северном Кавказе не уделялось почти никакого внимания. Главным образом освещали политическую историю народов региона. Но, тем не менее, в некоторых статьях мы находим интересные факты, связанные с развитием торговли у горских народов, в частности это работы М. Ковалевского и В. Миллера [1], Н.П. Тульчинского [2], Е. Максимова [3], О.В. Маргграфа [4], А.Г. Ардасенова [5] и др.

История хозяйственного развития всего Северного Кавказа и его отдельных частей нашла свое отражение в трудах дореволюционных, советских и современных авторов. И если для дореволюционных

исследователей характерна, прежде всего, описательная сторона вопроса, сбор фактов, то последующие работы содержат важный аналитический материал, касающийся причин успехов и неудач в деле экономического освоения Северного Кавказа.

Отдельно хотелось бы выделить монографию Т.Х. Кумыкова «Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок», ставшую первым обобщающим трудом по данному вопросу [6]. Работа представляет собой исследование на базе большого фактического материала, главным образом архивных источников. Автор показывает развитие торговых связей народов Северного Кавказа в XIX в., раскрывает процесс вовлечения горцев во всероссийский рынок, объясняет прогрессивные последствия этого факта.

Большой интерес также представляет и сборник архивных материалов, освещающих торгово-экономические связи между Российской империей и народами Северного Кавказа, составителем которого является Т.Х. Кумыков [7,487].

Необходимо отметить исследования следующих историков: Б.А. Цуциев [8], Р. Магомедов, К.Х. Дзокаев [9], Б.С. Кулов [10], В.И. Ларин, М.С. Тотоев [11], Б.Х. Ортабаев [12], А.В. Фадеев [13] и др.

Стоит отметить, что историография Терской области посвящена в основном развитию сельского хозяйства и промышленности, железнодорожного транспорта, социокультурному развитию данного региона, а тема региональной торговли, ее история, развитие, рассматривалась историками-краеведами фрагментарно.

Таким образом, на данном этапе развития историографии проблемы развития торговых отношений на Северном Кавказе и в Терской области, в частности, существует лишь одно комплексное, обобщающее исследование. Остаются неизученными социально-экономические, правовые вопросы развития торговли, также нет объективной оценки роли торгового сословия в развитии экономики, образования, благотворительности и культуры.

Торговля в Терской области активно начинает развиваться со второй половины XIX века. 7 ноября 1869 года начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов вышел с ходатайством перед Высшей Кавказской администрацией о разрешении горцам «свободной торговли без стеснения формальностями и пошлинами». Это ходатайство было удовлетворено только «впредь до предстоящих преобразований». В 1871 г. вновь была введена пошлина и более строгая регистрация торговых свидетельств.

Начиная со второй половины XIX века число торговцев неуклонно росло. Так, если в 1879 году в казначействах Терской области было выдано 6829 торговых свидетельств и билетов на сумму в 73034 руб., то в следующем году – уже 7918 документов на сумму в 93994 руб., т.е. количество торговцев увеличилось на 1099 человек. Среди них купцов 1-ой гильдии – 25 чел., 2-ой – около 1 тыс. В городах и населенных пунктах Терской области торговлей официально занималось более 7 тыс. человек [6, 133]. Подавляющее число их сосредоточилось в наиболее крупных городах области, таких как: Владикавказ, Моздок, Пятигорск.

О развитии торговли говорит увеличение числа торговых заведений, рост торгового оборота, числа купцов, лавочников, скупщиков и ростовщиков. Увеличение товарооборота в регионе в значительной степени объяснялось быстрым развитием общероссийской промышленности в целом, прежде всего текстильной, хлопчатобумажной и производящей сельскохозяйственные орудия. Продукция этих отраслей была основным товаром в торговых заведениях городов и селений Северного Кавказа.

Важным фактором, повлиявшим на развитие торговли в регионе, стала фискальная политика правительства в регионе. Стоит отметить, что количество налогов, которое должны были уплатить в российскую казну горские народы во второй половине XIX века, значительно увеличилось. Налогами облагались практически все пригодные для этого средства. Иногда налоги вводили на предметы, которые никогда раньше не облагались налогами (например, налог на дым). По этой причине горским народам пришлось нести на рынок и в торговые заведения излишки домашнего производства с целью получения необходимых наличных средств для уплаты налогов.

За период с 1892 по 1896 гг. количество торговых заведений увеличилось на 641 заведение (14,7%), а оборот – на 9,364 млн. руб. (57,6%). Большая их часть сосредоточилась в Пятигорском отделе (23,4%), а также во Владикавказском и Грозненском округах, 23,3% и 16,2% соответственно.

Из 5009 торговых заведений Терской области (1896 г.) в городах было сосредоточено 2117 (42,2%), а остальные 2892 (57,8%) – в сельских населенных пунктах, в станицах и т.д.

Начиная с конца 80-х гг. XIX в. торговые заведения стали предметом вложения капиталов сельской буржуазии. Наибольший рост числа сельских лавок наблюдался в этот период во Владикав-

казском округе, где их количество увеличилось с 235 в 1890 г. до 627 в 1914 г. [12, 187]. В одном селении Христиановском, где имелось 2 тыс. дворов, до революции было 40 магазинов и лавок. Во Владикавказском округе торговый оборот в 1914 г. составил 4,7 млн. руб. [9, 191].

Лидерами по увеличению объемов розничной торговли в Терской области в последнее десятилетие XIX в. были Грозненский округ и Кизлярский отдел, где розничный товарооборот за период с 1892 по 1896 гг. увеличился в 2,2 и 2,6 раза соответственно.

В Нальчикском округе за период с 1890 по 1896 гг. число торговых заведений выросло почти в 2,5 раза, а количество торговцев, наоборот, уменьшилось. Розничный товарооборот в округе за 1892-1896 гг. увеличился в 1,4 раза.

Общее количество торговцев в области с 1890 по 1900 гг. сократилось с 11079 до 7189 человек. Уменьшение количества торговцев при увеличении количества торговых заведений объясняется законами рынка, конкуренцией.

Число торговых заведений только во Владикавказском округе в 1913 г. составило 705 против 359 в 1907 г. Наиболее быстро рос оборот торговли во Владикавказе, где его темпы за указанные годы выросли почти в 4 раза, тогда как по всей Терской области оборот розничной торговли увеличился в 1,5 раза. Во Владикавказе и Моздоке наблюдался процесс концентрации торговых заведений – они становились более крупными, что обусловило снижение их числа с 1656 до 1190 во Владикавказе, а в Моздоке – с 301 до 220 [9, 202].

Число торговых заведений росло и в равнинных и нагорных районах, особенно в селениях и станциях, примыкавших к железнодорожным станциям.

О быстром развитии торговли говорит появление различных торговых обществ, банков, касс, выдача купеческих и других торговых свидетельств. В начале XX в. во Владикавказе было открыто отделение Русско-Азиатского банка, производившее учет векселей и выдачу ссуд под залог. Он обслуживал всю Терскую область. Годовой оборот местного отделения в 1902 г. составлял 1,2 млн. руб.

На этой стадии развития торговых отношений в области возникло несколько торговых объединений: товарищества чайной торговли «К. и С. Поповы», «Василий Перлов с сыновьями», мануфактурная компания «Зингер» по продаже швейных машин. Было создано Владикавказское общество потребителей, Ольгинский и Карджинский

сельские общественные банки, Ардонская общественная ссудная касса и др.

Кроме государственного банка были открыты филиалы и конторы Азовско-Донского, Русско-Азиатского банков, Общество взаимного кредита, другие общественные и частные банки. Расширилась сеть ссудных касс, кредитных товариществ. Годовые обороты Владикавказского отделения Государственного банка увеличились в 1910 г. до 7,1 млн. руб. Обороты филиала Азовско-Донского банка в 1910 г. приблизились к 19 млн. руб.

В 1900 г. число торговых заведений в Терской области достигло 5212 с годовым оборотом в 30946956 руб. (рост с 1896 г. на 4% и 20,8% соответственно).

К 1911 г. в Терской области имелось уже 7693 торговых заведения с годовым оборотом в 45830058 рублей. На Нальчикский округ приходилось 742 торговых заведения (9,7% от общего количества) и 1383050 рублей годового оборота (3% от общего оборота).

Рыночные отношения проникали и в домашние промыслы народов Северного Кавказа. Здесь мы имеем дело со скупщиками и торговцами, которые скупали изделия местных кустарей и перепродавали их на рынках.

Итак, во второй половине XIX – начале XX вв. на Северном Кавказе довольно быстрыми темпами развивается сеть розничной торговли. Рыночные отношения проникают в хозяйственно-экономический строй горцев. Этому способствовал ряд причин: отмена ограничительных мер, рост покупательной способности местного населения, отмена крепостного права, строительство Владикавказской железной дороги, увеличение производительности труда.

Примечания

1. Миллер В. и Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы, 1895. Вып.5.

2. Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды. // Терский сборник. Владикавказ, 1892. Вып. 5.

3. Максимов Е. Кабардинцы // Терский сборник. Владикавказ, 1892.

4. Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.

5. Ардасенов А. Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896.
6. Кумыков Т. Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962.
7. Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40-50-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Выявление, археография и составление Т. Х. Кумыков. Нальчик, 2005.
8. Цуциев Б. А. Экономика и культура Северной Осетии. Владикавказ, 1986.
9. Дзокаев К. Х. Экономическое развитие осетинского крестьянства в пореформенный период (1870-1900) // Известия СОНИИ. Дзауджикау, 1948. Т. XI. Вып. 1.
10. Кулов Б. С. Основные занятия населения Северной Осетии в XIX начале XX века // Известия СОНИИ. Орджоникидзе: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1966. Вып. 25.
11. Тотоев М. С. К истории дореволюционной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955.
12. Ортабаев Б. Х. Развитие экономики в Северной Осетии в конце XIX – начале XX века. Орджоникидзе, 1969; Он же. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Великого Октября. Владикавказ, 1992.
13. Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.

**А. М. УРУСОВА,
асп. КБГУ (г. Нальчик)**

РЕФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Российский Президент в одном из интервью сказал, что административная реформа – это изменение отношений между государством и обществом [1, 134].

В традиционном смысле административная реформа – это реорганизация судебной системы, органов местного самоуправления и центрального аппарата, то есть комплексная система преобразований, в ходе которых административные функции полностью разделяются на контроль и предоставление услуг. Происходит приватизация некоторых секторов управления, традиционно принадлежащих государству. Направления и инструменты административных преобразований выбираются, внедряются и корректируются в силу их специфики, поэтому оценивать качество этих преобразований без учета этих факторов было бы достаточно поверхностно.

В частности, в рамках формирования Российского многонационального государства учреждение государственно-административного аппарата сопровождалось изменением взаимоотношений центральной власти и периферии.

Смысл всякой административной реформы состоит в повышении эффективности управления. Однако эта эффективность достигается различными средствами.

Во второй половине XIX века для реализации идеи полного слия-

ния края с Россией правительство нередко прибегало к экспериментированию, опытным путем выявляя наиболее адекватные имперским целям и задачам способы и формы политико-административного освоения Кавказа [2, 23].

Изменившиеся с течением времени внутривнутриполитические реалии в самой империи выдвинули на повестку дня вопрос о необходимости гораздо большей концентрации власти в регионе, что вновь привело к учреждению в конце 1844 г. Кавказского наместничества с административным центром в городе Тифлисе [3, 33].

Кавказское наместничество являлось высшим государственным учреждением на Кавказе. Наместничество совмещало в себе административные, военные и гражданские функции [4, 274]. Главная административная должность в регионе была возложена императором Николаем I на М. С. Воронцова, являвшегося крупной политической фигурой, способной держать ситуацию под контролем и принимать соответствующие реальным обстоятельствам решения в интересах империи. Его деятельность была поставлена вне административного контроля со стороны правительства, что позволяло ему в случае необходимости апеллировать непосредственно к императору [5, 268].

Важнейшим следствием административной деятельности М. С. Воронцова на посту Кавказского наместника стало окончательное оформление т. н. военно-народного управления, в ведении которого находились все горские народы Северного Кавказа, отличавшегося от общегражданского управления Российской Империи [6, 105]. С учреждения военно-народного управления начинается второй этап формирования российской администрации в Кабарде и Балкарии. В это время действовала административная система, основанная на интеграции некоторых элементов традиционного суда и управления в административные структуры, а также привлечении к работе в них представителей коренного населения. Параллельно шел процесс медленной адаптации военно-народной системы управления к общероссийским административно-судебным порядкам [7, 101].

В середине 50-х гг. XIX в. российское правительство, всерьез обеспокоенное затянувшимися военными действиями по усмирению движения Шамиля, пришло к необходимости изменения общей стратегии кавказской политики в сторону ужесточения административных мер и усиления военного начала в управлении [3, 156]. Эта задача была возложена на опытного военачальника, генерал-фельдмаршала князя А. И. Барятинского, который в 1856 г. сменил Н. Н. Муравьева,

прослужившего в качестве Кавказского наместника всего два года и занимавшегося исключительно военными делами [8, 72]. С именем А. И. Барятинского связана целая эпоха в становлении государственно-административной системы управления краем, ознаменовавшаяся напряженными поисками административных форм, наилучшим образом отвечавших основной политической задаче, вставшей перед империей в ходе Кавказской войны, – сохранения региона в составе России [5, 302]. «Быстрое развитие гражданской жизни Кавказского и Закавказского края, – отмечает С. Эсадзе, – служило поводом к частым переменам в устройстве местных административных установлений» [9, 49].

Первый шаг в деле переустройства края А. И. Барятинский сделал в перекройке административных границ внутри самого наместничества, руководствуясь принципом максимального дробления территорий. Такой принцип, по мнению нового наместника, облегчал управление в горских местностях и гарантировал успех государственных мероприятий [5, 271].

Таким образом, создание и преобразование органов управления правительством проводило постоянно, по мере занятия той или иной территории Северного Кавказа. К середине 50-х гг. XIX в. продолжала существовать единая Кавказская линия войск с общим управлением. Для удобства управления она была территориально разделена на пять самостоятельных частей: Черноморская линия, Правый фланг, Центр, Владикавказский военный округ и Левый фланг [4, 274]. Дагестан до 1860 г. входил в состав Прикаспийского края, созданного еще в 1847 г. как особая административно-территориальная единица [10, 142].

Центр Кавказской линии, в состав которого вошли Кабарда и Балкарские общества, выделился в самостоятельное управление еще в 1830 г. [11, 11]. Военно-административным центром линии являлось укрепление Нальчик. Такая структура военно-административного управления сохранялась до середины 50-х гг. XIX в. [11, 11].

В разгар Кавказской войны, в 1856 г., в целях совершенствования управления войсками на Кавказской линии по предложению князя А. И. Барятинского, Начальника штаба Кавказской армии, вместо прежних пяти управлений решили создать два: Правый фланг и Левый фланг. В состав Правого фланга Кавказской линии вошли воинские соединения и приставские управления («Бесланеевского народа», «Тохтамышевских аулов», «Карачаевского народа»), находив-

шиеся в бассейне реки Кубани и Причерномории, а в состав Левого фланга – воинские соединения и приставские управления («Большой Кабарды», «Малокабардинского», «Урусбиевского, Хуламского, Чегемского и Балкарского народов» [7, 106].

По этому военно-административному делению края Кабарда и Горские общества были отнесены в состав Левого крыла Кавказской линии.

Изменившиеся внешнеполитические реалии, связанные с окончанием Крымской войны (1853-1856 гг.), с очевидностью продемонстрировали, что система приставства, просуществовавшая на Центральном Кавказе более 70 лет, изжила себя. Но в преобразовании прежних приставских управлений Центрального Кавказа в военно-народные округа правительство действовало осторожно, чтобы преждевременными мерами, «чуждыми понятиям и нравам горцев», не вызвать с их стороны недовольства [4, 275].

По положениям, утвержденным Александром II 2 декабря 1857 г. и 1 апреля 1858 г., приставские управления упразднялись и вместо них создавались сначала четыре, а потом восемь военно-народных округов: Кабардинский, Осетинский, Ингушский, Чеченский, Аргунский, Ичкерийский, Нагорный, Кумыкский. Округа в свою очередь делились на административные участки, а участки – на сельские общества (селения) [4, 275].

Так, например, Кабардинский округ с 1858-го по 1862 г. состоял из двух участков. Кабардинские селения и балкарские общества (Балкарское, Хуламское, Безенгиевское), лежавшие по правой стороне р. Шалушки, составляли Черекский, а кабардинские селения и балкарские общества (Чегемское и Урусбиевское), лежавшие по левой стороне, – Баксанский административные участки. Малая Кабарда, которая на протяжении сорока лет находилась под отдельным приставским управлением, в 1862 г. была воссоединена с Большой Кабардой. Она вошла в состав Кабардинского округа отдельным административным участком [11, 13-14].

В 1866 г. из балкарских обществ Черекского и Баксанского участков был образован новый административный участок – Горский [12, 20].

Во главе областного правления стоял начальник Терской области, который подчинялся непосредственно Наместнику Кавказа и осуществлял военные и гражданские функции управления. Будучи командующим войсками Терской области, помимо общих обязанностей по управлению войсками, он отправлял обязанности по управлению горскими народами. Управление горскими народами он осуществлял

через своих помощников, начальников военно-народных округов и участков [11, 14]. Вопросы гражданского характера согласовывались с Отделением по управлению горскими народами, созданным при Главном штабе Кавказской армии для организации действий армейских властей на местах [2, 149].

На Правом фланге в это время шли интенсивные военные действия, западноадыгские народы с оружием в руках отстаивали свою независимость. Тем не менее, военно-политическое подчинение региона продолжалось. Император Александр II в 1860 г. предписывал Наместнику Кавказа, что «...управление горцами должно стать главной задачей текущего момента, надобно смотреть на управление горцами как продолжение их покорения» [4, 275].

Приказом от 8 апреля 1860 г. военный министр распорядился все пространство от Главного Кавказского хребта до внутренних русских губерний впредь именовать «Северным Кавказом» [13, 41].

Главнокомандующий Кавказской армией (Наместник Кавказа) князь Барятинский приказом от 3 мая 1860 г. упразднил Кавказскую линию в связи с потерей ее значения «как пограничной кордонной черты». Ее Правое крыло было переименовано в Кубанскую, а Левое – в Терскую области [4, 276].

В Терской области административные преобразования 1869-1871 гг. привели к более четкому территориально-административному делению, но в целом в системе военно-народного управления произошли лишь незначительные изменения. Кабардинский округ сначала был переименован в Георгиевский, потом в Пятигорский [11, 24].

18 ноября 1870 г. Кавказская администрация утвердила новое «Положение о сельских (аульных обществах) и общественном управлении Кубанской и Терской областями». Этот нормативный акт был значимым шагом в сторону сближения структуры и характера деятельности сельского правления местного населения Кавказа с аналогичной системой правления в Центральной России. «Положение» вступило в силу с 1 января 1871 г. [11, 24].

Кабарда и Горские общества, вошедшие после упразднения Георгиевского округа (1876 г.) в Пятигорский, были выделены из него в 1882 г., и был образован самостоятельный Нальчикский округ с окружным центром – слободой Нальчик [11, 24].

Таким образом, подобного рода административно-территориальное управление осуществлялось правительством для того, чтобы до-

биться «органического единения горских народов с Россией» [4, 275]. Такое «единение», по мнению Кавказской администрации, должно было произойти посредством установления над местным населением «твердой» правительственной власти.

Желанием создать прочную правительственную власть объясняется решение Кавказской администрации оставить «управление местным населением в ведении военного начальства... знакомого уже с обычаями и понятиями горцев» [9, 176]. Однако дальнейшее сохранение военной власти в том виде, в каком она существовала прежде, могло вызвать политические осложнения в отношениях с северокавказскими народами. Поэтому правительство решило создать на Северном Кавказе такую систему военно-административного управления, с которой сотрудничали бы представители местной элиты. Царизм шел на такой шаг с тем, чтобы сделать своей опорой местных феодалов и создать видимость народного представительства.

На этом этапе преобразований Кавказская военная администрация окончательно избавилась от прежних этнических названий: «Кабарда», «Осетия», «Чечня», «Кумыкия», что указывает на отход от этнонационального устройства края.

Таким образом, для горского социума Кубанской, Терской и Дагестанской областей к концу XIX в. создана однотипная система административного управления, которая, в свою очередь, вписывалась в общероссийское административно-правовое пространство. Новая система власти и управления, созданная после Кавказской войны, была призвана адаптировать местное население к условиям российской действительности второй половины XIX в. Административно-территориальное управление, созданное царской властью на Северном Кавказе, образовало систему координат, в рамках которой функционировали преобразования в социально-экономической области и судебной практике.

Примечания

1. Административная система России и административная реформа // Отечественные записки. 2004. № 2.

2. Кобахидзе Е. И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): историко-этнологический анализ. Владикавказ, 2003.

3. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-годы XIX века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Владикавказ, 2004.
4. Калмыков Ж.А. Установление российской администрации на Северном Кавказе (вторая половина XIX века) // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 4.
5. Гатагова Л.С., Исмаил-заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998.
6. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. Т. 2.
7. Калмыков Ж.А. Размышления историка в поисках истины. Нальчик, 2009.
8. Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX века. Владикавказ, 1992.
9. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т.1.
10. Губаханова Р.А. Государственные учреждения Дагестана в предреформенный период // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989.
11. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995.
12. Азаматов К.Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Нальчик, 1968.
13. Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (вторая половина XIX – нач. XX в.). М., 2001.

**И. В. БУЗАРОВА,
аспирант СОИГСИ**

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРСКИХ НАРОДОВ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ТЕРСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

В жизни культуры и просвещения любого времени газете принадлежит одна из крупнейших ролей. Газету можно назвать «дневником эпохи», в который она посредством ежедневных записей заносит свою текущую историю, подвергая ее критике и оценке. В этой связи особое место занимает газета «Терские ведомости». Одними из главных задач газеты были просвещение и народное образование горцев.

Просвещение народа во все времена играло определяющую роль в деле воспитания личности и являлось организующим элементом общества, ведущим фактором социального развития. Образование – это не только обретение молодежью опыта старших поколений, но и целенаправленная передача выработанного человечеством культурного наследия, распространение знаний, формирование умений и навыков.

Терские ведомости уже в одном из первых номеров указывали на огромную тягу горского населения к знанию: «Люди, еще недавно занятые исключительно разного рода джигитскими проделками, начинают сознавать пользу и необходимость образования, и как бы в оправдание за свое дурно проведенное прошлое, стараются наверстать потерянное время» [1].

Представители горской интеллигенции, получившие образование в столичных городах России, возвратившись на родину, первыми становились сотрудниками «Ведомостей». Для них выступление в

печати означало важный поступок, патриотичное дело. Уже тогда она видела в печати могучее средство развития культуры народа [2,23].

В годы редакторства А.-Г. Кешева (1868-1972 гг.), когда в материалах газеты наиболее ощущался «дух» реформ, когда она ставила перед собой просветительские задачи содействия «широкому экономическому и социальному развитию» края, вокруг редакции сплотился лучший цвет северокавказской интеллигенции [3,16]. Все они были одаренными публицистами, хорошо владели пером и часто выступали на страницах «Терских ведомостей».

Особое место в освещении вопросов и проблем народного образования занимает Коста Хетагуров – «страстный борец за просвещение горцев». Не случаен тот факт, что в публикациях на страницах кавказской периодической печати вопросы просвещения занимают заметное место. Этому он посвятил и ряд специальных очерков: «Развитие школ в Осетии», «Церковно-приходские школы», «Тартарен», «Владикавказские письма» и другие. Особым вниманием Коста Хетагурова пользовалось женское образование. В статье «Развитие школьного дела» он отмечал необходимость проведения в женской школе преобразований в соответствии с требованиями времени и выражал уверенность в том, что «если она будет в таком духе преобразована, то окажет неоценимую услугу целому краю» [4, 69].

Серьезное внимание Коста уделял учебным программам и другим вопросам учебного характера. Он внимательно следил за работой происходивших съездов учителей. На страницах периодической печати Хетагуров обращался непосредственно к учителям, просил находить общий язык с местным населением в интересах развития школьного дела [5].

Многие из публикуемых статей часто бывали плодом полемики по вопросам народного образования. На страницах прессы прогрессивное учительство обсуждало актуальные дидактические проблемы, вопросы создания и совершенствования учебников и программ, трудности и проблемы обучения в горских школах.

В своей борьбе за просвещение северокавказских горцев Коста был не одинок. «Его борьба за расширение сети школ среди горцев находила... активную поддержку со стороны передовых осетинских учителей» [6,89].

Значение первых светских учителей и учительниц в истории культуры осетинского народа, несомненно, большое. Они в подавляющей своей массе относились к своему делу с исключительной любовью, и

это помогало им преодолевать большие трудности, которые встречались на пути [7,146].

«Благодаря стараниям этих молодых, но вполне подготовленных и преданных своему делу учителей, превзошедших своими усердными и успешными трудами лучшие надежды, – писал Гассиев, – мы теперь в Осетии видим правильно организованные школы... Школы, во главе которых стоят учителя, заявившие себя не только неутомимыми, энергичными тружениками на учительском поприще, но даже и проникнутыми любовью к своему делу, ведутся вполне рационально. Учителя знают стремление своих соотечественников-осетин и стараются успехами примирить их со школой» [8].

Характерной особенностью К. Хетагурова как просветителя было то, что он «не копировал механически программные идеи русских просветителей, а претворял их в осетинской действительности творчески, с учетом местных особенностей» [6,89].

Видным представителем осетинской интеллигенции, внесшим неоценимый вклад в дело просвещения для горцев, был и Афанасий Абрамович Гассиев, который по окончании Киевской духовной семинарии был назначен смотрителем Моздокского духовного училища. Здесь он развернул энергичную деятельность в деле просвещения своего народа. Отмечая в одной из статей на страницах «Терских ведомостей», Гассиев писал, – что «забота о народном образовании есть одна из первейших забот и обязанностей» [8]. Гассиев критиковал и разоблачал тех, кто клеветал на горцев, будто бы они не хотели приобщаться к знаниям. «Искренно сочувствуют школьному делу осетины, – писал он в 1877 г., – мы можем указать факты, что за грамоту у осетин в настоящее время берутся и готовы взяться даже взрослые, 30-40-летние, искусившиеся в житейской мудрости мужи» [9].

В своей критике школьного дела на Кавказе, в частности системы образования, он в первую очередь обращал внимание на отсутствие обучения на родном языке. «Он восставал против того, что в национальных школах родной язык не был в центре внимания, по существу, клеймил школьную политику, не допускающую и не использующую для обучения и воспитания детей родного языка», – пишет о нем М. С. Тотоев [6,65].

Такие же воззрения по поводу родного и русского языков высказывал и Г. М. Цаголов. В статье «К съезду учителей приходских школ Осетии» он пишет: «Корень беды лежит в отсутствии хорошо составленного учебника, по которому можно было бы изучать рус-

ский язык» [10]. Таким образом, писатель ратовал за первоначальное изучение родного языка, а затем – русского. Проблемы введения национальной письменности коснулся в разделе «Библиография» и А.-Г. Кешев, первый редактор «Терских Ведомостей» [3,32]. «В деле распространения грамотности между горскими племенами, как и во всяком другом, прежде всего... нужно позаботиться о том, чтобы изыскать легчайший и вернейший способ достижения цели» [1].

Учащиеся-горцы годы тратят на то, чтобы тупой зубрёжкой овладевать азами русского языка – драгоценные годы, которые их русские собратья посвящают развивающему обучению [3,37].

Афанасий Гассиев горячо ратовал за просвещение горцев, в том числе за женское образование. Много внимания уделял и вопросам издания учебной литературы.

Большой вклад в развитие просвещения внес выдающийся общественно-политический деятель Георгий Михайлович Цаголов. Множество его публикаций по вопросам просвещения горцев было издано в газете «Терские ведомости». В частности, он освещал вопросы о возникновении письменности. Так, в очерках «Осетинская письменность» [11] и «Письменность и книжная литература у осетин» [12] Г. Цаголов подчеркивал огромное значение появления письменности как «факта в высшей степени значительного в истории человеческой культуры» [11].

«...Появление среди осетин письменности стало делом не только вполне возможным, но даже необходимым, ввиду более успешного распространения евангельского учения. И действительно, письменность эта вскорости зарождается», – пишет он в «Терских ведомостях» в 1895 году [12]. В статье «Осетинская письменность» автор охарактеризовал этапы развития письменности, подробно рассказав о роли Ю. Клапрота, А. Шегрена, И. Ялгузидзе в развитии письменности у осетин. Г. Цаголов в этой же статье пишет и о других деятелях просвещения: архимандрите Иосифе, священниках С. Аладжикове, С. Жускаеве, А. Колиеве, А. Сухиеве и др. [11].

Георгий Цаголов первым из осетинских просветителей заострил внимание на необходимости печатного слова на родном языке. Когда в январе 1901 г. Владикавказское сельскохозяйственное общество приступило к изданию своего журнала-приложения к «Терским ведомостям», Цаголов призвал это общество во главе с редактором И.И. Тускаевым выпускать журнал не раз в месяц, а раз в неделю и «время от времени делать особые приложения на туземных язы-

ках»[13]. В статье «Осетинское издательское общество» Цаголов подробно остановился на проблемах, определявших, по его мнению, цели и задачи общества. Цаголов считал целесообразным издавать, кроме газеты на родном языке, научно-популярную литературу [13].

Другим автором, рассматривавшим вопросы просвещения и образования на страницах периодической печати, был Григорий Иванович Дзасохов. Его перу принадлежит ряд статей, посвященных вопросам народного просвещения, такие как: «Образовательное и воспитательное значение осетинского языка», «О женском образовании в Осетии», «О женской учительской школе в Осетии», «Осетинский женский приют», «Характеристика Ардонской духовной семинарии» и т.д. Большую роль в просвещении своего народа Г. И. Дзасохов отводил Ардонской духовной семинарии, ратуя за проведение реформы в области образования. Говоря о той роли, которую Ардонская семинария играла в развитии просвещения горцев, Г. Дзасохов отмечал, что «при всех недочетах своего образования и воспитания, она все-таки в истории просвещения осетин сыграла выдающуюся роль, разбудив во многих жажду знаний и дав беднейшей части осетинского населения возможность получать среднее и даже высшее образование» [14]. Был ревностным сторонником женского образования.

Г. Дзасохов считал, что одной из причин торможения культурного развития осетинского народа остается отсталость, неразвитость женщины. По этому поводу писал и первый редактор Терских ведомостей А.-Г. Кешев. Он полагал, что женский вопрос необходимо поставить «на ту же почву, на которой должны разрешиться и все прочие недостатки современного общества, т.е. на почву социально-экономическую» [15].

Наиболее часто из корреспондентов-осетин на страницах «Терских ведомостей» выступал Андрей Медоев (1860-1922), которого привлек к участию в газете Н. А. Благовещенский. Медоев выступал и как просветитель. Когда в 1883 г. старшины с. Христиановского отобрали у школы половину ее комнат, поместив в них сельское правление, он первым разоблачил в печати их грубые действия и потребовал от властей обуздания виновников – «чтобы учителя – эти мученики нищеты и всевозможных притеснений, навсегда избавились от своеволия и придинок старшин, совершенно не понимающих ни значения, ни пользы народного образования» [16].

Свое мнение о роли и значении школы высказал и Харитон Уруймагов: «Школа и одна только школа должна вспыхнуть ярким лучом,

могущим озарить светом горные тущобы... Школа, подобно маяку в темную ночь, должна указать горцам дорогу и выводить из того безбрежного моря невежества, по которому они пока блуждают», – писал Харитон Уруймагов [17].

Школы, считал ингушский просветитель Ч. Ахриев, не только дадут народу начатки грамотности, но и «будут играть роль первых пионеров русской цивилизации», в их деятельности горцы «будут непосредственно видеть благотворные плоды цивилизации и убедятся в её необходимости» [18].

«Стоит только раз пробудить в горцах стремление к образованию, а там они сами найдут кратчайший путь к русской грамотности» [19].

Горцы Северного Кавказа благодаря усилиям нарождающейся интеллигенции прониклись высоким сознанием необходимости просвещения и не жалели своих скудных средств для открытия школ, обучения своих детей грамоте.

В прессу все чаще поступали сообщения из разных сел, особенно Осетии, о строительстве помещений для школ. По инициативе сельских обществ и на средства частных лиц стали сооружаться школьные помещения – первоначально для приходских, затем церковно-приходских школ. Жители села Карджин собрали 1000 рублей для строительства помещения для начальной школы, о чем сообщал в «Терских ведомостях» Гаппо Баев. Он также писал об открытии школы в Беслане: «... В том же Беслане мы видим новый прекрасный пример пробудившегося стремления к свету. Жители названного селения Мырза Гутиев и Борис Фриев пожертвовали на постройку здания для женской школы – первый 250 руб., второй 600 руб., деньги уже переданы по назначению по постройке этой школы учителю Е. Битарову...».

Часто сельское общество брало на себя не только строительство здания, но и обеспечение школы топливом, а если было необходимо, то и содержание учителя. О всеобщей поддержке просвещения на Северном Кавказе говорит и тот факт, что, согласно приговору уполномоченных от населения Владикавказского округа, денежные штрафы, взимаемые за невыполнение присяги при обвинениях в краже, грабеже, предусматривалось использовать на нужды развития народного образования, в том числе и на оплату права за обучение нуждающихся детей [6,171-173].

Мечтая о школах нового образца, просветители опирались на уже существующие частные («вольные») и министерские школы, которые

значительно расширяли кругозор молодых горцев и способствовали их духовному развитию, так как в них велись необходимые предметы, в которых народ испытывал нужду. Цаголов писал, что воспитанники таких школ читали, писали, вычисляли, говорили по-русски лучше, чем выпускники других учебных заведений [20].

На страницах прессы прогрессивная интеллигенция обсуждала актуальные дидактические проблемы, вопросы создания и совершенствования учебников и школьного образования. Особая роль в освещении вопросов образования в периодической печати принадлежала К. Атажукину, А. Ардасенову, Ч. Ахриеву, Г. Баеву, А. Бутаеву, А. Гассиеву, Г. Дзасохову, М. Гарданову, А. Хассиеву, Х. Уруймагову, Г. Цаголову, К. Хетагурову и многим другим просветителям горских народов.

Газета «Терские ведомости» сыграла выдающуюся роль в формировании горской интеллигенции и развитии просветительской мысли горцев. За долгие годы много редакторов сменилось в «Терских ведомостях»: А.-Г. Кешев, Н. Л. Благовещенский, Е. Д. Максимов, И. Ф. Стефановский, А. П. Самойлов, П. А. Головинский, Г. А. Вертепов, Б. Л. Ширинкин, Г. П. Валаев, С. П. Гортинский. Каждый редактор приносил в «Терские ведомости» свои мысли и идеи, но направление всегда оставалось одно. В различные годы с ней сотрудничали почти все видные представители русской и национальной интеллигенции. Таким образом, вся деятельность ученых-кавказоведов была направлена в первую очередь на просвещение горцев, на исследование их истории и быта, на развитие народного образования.

«В настоящее время, – отмечал Г. Вертепов, – так много пишут о народном образовании, о школах, что все газеты и журналы получили просвещенческий характер» [21]. Пожалуй, это наиболее точная характеристика местной печати Терской области конца XIX–начала XX вв.

Примечания

1. Кешев А.-Г. Редакционные примечания // Терские ведомости. 1870, №30.
2. Таказов В. Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (2 половина XIX – начало XX в.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
3. Айларова С. А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX века. Владикавказ, 2002.

4. Хоретлев А. О. Влияние России на просвещение в Адыгее (XIX – начало XX вв.). Майкоп, 1957.
5. Хетагуров К. Л. Церковноприходские школы в Осетии // Северный Кавказ. 1901, № 88.
6. Тотоев М. С. Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1962.
7. Тотоев М. С. Состояние народного образования в Северной Осетии в последней четверти XIX века и К. Л. Хетагуров // Известия СОНИИ. Т. XXVII. Орджоникидзе, 1956.
8. Гассиев А. А. Несколько слов о школах Северной Осетии // Терские ведомости. 1875. № 16.
9. Гассиев А. А. Школьное дело между инородцами на Кавказе // Тифлисский листок. 1877. № 35.
10. Цаголов Г. М. К съезду учителей приходских школ Осетии // Терские ведомости». 1901. 1 июля.
11. Цаголов Г. М. Осетинская письменность // Терские ведомости. 1915. № 240.
12. Цаголов Г. М. Письменность и книжная литература в Осетии // Терские ведомости. 1895. № 67.
13. Цаголов Г. М. Осетинское издательское общество // Терские ведомости. 1901. № 47.
14. Дзасохов Г. И. К вопросу о переводе Ардонской духовной семинарии во Владикавказ // Казбек. 1905.
15. Кешев А.-Г. Редакционные примечания // Терские ведомости. 1869. № 39.
16. Медоев А. Из селения Христиановского // Терские ведомости. 1884.
17. Уруймагов. Х. Школьное дело в Осетии // Терские ведомости. 1900.
18. Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушевского народа // Терские ведомости. 1872. № 35.
19. Кешев А.-Г. Редакционные примечания // Терские ведомости. 1869. № 46.
20. Цаголов Г. М. Вольные школы в Осетии // Терские ведомости. 1898. № 86.
21. Вертепов Г. А. Редакционные примечания // Терские ведомости. 1900. 24 февраля.

**А.А. ТУМОВ,
студ. КБГУ (г. Нальчик)**

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. С. КОДЗОКОВА

Дмитрий Степанович Кодзоков является одним из выдающихся кабардинских просветителей XIX века. Современные ученые связывают его имя с развитием культуры и просвещения в Кабарде, со становлением системы образования на Северном Кавказе дореволюционного периода.

Д.С. Кодзокова (урожденного Лукмана Магометовича) многие современники считали одним из образованнейших людей своего времени, ярким поборником просвещения. Он идеально отвечает тому образу просветителя, который в свое время охарактеризовал В.И. Ленин, такие его черты, как: «горячая защита просвещения» и «отстаивание интересов народных масс» [1,519].

Кодзоков рано приобщился к идеям гуманизма и реформаторства. Его прогрессивные взгляды формировались в семье известного литератора и идеолога славянофильства Алексея Степановича Хомякова, а затем в Московском университете, где Кодзоков был одним из лучших студентов историко-филологического отделения [2].

В своих письмах и записках Д.С. Кодзоков, с 1839 г. живущий на Кавказе выступал против отсталости и пережитков старины, тормозивших процесс культурного развития горцев. Он писал, что народы Северного Кавказа «нуждаются в приобретении основательного знакомства с русским языком и сведений в более полезных науках», сетуя на отсутствие здесь школ [3]. Действительно, в то время в Кабарде не было ни одной светской школы. В начальных школах «мектебе» детей

обучали лишь чтению Корана, готовя из них будущих мулл и эфенди. Учитывая это обстоятельство, Кодзоков предпринял ряд важных шагов в деле культурного преобразования края. В 1839 г. он составляет проект «О заведении в Кабарде школ для первоначального обучения детей». Школа мыслилась как начальная, где особое значение придавалось изучению русского языка.

Местные власти по-разному отнеслись к этому проекту – одни чиновники посчитали его преждевременным мероприятием, другие выражали недоверие к идеям проекта. Но в Нальчике и Ставрополе к проекту многие отнеслись с интересом. Его поддержал другой деятель кабардинского просвещения – Шора Ногмов. В письме от 2 января 1840 г. Д. С. Кодзоков сообщал своим родным о судьбе своего проекта: «Проект мой о заведении школы заслужил всеобщее одобрение, и начальн. Кабарды ген. Пирятинский сказывал, что он получил уже приказание сообразить смету расходов» [4, 345-346]. И хотя школа в Кабарде не была открыта, и проект, по существу, оказался нереализованным, инициатива просветителя пробудила у некоторых интерес к делу народного образования, к подготовке кадров из местного населения.

Активную деятельность в этом направлении Кодзоков продолжил в сотрудничестве с Шора Ногмовым. Они составили новый проект в Нальчике открытия школы, в которой должен был преподавать Ногмов. Согласно проекту, Ногмова следовало отправить в Санкт-Петербургскую академию «к совершенствованию в науках, кабардинскому и русскому языкам» за казенный счет. До его возвращения преподавать в школе следовало назначить «способного учителя из русских, преимущественно знающего кабардинский язык». Ногмов и Кодзоков заручились поддержкой верховного эфенди Кабарды Умара Шеретлокова и нескольких членов Кабардинского Временного суда [4, 347]. Проект был направлен в рапорте Временного суда на имя начальника Центра Кавказской линии. Командующий войсками генерал-адъютант Граббе, рассмотрев рапорт суда, предложил начальнику Центра составить положение о школе. Переписка затянулась на 10 лет. Лишь в 1851 г. в Нальчике была открыта первая кабардинская школа на 25 мест.

В 1839 году Кодзоков на свой страх и риск открыл в ауле своего отца (с. Абуково) начальную школу, где обучалось пять мальчиков русскому языку и элементарным правилам арифметики. В качестве учителя он пригласил из Пятигорска отставного унтер-офицера; из

Ставрополя были выписаны различные учебные пособия. Следует заметить, что эту инициативу поддержал и отец просветителя Магомет Кодзоков.

В это же время Кодзоков начинает изучать языки, собирать исторические документы, материалы обычного права и устного народного творчества. В этом ему помогали его друзья – декабрист Сухоруков, Азамат-Гирей, Кази Атажукин. Якуб Шарданов обучал его турецкому и татарскому языку, помогал собирать информацию по обычному праву. Шора Ногмов помогал ему записывать народные песни и предания.

Замысливший широкую программу преобразований традиционного уклада жизни горцев, Д. С. Кодзоков понимал, что ступенью к этому послужит элементарное образование горской молодежи. Но особое внимание просветитель обращал на поэтапное изменение бытовых и хозяйственных привычек горцев. Он стремился привить соотечественникам новые практические знания и элементы бытового обустройства, стимулировать хозяйственную активность, хотя его попытки внести в жизнь кабардинцев европейский комфорт не всегда были удачными. «Но скажу откровенно, – писал Кодзоков Хомяковым 29 сентября 1839 г., – все неприятности забываются, если успеешь узнать что-либо любопытное, отклонить от чего-либо худого, убедить в чем-либо добром...».

Непреклонна убежденность просветителя в том, что причина неустроенности быта и весьма несовершенных традиций в хозяйстве в невысоком престиже трудолюбия в горской среде. «О беспечности жителей невозможно составить себе понятия: стада гибнут, лошади пропадают... О хозяйстве говорить нечего, это жалость. Из подаренных мне от кунаков лошадей, рогатого скота, овец я намерен положить основание примерному для их имений хозяйству, но недостаток людей и рук затрудняет всякие благоразумные меры... Изобилие естественных произведений, леса, трав, плодов, животных – все пропадает и гибнет без пользы из лени и беспечности...».

В задуманных им преобразованиях ему помогал отец – отставной корнет российской армии Магомет Кодзоков, хотя родственники Хомяковы, о чем свидетельствуют письма Кодзокова, не одобряли их дружеских отношений. «Очень больно видеть мне, – писал им Дмитрий Степанович 21 декабря 1839 г., – предубеждение ваше противу моего отца, которого единственно склоняю я на что-нибудь – то к одним полезным изменениям. Я успел выстроить баню, вещь весьма

полезнейшая в здешних местах; изменение домашнего быта, варварского быта будет с тою достигнута» [6].

В период пребывания в Пятигорске Кодзоков намеревался составить сводный проект социально-экономических и культурных преобразований Северного Кавказа. В частности, он задумал провести аграрно-административную и школьную реформы, в чем материальную помощь ему оказывал А. С. Хомяков.

В 1866 г. по инициативе К. А. Атажукина в Нальчике были открыты краткосрочные курсы для подготовки сельских учителей. В этом начинании ему помог Д. С. Кодзоков, который ходатайствовал перед Лорис-Меликовым, начальником Терской области, об оставлении Атажукина в Нальчике, хотя его должны были перевести в Назрань [7, 149].

Кодзоков живо интересовался вопросами подготовки специалистов сельского хозяйства и ремесленного производства. 1 августа 1868 г. во Владикавказе было открыто ремесленное училище, которому было присвоено имя М. Т. Лорис-Меликова, так как тот пожертвовал училищу 20 тысяч рублей. В 1880 г. Кодзокову было предложено принять обязанности попечителя этого ремесленного училища, но он отказался. В своем письме на имя Лорис-Меликова Кодзоков так объяснял свое решение: «Если бы подобное предложение было бы связано с Вашим именем и теми заботами и жертвами, кои Вы на него положили, то я бы прямо отказался вести учреждение, при участии училищного совета, олицетворяющего сказание о семи няньках, у которых дитя без глаза». Т. Х. Кумыков в своем исследовании пишет, что Кодзоков, подвергая серьезной критике деятельность администрации ремесленного училища, с большим вниманием продолжал относиться к нуждам этого заведения; так, в 1887 г. он передал в вечное владение училищу недвижимое имение в размере 8 десятин, засаженное фруктовыми деревьями и с постройками общей стоимостью 4 тысячи рублей [8, 150-151].

Д. С. Кодзоков уделял также внимание и единственной на Северном Кавказе ветеринарной школе, находившейся во Владикавказе. Просветитель написал об этой школе статью в газете «Терские ведомости», где высказал ряд практических предложений по улучшению ветеринарной службы. Он поставил вопрос об открытии новой коновальной школы, которая обслуживала бы не только Терскую область, но и Кубанскую область, Дагестан и Закавказье. Кодзоков призывал администрацию и частных лиц обратить внимание на развитие вете-

ринарной науки, подчинив ее идеям более прогрессивного и рационального ведения скотоводческого хозяйства.

Таким образом, мы видим, что просветительская деятельность Дмитрия Степановича Кодзокова носила прогрессивный характер для народов Северного Кавказа, и особенно Кабарды. Во многом именно он способствовал развитию образования в Терской области. Его имя вошло в плеяду самых просвещенных людей Кавказа, в одном ряду с такими людьми, как Шора Ногмов, Якуб Шарданов и Измаил Атажукин.

Примечания

1. Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся?/Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1967. С. 519.
2. Бейтуганов С. Н. Магомет и Дмитрий (Лукман) Кодзоковы // Кабарда в фамилиях. URL: <http://www.circassianworld.com/kodzokov.html> (дата обращения: 07.02.2013).
3. Кумыков Т. Х. Просветитель, историк, литератор // Кабардино-Балкарская правда. 1977. 13 января.
4. Туганов Р. У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик, 1998.
5. Айларова С. А. Д. С. Кодзоков в 30-70-е гг. XIX века: просветитель, реформатор, хозяйственник // Известия СОИГСИ. Вып. 1 (40). Владикавказ, 2007. URL: <http://kvkz.ru/stati/2546-ds-kodzokov-v-30-70-e-gg-xix-veka-prosvetitel-reformator-hozyaystvennik.html> (дата обращения: 07.02.2013).
6. Кумыков Т. Х. Дмитрий Кодзоков. Нальчик, 1985.

**Г. К. АЗАМАНОВА, Д. А. ЖИЛОВА,
КБГУ (г. Нальчик)**

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И ПОПЕЧЕНИЯ В РОССИИ

История благотворительности в России становится в последнее время объектом интенсивного изучения и представляет несомненный интерес не только в эмпирическом, но и в общетеоретическом плане. Благотворительная деятельность является результатом сложного взаимодействия национально-общественных традиций и государственной системы попечения. В данном исследовании рассматривается исторический опыт развития российской благотворительности, прежде всего культурно-исторические особенности формирования различных форм региональной благотворительности (опыт Кабардино-Балкарии).

С глубокой древности наши соотечественники считали благотворительность необходимым условием личного нравственного здоровья, средством спасения души, возможностью бескорыстно помочь обездоленным. Этот внешне простой труд, генерирующий положительную эмоциональную энергию в обществе, на протяжении веков оказывал влияние на формирование характера нации, её идеалов, накапливал духовный потенциал государства.

Простейшие формы благотворительности, заключавшиеся в кормлении нищих, появились в глубокой древности. Практиковались они, как свидетельствуют историки В. О. Ключевский, В. Ф. Дерюжинский, Е. Д. Максимов, многими «нищелюбами», сре-

ди которых выделялись князья, духовенство, знать, лучшие люди Руси [1].

Ценным свидетельством для исследования развития благотворительности послужило описание древними историками ранней формы благотворительности, сострадательного отношения к ближнему в обычаях древних славян. Поворотным пунктом в развитии благотворительности, по мнению многих исследователей, стало принятие христианства, призывавшего к любви и милосердию. Исходя из нравственно-религиозных побуждений, князья поручали осуществление миссии благотворительности духовенству. Была ещё и так называемая стихийная благотворительность, не поддающаяся учёту, традиционная благотворительность. Например, во многих селениях жители выставляли на улицу пищу для проходящих нищих. Если к жителю в дом постучит нищий и попросит подаяния, его обязательно кормили, одевали – это считалось хорошим знаком.

На протяжении столетий содержание и формы этого явления существенно менялись. Впервые этот термин в научной литературе встречается у Н. М. Карамзина. Однако активное его использование осуществляется во второй половине XIX столетия, когда развивается теоретическая мысль в области социальной поддержки и защиты населения. Под благотворительностью понимали проявление сострадания к ближнему, негосударственную форму помощи нуждающимся. Таким образом, формировались единое мировоззрение, традиции, культура, развивался характер народа.

Нравственные поступки играли в этих процессах огромную роль с социальной точки зрения. Содержание и семантика основных терминов в процессе исторического развития существенно менялись: общественное призрение, благотворительность, милосердие, благодеяние. Эти термины были характерны для исторической практики дореволюционной России. В XX веке данное понятие интерпретировалось в советской научной литературе как форма классового манипулирования общественным сознанием в капиталистическом обществе. Сегодня под благотворительностью понимается деятельность, направленная на оказание помощи нуждающимся.

Отличительной чертой благотворительности в «допетровской» Руси было то, что она состояла главным образом в раздаче еды и одежды, строительстве жилья и оказании бесплатной медицинской помощи. Такая форма благотворительности, связанная с личной инициативой князей, царей, была характерна для Руси вплоть до середи-

ны XVI века, когда с чередой непрекращающихся войн число нуждающихся постоянно росло и, в конце концов, благотворительность перестала быть личным делом правителей, а превратилась в заботу государства. После Стоглавого собора 1551 года в России начался переход к системе общественного призрения с дифференцированным подходом к разным группам населения, нуждающегося в помощи [2, 167].

Введенные при Петре I меры по борьбе с нищенством в силу чрезвычайных обстоятельств просуществовали длительное время. Ставшая впоследствии неотъемлемой частью общественной деятельности государственной элиты благотворительность получила широкое развитие при Екатерине II. Исключительное значение для развития государственной системы призрения имел ее указ о создании в каждой губернии Приказов общественного призрения. Эти учреждения должны были организовывать и содержать школы, сиротские дома, аптеки, богадельни, дома для неизлечимо больных, «рабочие дома» и многое другое. Императрица личным примером поддерживала и укрепляла частную благотворительность.

Открытие первых в России воспитательных домов в Москве и Санкт-Петербурге знаменовало собой новый этап в развитии благотворительности в России – учреждение систематических воспитательно-образовательных учреждений для детей, построенных на принципах сочетания умственного и физического развития с трудовым воспитанием и обучением ремеслу.

К концу XIX века благотворительность в России стала настолько масштабным общественным явлением, что в 1892 году была создана специальная комиссия, в ведении которой были законодательные, финансовые и даже сословные аспекты благотворительности [2]. Важнейшим итогом работы комиссии можно считать обеспечение прозрачности благотворительной деятельности в России, открытости и доступности всей информации, включая финансовую, для всех слоев общества. С конца XIX века в стране устанавливается общественный контроль над благотворительностью, результатом чего явился рост доверия в обществе к деятельности благотворителей и, как следствие, новый небывалый рост числа жертвователей.

Известный исследователь социального попечения М. В. Фирсов выделяет следующие основные подходы к теории общественного призрения/благотворительности: конфессиональные, правовые, социально-административные, подходы к проблеме с позиций соци-

альной патологии [2, 14]. Общественная благотворительность рассматривалась в комплексе проблем. Среди них основными являлись вопросы обязательного и необязательного общественного призрения – роль государства и роль частных лиц и организаций в деле общей и частной благотворительности.

Проблемы администрирования и управления частным и общественным призрением, их соотношение и роль в деле помощи нуждающимся – совершенно иной пласт проблем, который рассматривался в рамках социально-административного подхода. Можно отметить, что наметилось стремление к упорядочиванию деятельности частных благотворительных организаций, определение сфер их деятельности в системе общественного призрения.

Конфессиональное направление характеризуется тем, что на основе традиционалистских принципов защищало догматы милосердия и благотворительности церкви. Однако на рубеже веков наметилась тенденция конфессионального осмысления сущности проблем государственной благотворительности, социальной справедливости. Важным направлением общественной мысли являлись правовые подходы, оформившиеся в качестве самостоятельного направления в самом конце XIX века.

В целом XIX век стал переломным в развитии благотворительности: именно в пореформенной России были изданы многочисленные законы и установлены неписанные правила, благодаря которым социальная политика государства, общественная и частная благотворительность приобрели очертания системы и получили мощный импульс к развитию.

В истории России традиции попечения и филантропии сыграли особую роль в сохранении национальных самобытных культур. У народов Кавказа традиции благотворительности и взаимопомощи имеют глубокие исторические корни, многие сохранились до наших дней и занимают важное место в жизни этносов. Обычай взаимопомощи как признак родовой солидарности существенно влиял на экономическую жизнь общин, со временем видоизменяясь. Родственная взаимопомощь и соседско-общинные связи у кабардинцев и балкарцев реализовывали традиционные в повседневном быту функции социальных институтов и благотворительных организаций. В частности, это относится к проявлению в древнейших традициях и обычаях кабардинцев и балкарцев социальной (общественной) взаимопомощи, сложившейся в условиях родового общества. Поддержка оказыва-

лась при многих видах хозяйственных работ и семейных тратах (женитьбе, похоронах, во время общесельских работ, постройке нового дома, на пахоте и уборке урожая, в выпасе скота, формах пользования пастбищами) путем объединения трудовых усилий в одностороннем порядке.

Существовавшая наряду с родственной поддержкой, сформированная по территориальному принципу соседская взаимопомощь, по сравнению с помощью в пределах патронимии, не была строго обязательной. Заслуживает внимания имевшая место односторонняя коллективная помощь, когда необходимо было выполнить ту или иную работу в сжатые сроки, а семья была не в состоянии справиться с ней самостоятельно (*изеу* – у балкарцев, *шеыхъэху* – у кабардинцев) [3, 75].

Многие кавказоведы, исследователи быта и нравов горцев Северного Кавказа, подчеркивали отсутствие здесь нищих. Вдовам, больным, детям, одиноким старикам обществом оказывалась безвозмездная помощь. Она основывалась на добровольных началах, но общественное мнение, этническая традиция требовали участия в подобных мероприятиях всех родственников и соседей.

Традиции родственной солидарности проявлялись во всех ритуалах жизненного цикла от рождения до смерти человека (рождение ребенка, укладывание в колыбель, первая стрижка волос, уплата калыма, устройство свадьбы, похороны и поминки). В таких традиционных этнографических сюжетах, как обычаи взаимопомощи, похоронных и поминальных обрядах обнаруживается их гуманистическая ориентированность.

В последующем благотворительность как элемент этнической культуры приобретала различные формы, местные этнические обычаи взаимопомощи дополнялись новыми видами благотворительной деятельности, существенное влияние при этом оказало распространение ислама, где проблеме милосердия придавалось особое значение. Религиозная мотивация сыграла важную роль в укреплении традиций взаимопомощи у кабардинцев и балкарцев. Составной частью всех религиозных обрядовых действий ислама являлась их социально-гуманитарная направленность. Социальная сущность этих явлений была связана с традициями родовой взаимопомощи и отражала стремление к общественной справедливости. Это стремление находит отражение, в частности, в материалах съезда служителей ислама (1895 г.), где оговаривались правила ежегодного благотворительного сбора налога в пользу нуждающихся [4]. Так, в 1912 г. съезд эфен-

диев выработал правила для руководства, где достаточно подробно оговаривался благотворительный сбор [5]. Наряду с этим существовала добровольная милостыня в форме единовременных денежных пожертвований.

Помимо мусульманской благотворительной практики, традиционных этнических форм взаимопомощи, в XIX – начале XX вв. в Кабарде и Балкарии отмечается распространение светских благотворительных организаций, которые носили культурно-просветительский характер.

В 1881 г. в Нальчике образовывается «Нальчикское благотворительное общество», финансовую базу которого составляли «добровольные пожертвования различных лиц и средства от проведения любительских спектаклей, вечеров, лотерей» [6]. Обществом содержалась Нальчикская бесплатная женская начальная школа (основана в 1860 г.), оказывалась денежная помощь студентам и неимущим. Способным молодым людям для получения образования в высших учебных заведениях страны назначались пособия и стипендии за счет Кабардинской общественной суммы. Одним из первых стипендиатов кабардинского округа стал первый профессиональный балкарский музыкант, известный скрипач Султан-Бек Абаев.

Благотворительная организация «Нальчикское общественное собрание» на нач. XX в. объединяла в своих рядах 54 человека. Свою деятельность «Собрание» осуществляло за счет членских взносов, пожертвований и денежных сборов, выручаемых от устройства концертов, при этом активно поддерживало культурные связи с народами Терской области и центральной России [7].

Целью и задачами «Общества распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа», с инициативой создания которого в августе 1906 г. выступила группа кабардинской и балкарской интеллигенции в составе 35 человек, ставились развитие народного образования, «содействие денежными средствами малоимущим учащимся, а также проведение культурно-просветительских мероприятий» [5]. В 1907 году постановлением «Терского областного присутствия по делам об открытии, регистрации союзов...» было зарегистрировано и утверждено «Общество распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа». Таким образом было положено начало деятельности первого культурно-просветительского объединения кабардинского и балкарского народов. Средства «Общества распространения образования среди кабардин-

цев и горцев Нальчикского округа» формировались из ежегодных членских взносов, аукционных торгов, сборов на благотворительных вечерах, концертов, спектаклей, доходов от чтения лекций, продажи книг и т.д. Источником финансирования фонда «Общества...» являлись благотворительные вечера, концерты, пожертвования [8, 57].

В основном общество оказывало содействие в получении среднего и высшего образования, назначало стипендии и выдавало пособия студентам, обучающимся в Нальчикском реальном училище и в учебных заведениях России. Деятельность культурно-просветительского объединения сыграла позитивную роль в образовательной и благотворительной практике того времени, с его историей были связаны известные деятели культуры и просвещения Кабарды и Балкарии, местная русская интеллигенция, и это сотрудничество консолидировало все культурные силы в начале XX века.

Благотворительностью занималась и православная церковь, которая собирала пожертвования в пользу бедных. В 1907 г. возникла по инициативе Екатерины Алексеевны Хомяковой «Хомяковская община». 18 апреля 1906 г. она обратилась к местному епархиальному начальству с просьбой открыть на свои средства на р. Золке, Нальчикского округа, женскую обитель с приютом для сирот, больницу для окружающего населения и выстроить церковь. В Нальчикском округе благотворительная и культурно-просветительская деятельность общины, основанной Е. А. Хомяковой, получила высокую оценку в обзоре о культурно-просветительской деятельности монастырей [9, 1; 2].

Деятельность различных организаций, основанных в начале XX века как в России, так и в регионах, оказала благотворное влияние на духовную жизнь и сыграла позитивную роль в решении социальных задач того времени.

На современном этапе действующие в Кабардино-Балкарской Республике организации некоммерческого сектора можно классифицировать как традиционные и новые. Первые – это организации, характерные для советского периода, сохранившиеся в реконструируемом виде. «Новыми» можно назвать те организации, которые сформировались за последние годы и значительно превосходят традиционные как по численности, так и по активности.

Значительную роль в благотворительной практике приобретает деятельность организаций, ориентированных на поддержку и развитие социальных инициатив. В КБР благотворительный сектор

достаточно активно развивается: на начало 2001 года было зарегистрировано более 15 благотворительных фондов, а на начало 2006 г. более 30. В общественном секторе республики зарегистрировано 770 организаций: общественных объединений – 461, религиозных организаций – 171, иных некоммерческих – 148. В 2012 году о продолжении своей деятельности заявили 381 некоммерческая организация. В деятельности некоммерческих организаций Кабардино-Балкарской Республики можно выделить следующие основные социально значимые направления: духовно-нравственное воспитание детей и молодежи; оказание помощи людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации; развитие института семьи и материнства; помощь лицам с ограниченными возможностями; развитие добровольческих инициатив; сохранение межкультурных ценностей; благотворительность; миротворчество [10].

В заключение необходимо отметить, что в русле происходящего в нашем обществе пересмотра отношения к общечеловеческим ценностям наблюдается возрождение некогда забытых понятий, традиций, видов деятельности, среди которых, без сомнения, особое место занимает благотворительность. В современных условиях исследование истории развития общественного попечения позволяет эффективно использовать и организовывать данный вид социально значимой деятельности с учетом региональной специфики.

Примечания

1. Антология социальной работы: В 5 томах. Т.3. Социальная политика и законодательство в социальной работе. М., 1995.
2. Фирсов М. В. История социальной работы. М.: КНОРУС, 2012.
3. Мусукаев А. И., Першиц А. И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992.
4. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп.1. Д.298. Т.2. Л.213; Ф.6. Оп.1. Д.715. Л.18.
5. ЦГА КБР. Ф.6. Оп.1. Д.704. Л.53.
6. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее ЦГА КБР). Ф. И.-27. Оп.1. Д.1. Л.27.
7. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп.1. Д.841. Л.154об.
8. Саблиров М. З. Очерки истории культуры Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX вв. Нальчик, 1997.
9. Пятигорское эхо. 1911. 1 декабря. №266.
10. <http://www.pravitelstvokbr.ru/k-br/kbr-main>.

**Л. Р. МАШЕЗОВА,
студент КБГУ (г. Нальчик)**

РЕПРЕССИИ СОВЕТСКИХ И ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ В 1930-Е ГОДЫ В КАБАРДЕ И БАЛКАРИИ

Возросший интерес общественности к своему недавнему прошлому, особенно к его наиболее трагическим страницам, объясняется не столько простым человеческим стремлением познать истину, сколько желанием извлечь уроки из прошлого с тем, чтобы не допустить повторения трагедий, подобных массовым репрессиям 30-х годов XX века, долгое время тщательно замалчиваемым и скрываемым от народа.

Актуальность обозначенной темы не вызывает сомнения, поскольку в условиях реформирования современного общества необходимо критическое переосмысление прошлого. И поднимать сегодня вопросы репрессий 30-х годов XX века означает тем самым воздать должное жертвам массовых политических репрессий и осветить атмосферу беззакония, в которой проходили судебные процессы тридцатых годов.

Обозначенная проблема в советской исторической науке преподносилась идеологически тенденциозно. Однако после долгого периода закрытости сегодня советские архивы становятся доступными и появляется возможность комплексного и всестороннего исследования.

Целью данного исследования является попытка разобраться в проблеме репрессивной практики партийных и советских работников Кабардино-Балкарии.

Характеризуя репрессивную кампанию против номенклатуры в регионе, можно определить следующие моменты:

- во-первых, она была нацелена на поиск «троцкистов» в партии, в первую очередь в сфере руководящих кадров, советского аппарата и учебных заведений;

- во-вторых, обвинения против номенклатуры заключались в том, что руководящие работники не заметили сигналов вредительской, шпионской или террористической деятельности, не разглядели врагов народа в рядах партии и др.

В большинстве республик, краев и областей в кульминационный период репрессий было арестовано почти все руководство партийных и советских органов, а также значительное количество руководителей городских и районных организаций. Ежов на места спустил план с лимитом, сколько в каждой республике, крае, области должно быть репрессировано. Всего этим приказом планировалось подвергнуть аресту 258950 человек [1].

Установление «лимитов» и оговорка о возможности их увеличения вызвали среди начальников-карьеристов своего рода соревнование за перевыполнение установленных им лимитов. Это соревнование поощрялось Ежовым.

Деятели из НКВД КБАССР очень хотелось выйти в числе передовых и выслужиться как перед самим Калмыковым, так и перед центром в Москве. Карьеристы и проходимцы, засевающие в органах НКВД, совместно с руководством республики не только выдумывали врагов народа, создавали всевозможные вредительские центры, но и организовывали клеветнические письма, очернявшие неугодных им честных людей.

В пик большевистского беспредела в Кабардино-Балкарии главный удар был направлен на руководящие кадры любого уровня, партийных работников, интеллигенцию. Судьбу указанных категорий людей решал бывший в то время коммунистический диктатор Кабарды и Балкарии Бетал Калмыков. Его подручным, дубинкой расправы с неугодными людьми был начальник НКВД КБАССР Николай Иосифович Антонов. Без них не происходила ни одна карательная акция по политическим мотивам.

Каких-либо объективных данных о троцкистской, террористической или другой контрреволюционной деятельности арестованных к моменту начала следствия не было. Не было подобных организаций вообще на территории Кабардино-Балкарии.

Судебные заседания были сплошной фикцией и проводились они формально. В суде не проверялись не только показания свидетелей, но и показания самих подсудимых. Дела рассматривались по упрощенному варианту за считанные минуты. При этом выяснялся лишь один единственный вопрос: признает ли он себя виновным, хотя этот вопрос для вынесения обвинительного приговора не имел никакого значения.

За один 1937 год по Кабардино-Балкарии были расстреляны следующие видные советские и партийные работники:

- Абазов М. А. – бывший заместитель управляющего трестом «Каббалкпищепром». Расстрелян 25 июля 1937 г.;
- Афаунов И. Т. – бывший Нарком просвещения. Расстрелян 25 июля 1937 г.;
- Батыров К. Ж., – бывший директор партийного издательства обкома ВКП (б), первый директор КБНИИ. Расстрелян 25 июля 1937 г.;
- Бесланев Х. Ж. – бывший прокурор области, управл. отделением «Севкавснабсбыт». Расстрелян 26 июля 1937 г.;
- Бетрозов Х. К. – бывший председатель Нальчикского горсовета. Расстрелян 26 июля 1937 г.;
- Блаев К. М. – бывший работник народного образования КБАССР. Расстрелян 26 июля 1937 г. как участник антисоветской троцкистско-зиновьевской организации;
- Боготов Ш. М., расстрелян 14 июня 1937 г. как участник антисоветской троцкистско-зиновьевской организации;
- Водахов А. А. – бывший зам. председателя облисполкома. Расстрелян 25 июля 1937 г. как участник антисоветской троцкистско-зиновьевской организации;
- Водахов Б. А. – студент, член ВЛКСМ. Расстрелян 15 сентября 1937 г. как участник антисоветской троцкистско-зиновьевской организации;
- Журтов М. Г. – бывший секретарь Нальчикского горкома ВКП (б). Расстрелян 25 июля 1937 г. по ст. ст. 58-8, 58-11 [2];
- Камбиев Х. М. – бывший зав. Облоно, бывший председатель Черкесского облисполкома. Расстрелян 14 июня 1937 г.;
- Карданов Б. Н., бывший зам. председателя Баксанского райисполкома, расстрелян 18 октября 1937 г. как участник антисоветской троцкистско-зиновьевской организации по ст. ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР;
- Каров М. М. – бывший зав. орготделом Кабардино-Балкарского

облисполкома. Расстрелян 27 февраля 1937 г. как участник антисоветской троцкистско-зиновьевской организации по ст. ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР;

– Кокожев А.Х. – бывший председатель облсуда, быв. прокурор области. Обвинен в антисоветской пропаганде. Расстрелян 25 июля 1937 г.;

– Максидов К.У. – член КПСС, бывший Нарком просвещения КБАССР. Расстрелян 25 июля 1937 г. по ст. ст. 58-7 [3], 58-8, 58-11.

– Налоев Ш.М. – бывший секретарь Нальчикского РК ВКП (б). Расстрелян 25 июля 1937 г.;

– Хапов Ж.П. – бывший полномочный представитель при ВЦИК РСФСР. Замучен в кабинете следователя в апреле 1937 г.;

– Хашхожев А.Ж. – бывший 1-й секретарь Прималкинского РК ВКП (б), с 1931 по 1933 год – прокурор Кабардино-Балкарской автономной области. Расстрелян 25 июля 1937 г. [4, 10, 50, 74, 84, 85, 91, 94, 116, 194, 218, 226, 231, 251, 304, 344, 470, 478].

К арестованным применялись изощренные пытки, которые не все выдерживали и подписывали любые заранее сфабрикованные обвинения.

Среди тех, кто вынужден был поступить против себя, не выдержав многодневные адские истязания, бывший Нарком просвещения, выдающийся человек своего времени Исмаил Афаунов.

8 мая 1937 года в Нальчике проходило очередное заседание бюро обкома партии. На нем решались судьбы Азрета Хашхожева и Исмаила Афаунова. Решал их лично Бетал Калмыков. Он обвинил их в принадлежности к контрреволюционерам. Со слов очевидца, известного в республике адвоката Мухажира Табухова: «На собрании партийно-хозяйственного актива, проведенного в зале учебного городка, Афаунов И. Т., первый юрист Кабардино-Балкарии, работавший тогда Наркомом просвещения, начал говорить о делах Наркомата просвещения республики, но его грубо оборвали: «Не об этом нужно говорить, расскажите о своей контрреволюционной деятельности». Калмыков Б. Э. подошел к Афаунову, пихнул его пальцем в спину, и, когда Афаунов повернулся к нему, Калмыков, сложив четыре пальца, изображая решетку, сказал: «Вот когда ты будешь здесь, ты все расскажешь». При выходе из собрания его встретили представители Антонова и увели его по ул. И. Арманд в дом по ул. Республиканской, откуда никто не возвращался. Исмаил Тулович не был физически сильным человеком, к тому же страдал опасной болезнью – туберку-

лезом. Он выдержал только первый допрос, произведенный по испытанной методике» [5].

В последующем Афаунов полностью согласился с предложением следователя и подписывал протоколы любого содержания. Всего он допрашивался 15 раз за короткое время. По сути его превратили в изобличителя других обреченных. Помимо того, что ему было предъявлено стандартное обвинение в участии его в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, совершившей 1 декабря 1934 года злодейское убийство С. М. Кирова, Афаунова обвинили еще и в том, что он, будучи наркомом народного образования, проводил вредительскую работу. Утверждалось, будто по линии просвещения он засорял преподавательский состав социально чуждыми элементами. 25 июля 1937 года в Нальчике состоялось так называемое судебное заседание военной коллегии Верховного Суда СССР. Приговор был стандартным, безапелляционным и жестоким: Измаила Туловича Афаунова РАССТРЕЛЯТЬ! В тот же день приговор приведен в исполнение. Присутствовал ли Афаунов на этом «заседании» суда, или нет, никто сказать уже не может. Не участвовали ни обвинитель, ни защитник, ни свидетели. Это был по названию суд, а по сути – расправа [6,125].

Тучи сгустились уже и над самим главным палачом республики Б.Э. Калмыковым. 12 ноября 1938 года он был арестован как организатор и руководитель антисоветской правотроцкистской организации Кабардино-Балкарии. Ожидая приговора и прекрасно сознавая, чем закончится следствие, Калмыков пишет письмо Сталину, в котором он умоляет о спасении: «Вокруг меня искусственно плетется чудовищная провокация. Меня оклеветали... Я ни в чем не виновен перед партией и вами, тов. Сталин... Умоляю спасите меня... Я был и остаюсь до конца жизни верен партии и вам, Великий Сталин». Приговор к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества – был приведен в исполнение 27 февраля 1940 г. Так завершил свой путь революционер, сгоревший в пламени революции [9, 21].

Но несмотря на некоторое ослабление репрессий в 1939 году и реабилитацию какой-то части репрессированных, их последствия для республики были тяжелыми. За период с 1934 по 1939 год из партии было исключено около половины состава областной партийной организации [10, 39].

Сейчас трудно с точностью установить численность репрессированных, их дальнейшую судьбу не только из-за недоступности засекреченных документов, но и предпринимаемых тогда же попыток скрыть масштабы содеянного. Так, на многих расстрелянных в 30-е годы сразу после судов впоследствии выдавались справки о их естественной смерти в тюрьме с указанием более поздней даты со дня их расстрела.

В результате этих репрессий многие участки партийно-хозяйственной, советской и культурной работы оказались оголенными. Пришлось заполнить эти места выдвиженцами из рабочих и колхозников, не имевшими специальной подготовки. Многие из них работали честно и добросовестно, но обеспечить необходимый темп развития, совершенствовать, интенсифицировать производство в соответствии с требованиями науки и техники они не могли. Следовательно, в развитии нашей экономики и культуры был заложен механизм торможения, что делало, конечно, командно-административную систему управления неизбежной.

Примечания

1. Реабилитация: первые годы. Документ №7. Доклад комиссии ЦК КПСС президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП (б), избранных на XVII съезде партии // Альманах «Россия 20 век». <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/557529.09.12.19.56>.

2. Террористические акты, направленные против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций. 58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, приравнивается к совершению таковых и преследуется Уголовным кодексом по соответствующим статьям/Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР/<http://forum.vgd.ru/621/28941/0.htm> 4.10.12. 21.09.

3. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности, а равно

использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических/Указ. адрес.

4. Книга памяти жертв политических репрессий Кабардино-Балкарии (1920-1941 гг.)/Под ред. Лафишевой Н. И. Нальчик, 2009.

5. Информатор: Афаунова Раиса Туловна, 1932 г.р., г. Нальчик. Интервью записано 12. 10.12.

6. Александр Сарахов. Судьба наркома просвещения/Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2009. № 3.

7. Мария и Виктор Котляровы. Бетал Калмыков: «Великий Сталин, спаси меня!» // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918-1930-х годах (Статьи и документы). Вып.4. Нальчик, 2010.

8. Репрессии 30-х гг. в Дагестане/Под ред. Бутаева М. Д., Какагасанова Г. И., Османова А. И. Махачкала, 1997.

**Х.А. АТАБИЕВ,
соискатель СОИГСИ**

К ЮБИЛЕЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: КАВКАЗСКАЯ ТУЗЕМНАЯ КОННАЯ ДИВИЗИЯ

Приближается 100-лет со дня начала первой мировой войны. Юбилей – это повод, чтобы вспомнить, как Россия оказалась втянутой в военные действия, вспомнить и казаков, и горцев, воевавших за Россию, переосмыслить итоги войны с позиций современности.

Сохранение этнической и укрепление российской идентичности предполагает знание о том, как служили, как воевали наши предки, как складывались отношения казаков и горцев, насколько тесно были связаны их культурные традиции. Одни были православными, другие исповедовали ислам, но все служили Отечеству – России.

В XIX веке во всех войнах России с Турцией или Персией на добровольных началах создавались дружины и отдельные полки из кавказских народов. В августе-сентябре 1914 г. впервые в истории на добровольных началах было создано боевое соединение – Кавказская туземная конная дивизия (далее – Кавказская конная). Набор в дивизию проходил исключительно на добровольных началах, поскольку горцы тогда воинскую повинность не несли. Офицеров из горцев в русской армии было много, далеко не все могли стать в ее ряды, к тому же перевод этот утверждался царем. Впрочем, это положение распространялось и на русских, и на представителей других национальностей.

На добровольной, нередко конкурсной основе проходил отбор всадников (рядовых). Командовать дивизией было поручено Великому князю Михаилу Александровичу, брату царя. Ответственность Кавказа очень благожелательно отнеслась к формированию дивизии. «Удачная организация этой дивизии встречена с живейшей радостью среди горского населения Кавказа», – писал деятель культуры Адыгеи Султан Довлет Гирей 20 января 1915 года в своем докладе Его Императорскому Высочеству Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу [1,6], который с небольшими сокращениями опубликован Вершигорой в Краснодаре и Нальчике. «Равным образом в горском населении вызвало чувство глубокого удовлетворения и то обстоятельство, что офицерский состав в этой дивизии состоит из родовитых русских и кавказских фамилий» – отмечал далее в докладе Довлет Гирей.

Интересно отметить, что он с симпатией относился к Турции, в которой учился и служил, но родиной считал Россию, поэтому встал на защиту последней, когда узнал, что Турция вступила в войну на стороне Германии [2, 52-54].

В связи с тем, что горцы не несли воинскую повинность, ожидалась сложности с унтер-офицерским составом. Генеральный штаб России заранее определил, что в каждом полку половина урядников и приказных (унтер-офицеров и ефрейторов) должна быть набрана из кавказских казачьих войск. Полки были четырехсотенного состава. Это 64 человека на каждый полк. Горцы назывались не солдатами, а всадниками. Но только в Кубанской области, в которой формировался Черкесский полк, это требование было выполнено. В других полках эти должности заняли воины Кавказского запасного дивизиона и запасники, включая дагестанцев. По Черкесскому полку одному из авторов удалось определить всех казаков, абазин, абхазов, карачаевцев, ногайцев, черкесов первого состава Черкесского полка и в значительной степени пополнений запасными сотнями. Многие потомки помнят своих предков – воинов первой мировой. Для черкесов и других горцев очень характерна этническая память. Уважающий себя черкес должен знать имена своих предков в семи поколениях. Поэтому к документальным публикациям по войнам 1853 г., 1877-1878 гг. с Турцией, 1904-1905 гг. с Японией, о первой мировой проявляется большой общественный интерес.

Многие потомки помнят об участии в войнах своих предков, но информация сохранилась не в полном объеме, что связано с эмиграцией 1820 г. и репрессиями 1930-х годов. Следует отметить, что и в аулах, и в станицах велик интерес к памяти своих предков. Сохранены, например, отличного качества фотографии первого Георгиевского кавалера Черкесского полка Максима Софронова из станицы Рязанской, Белореченского района Краснодарского края, его внуком Виктором Сафроновым; фотография кавалера Георгиевского оружия и ордена Св. Георгия Победоносца IV-й степени Муратчерия Тлехаса, сохранившаяся в ауле Гатлукай города Адыгейска Республики Адыгея.

Однако общественный интерес к серьезным исследованиям сталкивается с недостаточной степенью изученности первой мировой войны в части участия в ней Северного Кавказа. В последние годы вышло несколько книг и журнальных очерков о героях войн конца XIX – начала XX века. Из публикаций, направленных на показ боевого единства русских (казаков) и горцев, следует отметить работы О. Л. Опрышко о Кавказской туземной конной дивизии [3].

Горцы Северного Кавказа к войне с Турцией в 1877 г. отнеслись как к событию, связанному с судьбой их Отечества, каковым многие считали Россию. Они в составе русской армии приняли участие в войне и на полях сражений совместно пролитой кровью с русскими воинами доказали свою преданность России.

Черкесский полк, как и другие полки дивизии, зачастую показывал примеры стойкости и взаимовыручки. Офицеры, всадники, казаки и русские унтера стойко переносили тяготы и лишения боевой службы. Так было в первых боях на реке Сан в Карпатах в зиму 1914-1915 гг., в наступлении на Станислав в феврале 1915 г., когда Ингушский и Черкесский полки впервые с начала войны в конном строю взяли укрепленное село Цу-Бабин, в сложнейших оборонительно-отступательных боях на Пруте и Днестре в мае 1915 г., в конных атаках во время Брусиловского прорыва в 1916 г., в зимней сторожевке в Румынии в 1916-1915 гг., в прорыве австрийских позиций под Станиславом в июне 1917 г. и в прикрытии массового отступления русских войск в июле 1917 г. [4,80; 5,161].

Русское командование внимательно следило за событиями в Кавказской конной и в сложнейшей обстановке всегда помогало. Взять хотя бы действия конно-подрывного отряда и конных батарей, придаваемых дивизии. Или конную атаку Заамурской бригады

29 мая 1916 г. на наступающего противника под Залещиками, которая, потеряв почти половину атакующих, спасла от неминуемой гибели Кавказскую туземную, в первую очередь ее Ингушский и Черкесский полки [6,17].

Сохранилась память о беспримерных подвигах, о верности воинскому долгу, о непростых судьбах сынов Кавказа, сражавшихся в рядах шести полков Кавказской конной дивизии – Ингушского, Черкесского, Татарского, Кабардинского, Дагестанского, Чеченского – на фронтах первой мировой войны в 1914-1917 годах. За мужество и доблесть многие из них были удостоены высоких боевых наград России, но имена большинства участников тех событий несправедливо забыты.

Когда начала формироваться Туземная дивизия, Осетинский полк в ней не был предусмотрен. Во-первых, уже существовал Осетинский конный дивизион (позднее развернутый в полк), во-вторых, в эту дивизию набирали добровольцев из мусульманских народов Кавказа, которые в России не подлежали воинской повинности. Рядовой состав полков в основном был однороден, а вот состав офицеров был очень пестрый. Командовал дивизией родной брат Государя Императора – великий князь Михаил Александрович. Среди командного состава дивизии – от генералов до прапорщиков – было много принцев, князей, графов и горской знати. Здесь служил персидский принц полковник Фазула-Мирза Каджар, корнет Хан Нахичеванский, сын писателя прапорщик граф Михаил Львович Толстой, полковник принц Наполеон Мюрат и др. Среди офицеров Туземной дивизии служило несколько осетин офицеров и рядовых, которые не раз продемонстрировали мужество и отвагу. В основном они служили в Кабардинском и Татарском полках. При формировании Кабардинского полка в его состав были зачислены штаб-ротмистр Асланбек Туганов, ставший командиром 2-й сотни, поручик Хаджи-Омар Мистулов и поручик Даниил Сеоев. Запасную сотню Кабардинского полка возглавил ротмистр Григорий Козырев. В августе 1917 г. Туземная дивизия была развернута в Кавказский туземный конный корпус, состоящий из двух дивизий. 2-ю Туземную дивизию возглавил генерал-лейтенант И. Хоранов, а начальником штаба стал полковник Г. Татонов. Командиром 2-й бригады этой дивизии был назначен полковник Я. Хабаев. 2-я бригада состояла из 1-го (командир – подполковник Г. Дзугаев) и 2-го Осетинских конных полков. 26 февраля 1918 г., когда корпус факти-

чески уже распался, его командиром был назначен генерал-лейтенант Д. Абадиев. За три года войны Кавказская туземная дивизия завоевала поистине легендарную воинскую славу.

К сожалению, в архивах, по разным причинам, сохранились не все документальные материалы, связанные с Кавказской конной дивизией. И если об одних всадниках и офицерах можно рассказать более или менее подробно, то о других, в связи с почти полным отсутствием или крайней скудностью сведений в архивах. Нет пока еще и публикаций, или они очень редки, о взаимодействии Кавказской конной с казачьими частями на фронте.

В 1914 г. на Северном Кавказе горские аулы зачастую перемежались с казачьими станицами, русско-украинскими и другими селами. Последующие десятилетия с развитием промышленности и роста городов при значительной миграции с севера на юг и с юга на север значительно стерли границы расселений, «обеспечивая единство основополагающих характеристик и проблем... весь регион следует рассматривать как единое целое безотносительно к государственным, административным и иным границам, разделяющим его изнутри. Обоснованность такого подхода определяется общностью тесных многовековых экономических, культурных, политических и иных связей, исторических судеб, близостью форм, стандартов и стереотипов поведения, особенностями менталитета и др.», – писал академик К. С. Гаджиев [7, 45-46]. Другой представитель науки Северного Кавказа профессор Т. Х. Тхагапсоев отметил, что за последние десятилетия главным историческим итогом стало то, что «...доминанты самосознания кавказских этносов заявили о себе приверженностью к надэтнической общности и интегрированности в российское культурно-политическое пространство. Причем указанные факторы заявили о себе в ситуации, которая делала возможным иной выбор, иное предпочтение, иные позиции [8, 47].

В этом плане память о боевом единении в составе Кавказской конной дивизии может и должна стать символом, сближающим народы Северного Кавказа в единое целое безотносительно к государственным, административным, этнонациональным и иным границам.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 799. Оп.1. Д.3
2. Вершигора А.Д. О Султане Довлет Гирее // Кубанский исторический журнал. 1997. № 4.
3. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. Возвращение из забвения... Нальчик: Эльбрус, 1999; его же. Бывают странные сближения...Нальчик: Эльбрус, 1996.
4. Вершигора А.Д. Черкесский полк в Первую мировую войну // Литературная Адыгея. Майкоп, 1998. № 2.
5. Российский государственный военно-исторический архив (далее –РГВИА). Ф. 3641. Оп.1. Д. 1.
6. РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 68.
7. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. Международные отношения. 2003.
8. Тхагапсоев Г.Х. Постижение Кавказа: новые ракурсы // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 2003. № 2.

О.Б. ХАЛИДОВА,
к.и.н., м.н.с. ИИАЭ ДНЦ РАН (г. Махачкала)

ИДЕИ ПАНИСЛАМИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧ. XX ВВ.

На рубеже XIX – XX вв. с развитием новой политической ситуации в России и в общественном сознании появляется такое понятие, как *панисламизм* [1;2;3;4]. Последователи данного направления пропагандировали свою доктрину не только в пределах Турции, но и достаточно широко развернули свою организационную деятельность в Дагестане в начале XX в., затем на Центральном Кавказе [5, 98; 6,40].

Это была одна из проблем, стоявших в центре внимания МВД. Министр внутренних дел России П.А. Столыпин был крайне обеспокоен и в своем письме, направляемом губернаторам, предлагал настоятельно «принять меры в связи с намерением Турции продвигать панисламистские идеи в России» [7; 8; 9]. В своем предписании он настоятельно предлагал «установить самое тщательное наблюдение за появлением означенных лиц (здесь – пропагандисты из Турции. – Х. О.) из Турции и при обнаружении их принимать безотлагательно решительные меры для выдворения их за пределы империи» [8].

В директивном письме по Особому отделу Департамента полиции за подписью директора Зуева панисламизм определялся следующим образом: «Главный принцип, вокруг которого сосредотачивается панисламистское движение... – это объединение всего мусульманского мира в политическом и экономическом отношениях под эгидой Турции с конечной целью в будущем образования всетюркской республики...» [9]. Здесь же указывалось, что «строго определенной программы и тактики панисламисты не выработали. Ближайшая задача их – сплочение всех сознательных мусульман для политической

борьбы с ныне существующим в империи государственным строем, который является в глазах панисламистов главной препоной к национальному самоопределению магометан» [9]. В одной из переписок начальников округов Терской области оговаривалось, что в Константинополе группой татар издается журнал «Тааруфуль-муслимин» («Взаимное ознакомление мусульман»), имеющий широкое распространение среди татар русских подданных и направленный против России [10, 10], и главной целью которого являлось «распространение среди русских мусульман идеи панисламизма и вызвать неприязнь к императорскому правительству, обвиняя его в гонении ислама, притеснениях мусульман, порабощении их школы...» [11, 88-89].

По мнению некоторых дагестанских исследователей, «в идеях панисламизма можно было усмотреть мировую политику Турции и России, в которой Турция стремилась вызвать волнения мусульман Кавказа, поднять их на «священную войну» и добиться присоединения мусульманских провинций Российской империи» [4].

В архиве Республики Дагестан сохранились документы, свидетельствующие о панисламистской пропаганде на Кавказе в первой трети XX в. Что касается Дагестанской области, то власти постоянно следили за деятельностью местного мусульманского духовенства, религиозных школ, отдельных деятелей. Так, в начале XX в. начальник Казикумухского округа полковник Киселев предписывал начальникам Казикумухского и Вицхинского участков об установлении негласного надзора за населением [12, 248]. Он предлагал принять все необходимые меры «к недопущению к преподаванию в сельских мусульманских школах лиц, получивших образование в Турции, Египте, Персии, Казанской и Оренбургской губерниях...», а также рекомендовал собрать все сведения о частных и мечетских школах и выяснить, «не изучаются ли в каких-либо школах турецкий язык, турецкая история, география и другие сведения о Турции...» [12]. Вдобавок, особое внимание уделялось распространяющимся мусульманским журналам и газетам [12, 263].

Таким образом, начавшееся в начале XX в. на мусульманских окраинах Российской Империи движение за расширение сферы ислама и религиозной свободы вылилось в формирование новой системы мусульманского образования. Здесь особое беспокойство властей вызывали мусульманские новометодные школы, берущие свое начало в Крыму, мусульманских районах Поволжья и Туркестане и развивавшиеся в русле исламского реформаторства. Новометодные школы

лежали в основе новой реформы религиозной школы, отличие которых состояло во введении преподавания светских дисциплин вкупе с религиозными.

Среди сторонников нового веяния выделялся крымско-татарский общественный деятель Исмаил-бей Гаспринский (1851-1914 гг.), выступавший против русификации мусульманских общин России и предлагавший реформировать мусульманскую жизнь. В основу модернизации российского ислама Гаспринским была положена идея реформирования исламского образования путем замены схоластичного «старого метода» обучения (кадими), ограничивавшегося, главным образом, механическим заучиванием Корана и других религиозных текстов на арабском языке, на «новый метод» (джадиди). Отсюда название движения – *джадидизм*. Этот метод предусматривал «фонетизацию» чтения в процессе обучения, введение в учебный план общеобразовательных предметов: арифметики, географии, истории, родного и русского языков» [13]. Как отмечает А. В. Малашенко, «основной целью деятельности реформаторов джадидов было стремление утвердить в России новометодную систему образования», с помощью которой молодое поколение мусульман должно было ознакомиться с достижениями европейской науки [14, 32].

На Северном Кавказе движение джадидизма активизировалось в конце 1900-х – начале 1910-х гг. Глубже всего идеи джадидизма проникли в Дагестан, который к началу XX века стал крупным исламским центром на всем Северном Кавказе, в том числе и по изданию исламской литературы (г. Темир-Хан-Шура). А наиболее активными реформаторами стали дагестанские исламские лидеры, в том числе и дагестанские депутаты Государственной думы (И. Гайдаров, М. Далгат). Первое просветительское общество, тесно связанное с идеями джадидизма, было создано в Дагестане в начале XX в. [15, 70-90; 16, 78]. Дагестанские просветители Али Каяев и Бадави Саидов стали издавать на арабском языке газету «Джаридат Дагистан» (1913-1919 гг.), в которой публиковались статьи с критикой старых методов исламского начального и среднего образования. Али Каяев организовал новометодную школу в сел. Кумух [17, 82-83].

Вышеуказанные школы нового типа не получили широкого распространения в изучаемом нами регионе. В начале XX в. новометодные школы были открыты в 8 аулах Темир-Хан-Шурина округа, в которых обучалось 586 учащихся [18, 23; 19, 36; 20, 136]. По свидетельству официальных властей, новые школы «мало чем отличались

от мечетских». Главное их отличие состояло в том, что новометодные школы могли открываться только непосредственно с разрешения официальных властей. Царские власти считали, что эти школы выступали главными очагами распространения новых социальных и культурных идей и могут превратиться в крупнейшие центры общественной активности мусульман, а впоследствии стать т.н. «рассадниками» антирусской агитации [18, 137-138].

Несмотря на то, что в 1905 г. вышел «Указ об укреплении начал веротерпимости», который предоставлял всем народам свободу вероисповедания, российское правительство учредило Особое совещание по делам веры (под председательством А. П. Игнатьева). Российская администрация рассматривала идеи модернизации ислама, все более распространявшиеся на мусульманских окраинах империи, как попытку государственного переворота. Подъем мусульманского движения начала XX в. был воспринят главой российского правительства и министром внутренних дел П. А. Столыпиным как серьезная угроза «историческим задачам русской государственности» [21].

В начале XX века в одном из своих отчетов граф Воронцов-Дашков отмечал, что «именно от мусульманского населения Кавказа в будущем России следует опасаться сепаратизма и вспышек религиозного фанатизма, и прежде всего из-за соседства Кавказа с мусульманскими государствами» [22, 9]. Но при этом им подчеркивалось, что нельзя оставлять мусульманское население «без наблюдения и игнорировать их потребности», а воздействовать на мусульман посредством их приобщения к русской культуре и «насаждения среди них начал русского правосознания» [22, 14].

Поэтому в дальнейшей своей политике на Кавказе, в Дагестане в частности, российское правительство, имея настороженное отношение к исламской жизни в крае, пыталось всячески ограничивать деятельность исламских реформаторов. Тем более, в нач. 1910 г. МВД были получены сведения о том, что в Турции разрабатывается план всеобщей подписи на усиление флота, причем готовилась к изданию фетва, обращенная ко всем мусульманам, в том числе и к русским мусульманам, признающим турецкого султана халифом. Фетву предполагалось прочесть во всех мечетях [23, 119].

Таким образом, в начале XX в. на российских мусульманских окраинах началось движение за права мусульманских народов и религиозную свободу, за формирование новой системы мусульманского образования.

Примечания

1. Панисламизм – религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления о единстве мусульман всего мира и необходимости их сплочения в едином мусульманском государстве. Оформился в конце XIX в. в Османской Турции и некоторых других странах, население которых исповедует ислам, правящие феодальные и буржуазные круги использовали панисламизм как орудие своей реакционной политики. См.: Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 2002.
2. Советский энциклопедический словарь. М., 1989.
3. Аршаруни А. И., Габидулин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Лондон, 1990.
4. Доного Х. М. «...Обратить на настроение наших мусульман особое внимание...» Документы ЦГА Республики Дагестан о борьбе с панисламизмом в России в начале XX в. // Отечественные архивы. № 3. 2004 // Электронный ресурс: <http://www.rusarchives.ru> (дата обращения: 23.10.2012 г.)
5. Ратгаузер Я. А. К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928.
6. Матвеев В. А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы. Армавир-Ростов-на-Дону, 2004.
7. Российский Государственный Исторический Архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 469.
8. Д. Ю. Арапов «...Опасные для единства нашего государства проповедники...» П. А. Столыпин о политике Турции в отношении России и панисламизме. 1910 г. // Отечественные архивы. 2004. № 3 // Электронный ресурс: <http://www.rusarchives.ru> (дата обращения: 23.10.2012 г.)
9. Алексеев И. Л. Ислам, мусульманское общественное движение и проблемы управления мусульманским населением внутренних губерний России в начале XX в. в ракурсе российской административной элиты // Электронный ресурс: <http://islamrf.ru> (Дата обращения: 09.10.2012 г.)
10. Центральный Государственный Архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 11. Оп. 17. Д. 396.
11. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 469. (дата обращения: 23.10.2012 г.).
12. Центральный Государственный Архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 2. Оп. 8. Д. 20.

13. Титоренко М. Ф., Шкилева О. Г. К вопросу развития образования у мусульман Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. // Кубанский исторический журнал «Голос минувшего». 2008. № 3-4 // Электронный ресурс: <http://www.slavakubani.ru> (дата обращения: 16.01.2013 г.)

14. Малашенко А. В. Исламское возрождение современной России. М., 1998.

15. Полонская Л. Р. Восток. XX в. Взгляд из России // Ислам в СНГ. М., 1998.

16. Бабич И. Л. Мусульманская жизнь горцев в контексте религиозной политики России на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. // Научная мысль Кавказа. 2009. № 1.

17. Наврузов А. Р. Джадидизм и реформа методов обучения в школах Дагестана (1913-1918 гг.) // Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока. М., 2001.

18. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 171.

19. Гаджиев А. С. Влияние присоединения Дагестана к России на развитие просвещения и культуры. Махачкала, 1966.

20. Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989.

21. Культура и политика на Кавказе в XIX – начале XX в. // Электронный ресурс: <http://gazavat.ru> (дата обращения: 11.11.2012 г.)

22. Всеподданнейший отчет за 8 лет Управления Кавказом графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913.

23. ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 329.

**А. А. ТАТАРОВ,
студент КБГУ (г. Нальчик)**

**«ПОД ЗНАМЕНЕМ ШАРИАТА –
ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ!»: ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
НАЗИРА КАТХАНОВА**

Гражданская война – один из насыщенных событиями эпизодов не только общероссийской, но и северокавказской истории. Картина этой страницы истории Кавказа и сегодня содержит «белые пятна». Актуальность данной проблемы обуславливается рядом фактов. На Северном Кавказе в период Гражданской войны наблюдаются самые разные внутри- и внешнеполитические интересы, именно в этом крае бывшей Российской империи борьба красных и белых началась раньше, нежели в других частях страны. Возможно, наиболее интересной тенденцией в 1918-1920 гг. стало сотрудничество двух, казалось бы, несопоставимых идеологий – большевистской и мусульманской. «За Советы и Шариат!» – под этим лозунгом в разных частях Северного Кавказа действовали красные шариатисты: Али Митаев в Чечне, Тарко-Ходжи в Дагестане, Назир Катханов в Кабарде и Балкарии. Мы бы хотели остановиться на общественно-политической деятельности Назира Катханова, человека, отдавшего 10 лет своей недолгой жизни служению советской системе. Интерес к этой личности был и остается незаслуженно мал. Нашей целью является короткий экскурс в 1918-1928 гг. в истории Кабардино-Балкарии сквозь призму личности выдающегося человека – Назира Адыльгиреевича Катханова (1891-1928 гг.).

На сегодняшний день существует лишь одна подробная биография Н. Катханова, написанная его сыном К. Н. Катхановым. Следует признать, что постсоветская историческая наука в КБР, несмотря на освобождение от идеологических догм, уделяет совсем незначительное внимание удивительной и трагичной судьбе красного шариатиста. М. А. Текуева справедливо заметила, что искажение основных фактов жизни и деятельности Катханова или просто их замалчивание ведут к искажению подлинной картины одного из самых сложных и противоречивых эпизодов истории Кабардино-Балкарии – периода революции и гражданской войны на Тереке [1,109].

Исламизация кабардинцев и балкарцев ко времени осуществления Октябрьского переворота 1917 г. имела достаточно глубокий характер: ислам прочно вошел в систему традиционных социокультурных отношений, общественных институтов, нравственно-этических ценностей, семейно-бытовую обрядность. В Кабарде и Балкарии имела сеть разветвленная сеть мечетей и медресе, значительное число мулл и эфенди имело солидное богословское образование, полученное в Дагестане, Крыму, Казани, а также в Стамбуле, Каире [2]. Под сильным влиянием ислама выросла национальная интеллигенция, к числу которой относился и Н. А. Катханов. О дореволюционной жизни Назира известно немного, в связи с чем весьма затруднительно говорить о причинах, побудивших его, не оставаясь в стороне от великих событий, воевать за советскую власть в годы Гражданской войны. Бесспорно то, что воспитание Катханова было основано на традиционных обычаях и мусульманской этике, что наложило большой отпечаток на его характер и религиозное мировоззрение.

Накануне Гражданской войны на Северном Кавказе Советская власть обратилась с известным воззванием от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», где объявила «верования и обычаи..., национальные и культурные учреждения... свободными и неприкосновенными» [3]. Власть брала под покровительство мусульман и призывала их поддерживать новый государственный строй. Дальнейшая пропаганда большевиков, была направлена на объединение усилий ислама и коммунизма, что сыграло одну из ключевых ролей в победе над белыми на Кавказе. Появление же мусульманских авторитетов, сочувствующих большевикам, было весомой альтернативой такой центробежной силе, как панисламизм. Несмотря на общегосударственную тенденцию по отделению религии от государства и введению светского образования

(эти меры предпринимались большевиками еще в годы Гражданской войны), Советская власть проводила гибкую и осторожную политику на Северном Кавказе, где ее положение оставалось довольно хрупким. Духовенство и шариатские суды были грозной силой, за поддержку которой боролись не только красные. К примеру, с помощью этих судов турецкие войска, отряды полковника Л. Ф. Бичерахова и Добровольческая армия генерала А. И. Деникина расправлялись с большевиками и сторонниками Северо-Кавказского эмирата, созданного в горах северного Дагестана и Чечни накшбандийским шейхом Узун-Хаджи [4]. Компромисс с мусульманами для большевиков стал важным подспорьем для укрепления Советской власти на Северном Кавказе.

В биографии своего отца Керим Назирович Катханов обращает внимание на интересный факт. В начале 1918 г. Назир смог вплотную познакомиться с позицией большевиков по мусульманскому вопросу, прочитав «Обращение» в газете «Народная власть». Назир слышал различные слухи в селах о большевиках, о том, что кто-то клялся Аллахом, что читал строки из сочинений Ленина, критикующие религию, называющие ее опиумом для народа. На вопрос Касима Шогенова, верить ли обещаниям большевиков или нет, Назир отвечал: «Нельзя не верить после таких слов: «...Охраняются всей мощью революции и ее органов – Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [5, 37-38]. Впечатление от «Обращения» большевиков, обещавших неприкосновенность мечетей и молелен, было настолько сильно, что сделало Катханова преданным сторонником Советской власти. И этой политической ориентации, на наш взгляд, Катханов остался верен до расстрела в 1928 г., несмотря на последующую антиисламскую политику в СССР. В идеологии социализма можно было увидеть характерное для религии стремление к социальной справедливости; импонировала и идея всеобщего равенства. Однако нужно учитывать и тот факт, что лидеры просоветских движений, одно из которых и возглавил Назир, принимали идею социализма, «считаясь с объективными условиями и примыкая к побеждающей стороне, при этом стремились вырвать у руководителей новой России уступки» [6, 376-377].

Но прежде, чем стать командиром грозной I Ударной Шариатской Колонны, Назир прошел немало испытаний, первым из которых был расстрел белыми Адыльгирея Катханова, как отца сторонника Советов. Назиру к сентябрю удалось осуществить поиск нужного количе-

ства людей для похода в Нальчик и свержения Кабардинского национального Совета, официального правительства Кабарды. Важнейшим источником по восстановлению деятельности Катханова ранней осенью 1918 г. являются воспоминания Тараса Созаева, известного осетинского коммуниста. Согласно этим данным, к концу сентября численность конницы шариатистов превышала 3000 человек [5, 43]. Здесь были представители разных народов: кабардинцы, балкарцы, осетины и даже русские. Впоследствии войско Катханова оставалось многонациональным, объединяя разные традиции и религии под эгидой борьбы за Советскую власть. Неожиданное появление этой новой силы в Гражданской войне расценивалось Кабардинским национальным Советом как нарушение принятой незадолго до этого резолюции о вооруженном нейтралитете. При этом съезд народов Нальчикского округа, принимавший резолюцию, давал «полную гарантию, что никаких насильственных мероприятий к обезоруживанию и т. п. по отношению к Красной Армии допущено не будет» [7, 186].

В этих условиях популярность и влияние конницы Назира Катханова росли стремительными темпами, что позволило ему к 24 сентября 1918 г. осуществить переворот в Нальчике и создать новое правительство – Военно-революционный Шариатский Совет. Это была попытка совместить нормы шариата с большевистской властью. Военно-Революционный Шариатский Совет сохранил отделы, созданные Нальчикским окружным народным Советом, восстановил ряд решений последнего, в частности, по земельному, национальному вопросам, а также шариатский суд, приступил к формированию «революционных отрядов» для охраны Нальчикского округа. О широком распространении в округе арабской грамоты свидетельствует постановление заседания Совета от 26 сентября 1918 года: «Просить членов Совета эфенди и мулл написать воззвание к народу на арабском языке, разъяснив в этом воззвании цель и стремление Серебрякова (командира белых отрядов. – А. Т.), упомянув в нем, что кто не признает народной власти и шариата, тот враг своему народу. Такое же воззвание написать на русском языке» [8].

В те дни Катханов в одной из речей в Нальчике подверг критике политику нейтралитета предыдущего правительства, обосновывая необходимость поднятия оружия против казачества с точки зрения религии: «В то время, когда другие мусульманские народы обливаются кровью в борьбе с казачеством, кабардинский народ объявил нейтралитет, что не должно быть по шариату» [1, 116].

В годы Гражданской войны, в период взлета своей популярности, руководя крупными военными отрядами, Катханов не предпринимает попыток узурпировать власть и использовать ситуацию в угоду корыстным интересам. Это «типичный революционный романтик, для которого идея, иногда абстрактная, важнее личных интересов» [1, 111]. При этом Катханов неоднократно доказывал свою верность Советской власти, но уже тогда намечались трения его идей, замыслов, с одной стороны, и складывающейся реальности – с другой. Уже тогда стало ясно, что Назир принял решение оставаться беспартийным и продолжать следовать нормам ислама. Главное, к чему он стремился, – достойное будущее своей родной земли.

Положение в регионе менялось стремительным образом. Шариатская колонна в ноябре 1918 г. после боев в районе Пятигорска, Кисловодска и других городов Ставрополя вынуждена была снова отвоевывать Нальчик у белогвардейцев во главе с Заурбеком Даутоковым-Серебряковым, который также пытался поднять зеленое знамя шариата, играя на религиозных чувствах горцев-мусульман (в отличие от Катханова, против Советской власти) [9]. После вторичного завоевания Нальчика катхановцы, утверждая Советскую власть, создали шариатский отдел, возглавляемый Касимом Шогенцуковым.

Лишь ранней весной 1920 г. положение окончательно меняется в пользу красных. После очередных побед над белыми 20 марта 1920 г. Катханов провозгласил Советскую власть и призвал народ к строительству нового справедливого общества. Это был триумфальный результат его долгой и энергичной деятельности. В своем «Воззвании» командующий войсками Нальчикского округа призывает к миру и согласию и провозглашает «Советскую власть, Шариат и Объединение народа». М. А. Текуева обращает внимание на еще один момент в «Воззвании» – надежды Назира на духовный рост национальной интеллигенции, просвещение кабардинского народа, образование на родном языке, подъем общей культуры [10].

В сентябре 1920 года он вносит в проект Конституции Горской республики предложения о создании шариатских отделов при Комиссариате Юстиции Горской республики и при окружных и сельских исполкомах; предоставлении избирательных прав муллам; изучении юриспруденции шариата и т.д. [10].

Впоследствии, когда решался вопрос о статусе Кабарды, Катханов выступал против автономии, полагая, что лишь статус республики не будет урезать права кабардинского народа. Эти попытки, хоть и

являлись показателем активной политической позиции Катханова, не влияли на государственное строительство в Кабардино-Балкарии. В целом отношение к красному шариатисту было настороженным. Комментируя воззвания Н. Катханова: «Долой месть! Долой расстрелы! Да здравствует Советская власть, шариат и объединение народа!», один из партийных руководителей области И. Никонов отмечал: «Одним словом простимся, и друг друга обнимем... бедняк, братайся с кулаком и князем, овца, живи в мире с волком!.. Где тут призыв к продолжению классовой борьбы?..» [8]. В 20-е годы Назир прекрасно осознавал постепенный, но все же крах идеи мусульманского коммунизма и его неспособности стать основой национального развития.

В период Гражданской войны и вплоть до середины 20-х годов на территории Северного Кавказа шариатские суды сохранялись, предпринимались даже попытки встроить их в советскую систему. Позиция же большевиков была непоследовательной. Например, в Адыгее и Кабарде среди новой властной элиты существовали два подхода к шариату. В то время как приверженцы первого подхода (которых именовали шариатистами) выступали за «расширение функций шариатских судов», сторонники второго хотели «изменить его внутреннее содержание, поскольку видели в нем переходный судебный орган» [10].

К концу 20-х годов советская власть все чаще видела в мусульманстве на Северном Кавказе опасного конкурента, имеющего мощное идеологическое влияние на население. Еще в 1922 г. Б. Калмыков активно поддерживал идею о едином суде, подчеркивая, что с шариатскими судами приходилось считаться из-за поддержки этих органов населением. 30 августа 1928 г. облисполком КБАО доложил в Москву о том, что на территории области не осталось шариатских судов. Но при этом влияние мулл и шейхов в деревенской жизни продолжало существовать. Примечательно, что даже на июнь 1927 г. в Кабардино-Балкарии было 1703 партийных коммуниста, численность же мулл – 884. Это было неутешительное соотношение, если учесть, что половина коммунистов была неграмотна [11, 96]. Но было очевидно, что ислам как идеология все меньше мог конкурировать с социализмом и неуклонно вытеснялся последним из общественного сознания Кабардино-Балкарии.

После окончания Гражданской войны, в 1920 г., на съезде народов Востока в Баку Катханов был представлен на награждение орденом Красного Знамени за выдающиеся заслуги в годы Гражданской

войны. Ответа на это предложение не последовало, и можно полагать, что причина этого была связана с идейной позицией Назира, с тем, что его религиозное мировоззрение не могло сочетаться с представлением о верном коммунисте и атеисте. Но Назир был весьма образованным человеком, что было достаточно для предложения ему разных должностей. С 1924 года по день его ареста Катханов жил и работал в Москве, являясь представителем Кабардино-Балкарии при ВЦИКе. Бетал Калмыков, достигший должности председателя облисполкома КБАО в 1921 г., сыграл значимую роль в судьбе Катханова. Трения между этими двумя видными политическими деятелями росли по мере того, как власть меняла свое отношение к исламу и переходила к административному давлению на население. Еще в 1921 г. на праздновании 30-летия Назира Калмыков говорил: «Все было бы хорошо, но когда видишь, как Назыр пять раз в день делает намаз, отдавая должное своей вере, нам, коммунистам, это не по душе» [5, 56].

1928 г. стал решающим не только для судьбы Катханова, но и ислама в КБАО. 23 апреля 1928 года Катханова арестовали в Ростове-на-Дону. Сначала его обвинили в подготовке покушения на Калмыкова, затем объявили одним из лидеров шариатско-кулацкой контрреволюционной группы. На изменение обвинения повлияли события баксанского восстания в июне 1928 г., среди причин которого были ужесточение давления власти на религию, вытеснение мусульманских школ, закрытие мечетей. Известно, что зимой 1928 г. Катханов приезжал в селение Псыхурей, где его появление было воспринято с большим воодушевлением среди мусульман. Можно предполагать, что Назир был откровенно разочарован первыми годами Советской власти, той самой, за которую он так преданно воевал. Ужесточение борьбы с исламом на родной земле возмущало Назира как правоверного мусульманина. Но было ли обвинение в заговоре поводом для «избавления» от слишком популярного среди мусульман и к тому же беспартийного Катханова, или же действительно существовал организованный заговор против руководства КБАО? Этот вопрос, скорее всего, является все еще открытым. Фактом же является то, что 12 августа 1928 г. Назир Катханов был расстрелян.

Примечательно, что примерно за месяц до ареста Катханов очередной раз был представлен на награждение орденом Красного Знамени. Среди инициаторов этой идеи были представители Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Адыгеи. Но ходатайства со стороны

Кабардино-Балкарии не было. Заслуженную награду борцу за советскую власть присудили посмертно в 1990 г.

Итак, Назир Катханов стал одним из видных деятелей Гражданской войны на Тереке. Он достиг успехов, сумев объединить два, по сути враждебных друг другу, идейных течения, ислам и социализм, залогом чего была искренняя вера в свои идеи и воля к достижению целей. Большевики, в свою очередь, на Северном Кавказе проводили взвешенную и осторожную политику в области религии, и появление поддержки среди духовных лидеров отчасти являлось результатом этой политики. В Кабардино-Балкарии деятельность Назира Катханова сыграла исключительно важную роль в победе Советской власти. В 20-х годах власть, достигнув относительной стабильности, перешла от диалога к конфликту с мусульманами и исламом. Катханов стал одной из жертв репрессий. Вне зависимости от того, был ли Назир организатором каких-либо антисоветских заговоров или нет, можно с уверенностью утверждать, что он является одним из выдающихся деятелей в истории Кабардино-Балкарии, для которых судьба родной земли не была безразлична никогда.

Примечания

1. Текуева М. А. Назир Катханов: Штрихи к политическому портрету // Известия КБНЦ РАН. №1 (9). 2003.

2. Мукожев А.Х. Ислам в Кабардино-Балкарии в годы Советской власти // Архивы и общество. 2011 №1 // URL. <http://archivesjournal.ru/?p=89> (Дата обращения 03.02.13 г.).

3. Обращение Советского правительства – «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. // URL. <http://xx-vek-istoria.narod.ru/libr/istochnik/vnpol/mus.html> (Дата обращения 06.02.13 г.).

4. Бобровников В.О. Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. № 5. 2003 // URL. <http://www.strana-oz.ru/2003/5/shariatskie-sudy-na-severnom-kavkaze> (Дата обращения 07.02.13 г.)

5. Катханов К. Н. Назыр. Документальная повесть. Нальчик, 1997.

6. Суханова Н.И. Гражданская война 1917-1920 гг. на Северном Кавказе: социально-политический аспект. Ставрополь, 2004.

7. Опрышко О. Л. Бывают странные сближения. Нальчик, 1993.

8. Мукожев А. Х. Ислам в Кабарде и Балкарии в период революционных событий 1917 года и Гражданской войны на Тереке // Архивы и

общество. №15. 2011// URL. <http://archivesjournal.ru/> (Дата обращения 07.02.13 г.).

9. Дышекова М.В. Из истории военно-революционного шариатского совета в Кабарде и Балкарии // Архивы и общество. 2011. №7 // URL. <http://archivesjournal.ru/?p=1243> (Дата обращения 06.02.13 г.).

10. Текуева М. А. Исламское движение в Кабарде и Балкарии во время Гражданской войны на Тереке // Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник научных статей, в. 1/Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов-на-Дону, 2001 // URL. <http://www.regiment.ru/Lib/D/93.htm> (Дата обращения 03.02.13 г.).

11. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001 // URL. <http://www.chechen.org/index.php?newsid=237> (Дата обращения 03.02.13 г.).

12. История Дона и Северного Кавказа (1917-2000). Нальчик, 2011.

М. ТОМАЕВ,
аспирант СОГУ им. КЛ. Хетагурова

Г. А. ДЗАГУРОВ – ОСНОВАТЕЛЬ АРХИВНОГО ДЕЛА В ОСЕТИИ

Становление архивного дела в Осетии – неотъемлемая часть истории Осетии со времен вхождения её в состав Российской империи, важная и недостаточно изученная сфера гуманитарного знания.

Во Владикавказе сосредоточение архивов административных образований, составляющих территорию Терской области, началось еще во второй половине 19 века.

Из городов Ставрополь, Пятигорск, Кизляр, Моздок и других мест поступали архивные материалы... Бессистемно проводились отбор и учет ценных документов. Разрозненность их хранения в ведомствах и учреждениях, отсутствие единого государственного подхода к формированию привели к утрате ценных документов предшествующих эпох, в связи с этим была разработана реформа архивного дела.

В 1918 году удалось реализовать намеченное. Декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» провозглашал образование единого государственного архивного фонда. Во Владикавказе в центре Терской области 4 августа 1920 года было организовано Терское областное архивное управление. 16 августа 1920 года был издан приказ Терского исполкома о его учреждении. Эта дата и стала днём рождения Архивного управления. В сложных условиях проходило становление: голод, война, разруха. Но процесс создания единого архива Терской области, вопреки трудностям, набирал силу.

История становления и развития архивной службы тесно связана с именем его основателя Г. А. Дзагурова. Неоценима роль Григория Алексеевича, благодаря трудам которого были спасены исторические документы, ставшие основой архивов Терской области.

Григорий Алексеевич Дзагуров (Губади Дзагуров) – первый руководитель Главного архивного управления по Терской области, родился 25 января 1888 года в селе Христиановском (ныне Дигора) Терской области, в семье народного учителя Алексея (Дзобо) Дзагурова.

В 1907 году Г. А. Дзагуров окончил Владикавказское реальное училище, в 1912 году закончил историко-филологический факультет Харьковского университета. Преподавал русский язык и словесность в Забайкальской области Восточно-Сибирского губернаторства.

В 1932 году он получил звание профессора на кафедре «Осетинский язык». Занимался сбором осетинского фольклора, составлением записей по дигорским сказаниям. Он внес огромный вклад в основание и развитие Осетинского Историко-Филологического общества – первого научного учреждения на Северном Кавказе.

Г. Дзагуров стоял у истоков становления архивной службы в Осетии. Со дня основания архивной службы в Осетии, с 1920 и по 1928 год, он непрерывно являлся заведующим Терским областным архивным управлением, заведующим центральным архивным управлением Горской АССР, заведующим архивным управлением Северо-Осетинской Автономной Области [1,1-3].

3 августа 1920 года прибывший из Москвы инспектор Главного архивного управления Вишневский Михаил Станиславович предложил Терскому областному ревкому утвердить в звании уполномоченного по областному архивному управлению одного из трёх кандидатов: Г. А. Дзагурова, Б. А. Алборова, В. П. Пожидаева.

Григорий Алексеевич Дзагуров 5 августа информирует Главное архивное управление: «С 4 августа 1920 года я, по предложению инспектора товарища Вишневского, вступил в исполнение обязанностей Уполномоченного Главного архивного управления по Терской области и приступил к организации дела». Первые приказы о кадровых назначениях он подписал в этот же день.

Из информации первого Уполномоченного Главного архивного управления по Терской области Григория Алексеевича Дзагурова, опубликованной в газете Листок приказов 7 сентября 1920 года: «Во Владикавказе с 4 августа 1920 года тоже организовано архивное управление, по указаниям приехавшего из Москвы инспектора Глав-

ного архивного управления, в ведение которого должны перейти все архивы Терской области. Исполнительный комитет Советов Терской области 16 августа 1920 года издал Приказ № 22 на основании Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 1 июня 1918 г., по вопросу организации и централизации архивного дела в г. Владикавказе: учреждается Областное архивное управление, ввиду чего все дела и переписка правительственных учреждений, законченные к 25.10.1917 г., должны поступить в государственный архивный фонд, и, следовательно, подлежат передаче в ведение указанного выше управления» [2].

7 сентября 1920 года в обращении: «Охраняйте архивы», опубликованном в Листке приказов Владикавказского исполкома, Григорий Дзагуров писал: «Задачи Терского областного архивного управления сводятся к тому, чтобы сохранить архивы Терской области от гибели, выяснить наличность и состояние их, свезти, если им на местах угрожает какая-нибудь опасность, в одно место, а для этого надо, прежде всего, найти подходящее помещение. Каждому понятно, что сохранение архивов Терской области, которая населена разными народами, с разным укладом жизни, языком и историческим прошлым, представляет долг каждого гражданина. Без архивов, хранящих в себе исторические документы в подлинниках, не может быть изучена история Терского края и его народов. К сожалению, за время Гражданской войны, когда некому было заботиться об архивах, некоторые из них погибли, в том числе и такой богатый и старый, как архив Владикавказского (Осетинского) округа. Теперь, когда образовано специальное учреждение и власть придаёт столь важное значение охране архивов, все должны понять, что охрана архивов, как памятников исторического прошлого – долг для всех, а потому – Охраняйте Архивы!» [3, 19].

С 1 ноября 1920 года к работе приступила разборочная комиссия Терского областного архивного управления. Комиссия содержала в себе сотрудников, большинство из которых – выпускники лучших российских учебных заведений, имевшие опыт научно-исследовательской работы, руководствовались в работе по разбору архивных материалов инструкцией Главного архивного управления (ГАУ) от 27 января 1919 года.

Спустя некоторое время после образования Главного архивного управления Горской республики, было утверждено Положение о разборочной комиссии при архивном управлении.

Приказом №35 по ГАУ Горской республики от 1 июня 1921 года были назначены члены Разборочной комиссии: Дзагуров Григорий Алексеевич был назначен председателем комиссии; Кануков Иналук Алибекович – окончил Петроградский университет по специальности юрист, представитель археографической комиссии отдела народного образования, ответственный за разбор архивов бывших войсковых штабов Терского казачьего войска; Газданова Серафима Борисовна – выпускница Киевских женских курсов, заведующая осетинским окружным архивным управлением; Дзагуров Дмитрий Алексеевич – окончил Петроградский Политехнический институт, кандидат экономических наук, заведующий экономическим отделом архивов; Короев Давид Григорьевич – писатель, представитель осетинского историко-филологического общества; Баев Андрей Васильевич – доцент Политехнического института.

Объём разобранного документального массива был велик, работа комиссии дала весомые результаты: за один только год проведено 49 заседаний, так что учёт вёлся не единицами, а пудами.

Характеристика ценности этих документов, представленная комиссией Дзагурова, гласит: «Архивы Горской республики относятся к числу интереснейших в России, так как начало их восходит к первой четверти 18 века, ко времени Петра Великого, когда особенно ясно сказалось наступательное движение и расширение России на Восток. Нельзя говорить более или менее основательно, будучи не знакомым с архивами и не используя их. Таково значение архивов Горской республики. И сегодня, спустя 90 лет, эта оценка архивных фондов звучит в унисон с характеристиками современных пользователей ретроспективной информации» [3, 20-21].

Деятельность Горского архивного управления за период с 1921 по 1923 год отмечена значительными результатами: учтено 34 фонда, проведено 117 заседаний Разборочной комиссии, подготовлено 433 доклада по описанию архивных материалов, просмотрено 16563 дела на 760528 листах; из них выделено 10272 ед. хр.

Г. А. Дзагуров, характеризуя ценность архивных фондов Горской республики и их научную значимость, писал 22 июля 1923 года: «В них находятся данные для освещения следующих вопросов:

- правительственная политика на Кавказской окраине;
- колонизация Северного Кавказа (туземная и русская);
- кавказские войны, покорение Кавказа и водворение Российского владычества на Кавказе;

- земельное устройство горских народностей, образование крупного землевладения;
- история религиозного движения среди горцев (мюридизм, зикризм и т.д.);
- правовое положение горцев;
- организация управления горскими народами, насаждение среди них российской гражданственности;
- богатый социологический материал в области еще и ныне действующего обычного права (работы М. М. Ковалевского и др.);
- история классов и сословий среди горцев и их взаимные отношения.

Все эти архивные материалы имеют не только чисто научное отвлеченное значение, не только теоретическое значение, но и практическое жизненное значение, т.е.:

первое – архивные данные служат материалом для уяснения нынешнего положения горцев и для создания правильных условий их жизни друг с другом, а также с русским населением;

второе – они же служат неисчерпаемым материалом для создания не написанной ещё истории горских народов за последние два столетия» [3, 26-27].

7 июля 1924 года постановлением ВЦИК Горская АССР была упразднена, и из её состава были выделены автономные области. В связи с этим Г. А. Дзагуров 11 сентября 1924 года направил в Северо-Осетинский Ревком предложение о том, что вместо Горского Центрального архивного управления следует создать архивные бюро: Осетинское, Ингушское, Сунженское и Владикавказское городское.

На заседании Ревкома Северо-Осетинской автономной области 12 сентября 1924 года было утверждено Северо-Осетинское областное архивное бюро (Протокол № 12) в составе четырёх человек: председатель – Григорий Дзагуров, заместитель председателя – Николай Виддинов, архивариус и секретарь – Альбин Гоцинский, помощник архивариуса и делопроизводитель – Иван Бурак.

Подчинялись областные архивные бюро Центральному архиву и Краевому архивному бюро, учреждённому Малым Президиумом Крайисполкома Юго-Востока (Протокол № 11 от 7 октября 1924 года), размещавшемся в Ростове-на-Дону.

7 июня 1926 года президиум Исполкома Владикавказского округа направил в Северо-Осетинский облисполком просьбу оказать содействие в организации Исторического архива. Этот вопрос обсуждал-

ся на объединённых совещаниях заведующих архивными бюро автономных областей Осетии, Ингушетии, г. Владикавказа и Краевого архивного бюро. 7 сентября 1926 года принятое ими решение об образовании самостоятельного Объединённого Горского исторического архива в г. Владикавказе при общем одобрении было направлено в Краевое архивное бюро. Предложение о создании Объединённого Горского исторического архива в городе Владикавказе Центрархив РСФСР поддержал и в июне 1927 года направил в Президиум Владикавказского окружного исполкома проект «Положения об объединённом Горском историческом архиве в г. Владикавказе», в котором закреплялся принцип неделимости архивных фондов.

Все материалы ЕГАФ, отложившиеся на территории бывшей Терской области на время до образования ГАСССР, и на территории названной республики, до её разделения на автономные области, образуют объединённый исторический архив в г. Владикавказе.

Завершилось организационное формирование Горского исторического архива 25 января 1928 года. Он размещался в здании Владикавказского окружного исполкома по Пролетарскому проспекту, 10 (ныне здание СОИГСИ им. В. И. Абаева).

Архивная служба РСО – Алания отмечала 90-летие в июне 2010 года, на котором выступающие с большой теплотой отмечали неоценимый вклад Григория Дзагурова в налаживание архивной службы Осетии и её дальнейшее развитие [4,160].

За прошедшие 90 лет проведено множество научных исследований, базирующихся на архивных материалах, этот процесс будет продолжаться благодаря подвижническому труду осетинской интеллигенции.

Примечания

1. ЦГА РСО-А. Ф. 758. Оп. 1. Д. 49.
2. <http://archive-osetia.ru/>.
3. Чиплакова Н. В. Хранители истории. Владикавказ: Изд-во ТРИО Атрибут К. У. Таутиев. 132 с.
4. Слуцкий А. И. Книжное дело на Северном Кавказе. Выпуск 6. Сборник статей/ДГПБ; КГУКИ. Ростов-на-Дону: Изд-во ООО Дон-Печать, 360 с.

**М. М. ШИНАХОВА, Г. К. АЗАМАНОВА,
КБГУ, (г.Нальчик)**

ОПЫТ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ «ИНСТИТУТА ДЕТСТВА» В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В последнее время много пишут о том, что ситуация с беспризорниками и безнадзорными детьми на современном этапе имеет большое сходство с ситуацией в 20-30-е годы XX века. Изменились только причины этого явления. Если в 20-30-е годы причинами увеличения числа беспризорных детей были гражданская война и разруха, то сегодня в основе этого неблагоприятного для нашего общества процесса лежат такие факторы, как:

- кризисные явления в семье (нарушение ее структуры и функций, рост числа разводов и количества неполных семей);
- асоциальный образ жизни ряда родителей; падение жизненного и культурного уровня населения;
- ухудшение условий содержания детей в семьях; педагогическая безграмотность родителей;
- распространение жестокого обращения с детьми в семьях и интернатных учреждениях при снижении ответственности за их судьбу.

Детская беспризорность – социальное явление, при котором происходит отрыв детей от семьи с утратой постоянного места жительства. Отличительными признаками беспризорности явля-

ются: полное прекращение связи с семьёй, родителями, родственниками; проживание в местах, не предназначенных для человеческого жилья; добывание средств к жизни способами, не признаваемыми в обществе (попрошайничество, воровство); подчинение неформальным законам [1,159].

По данным Генпрокуратуры, на 1 января 2001 года в стране насчитывалось 2 миллиона беспризорников [2].

В 2007 году в интернатах проживало 86627 детей, в 2008 – 76509 детей. В 2007 году в детские дома было передано 29797 детей, в 2010 – 13977 человек. В 2010 году детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, оказалось 101017 человек (в 2007 году – 136790). Но при этом усыновляется больше 100 тысяч детей в год. К сожалению, из-за невыполнения замещающими родителями своих обязанностей каждый сотый ребенок возвращается потом обратно в детский дом. Зафиксировано 30 случаев жестокого обращения с приемными детьми [3].

Сейчас в России около 600000 детей-сирот (из них 95% – социальные сироты, т.е. дети, родители которых живы, но лишены родительских прав либо сами отказались от ребенка). Согласно официальным данным, из 15000 детей – ежегодных выпускников сиротских учреждений России – в течение года 5000 попадают на скамью подсудимых, 3000 становятся бомжами и 1500 – кончают с собой [4]. Следует отметить, что в связи с большим ростом детской беспризорности и безнадзорности, обусловленным целым рядом социально-политических и экономических факторов, эта проблема на сегодняшний день является особенно актуальной для России. Так, по данным различных экспертов, число безнадзорных в России составляет от 500 тыс. до 2-5 млн. несовершеннолетних.

Исходя из причин возникновения детской беспризорности и безнадзорности, на сегодняшний день принято выделять следующие пять основных источников ее формирования:

- сиротство, потеря родственников и опекунов в силу различных трагических обстоятельств;
- попытка скрыться от суда и следствия после совершения уголовно наказуемых деяний;
- самовольно ушедшие из семьи из-за жестокого обращения, пьянства или наркомании родителей, сексуального насилия и в силу других причин;

– лица, самовольно покинувшие специальные детские учреждения (детские дома, школы-интернаты, иные объекты).

В советской России социальные кризисы 20-30-х гг. XX века привели к увеличению общего количества беспризорных и безнадзорных детей на улицах. Этот неблагоприятный процесс способствовал развитию системы детских домов, становлению системы воспитательной работы с особой категорией детей: детей-сирот, детей, лишившихся попечения родителей.

В исследовании предпринята попытка дать определение детской беспризорности, рассмотреть историю проблемы детской беспризорности, причины ее возникновения в рассматриваемый период, способы решения и формы работы с безнадзорными детьми в 20-30-е гг. XX вв.

Детскую беспризорность и безнадзорность современные исследователи относят к социальным болезням, характерным для любого государства, в том числе и России, напрямую связанным с политическим, экономическим развитием страны, функционированием его правовой системы. Причины его возникновения и распространения кроются как в правовых и социально-политических аспектах функционирования государства, так и в национальных семейных традициях, в степени развития общественной морали, а также социальной защищенности института семьи и каждого отдельного гражданина государства. В связи с этим данное явление требует глубокого изучения со стороны различных специалистов.

Первое наиболее полное официальное определение беспризорности можно найти в Большой Советской Энциклопедии, изданной в 1930 г.: «Беспризорные – это несовершеннолетние, лишенные педагогического надзора и попечения и живущие в условиях, вредно действующих на их общественные проявления и здоровье. Беспризорными надо считать не только детей, потерявших родителей (или опекунов) и домашний очаг. Если родители (или опекуны) лишают детей пищи, грубо с ними обращаются, совращают их на преступления, разлагающе влияют собственным примером, – дети подобных родителей тоже считаются беспризорными» [5,21].

В 20-30-е гг. XX в. различия между понятиями «беспризорность» и «безнадзорность» практически не было. В официальных документах периода становления Советской власти также вместо

терминов «безнадзорность» и «беспризорность» фигурировало понятие детской беспризорности, объединявшее в себе по смысловой нагрузке оба этих термина [6].

Термин «безнадзорность» в сочетании с детской беспризорностью появился в официальных документах и законодательных актах только с 1935 г. В годы Великой Отечественной войны в постановлениях Правительства также использовались оба термина, однако их определений в законодательных актах того времени не было [7].

В истории человечества беспризорничество как особое социальное явление существует давно. Но в периоды политических, социально-экономических потрясений, войн, революций, национальных междоусобиц число беспризорных детей значительно возрастает.

В 1910 году в царской России насчитывалось до 2,5 млн. беспризорных детей. В результате голода, разрухи и других тяжелых последствий гражданской войны и революции число беспризорных детей к 1921 году возросло до 4,5 млн.

Во второй половине XIX в. в развитии образования происходят существенные перемены. В педагогике активно начинают развиваться гуманистическое, духовное и нравственное направления. Педагогическая общественность обращается к вопросам самосовершенствования личности, свободного воспитания, реформирования образования [8,34]. В эту эпоху государство направляло свои усилия преимущественно на развитие правовых основ превентивной политики, практические шаги осуществляли общественные силы [9,3]. Развивалось законодательство, были учреждены суды для несовершеннолетних, исправительные заведения для подследственных и подсудимых. Эти заведения находились в тесной связи с судами [10, 3-5]. В такие приюты несовершеннолетние помещались по решению судов для несовершеннолетних. Несовершеннолетние, вышедшие из мест заключения, жили, работали, иногда проводили в этих приютах по несколько лет. Внутренний распорядок жизни, система воспитания были аналогичны существовавшим в исправительных заведениях. К 1917 г. на территории России располагалось 538 детских приютов, где воспитывались 29650 детей [11, 104-114].

Всплеск роста числа беспризорных произошел во время первой мировой и гражданской войн: в 1921 г. их насчитывалось 4,5

млн. чел., по другим данным в 1922 г. было 7 млн. беспризорников [12,134].

После революции 1917 г. система благотворительных учреждений была упразднена. Заботу о детях-сиротах государство взяло на себя. Для решения проблемы детской беспризорности потребовались значительные усилия со стороны государства и общества в целом. Опыт ликвидации детской беспризорности в Советском Союзе представляет интерес и для настоящего времени, поскольку он помогает понять, как складывались современные подходы к решению проблемы беспризорности и безнадзорности детей и подростков.

В период советской модернизации проводились мероприятия по устройству жизни беспризорных детей и созданию благоприятных условий для их воспитания. Была законодательно оформлена система социально-правовой защиты несовершеннолетних, создана система взаимосвязанных органов и учреждений, способных вести одновременно и борьбу с беспризорностью и ее профилактику. В 1918 г. декретом Совета Народных Комиссариатов приюты и сиротские дома преобразовались в детские дома и передавались в ведение специально созданных комиссий. В январе 1919 г. был основан Государственный совет защиты детей, главной функцией которого являлось изыскание средств для содержания воспитанников в детских учреждениях. В совет входили представители Наркоматов социального обеспечения, просвещения, здравоохранения, продовольствия и труда. Председателем был нарком просвещения А. В. Луначарский. Помимо изыскания средств для содержания воспитанников в детских учреждениях совет направлял деятельность представленных в нем Наркоматов по эвакуации детей в хлеботорговые губернии, согласовывал планы организации общественного питания, продовольственного и материального снабжения детей.

Значительную помощь детским домам оказала созданная в 1921 г. при ВЦИК Комиссия по улучшению жизни детей во главе с Ф. Э. Дзержинским, которую называли ДЧК – детской чрезвычайной комиссией [6]. Особенно большая работа была проведена ею в 1921-1922 гг. по спасению детей от голода в неурожайных областях страны, размещение их в детских учреждениях и в семьях трудящихся в хлеботорговых частях. Комиссия активно участвовала в организации детских домов и колоний для беспризорных детей

и подростков. Были созданы сотни детских домов и трудовых колоний, в которых дети, лишившиеся родителей, были окружены теплом и вниманием. Все эти меры способствовали ликвидации беспризорности и безнадзорности в стране.

Основной формой борьбы с беспризорностью было определение детей и подростков в детские учреждения интернатного типа для временного содержания или длительного проживания, обучения и воспитания. Задачей различных приемно-распределительных пунктов было оказание общественной помощи беспризорным, подготовка их к вступлению в организованный коллектив и распределение по стационарным учреждениям; в них дети находились под постоянным наблюдением педагогов и врачей. В таких учреждениях дети могли содержаться до четырех месяцев. За это время их либо отправляли в постоянные детские учреждения (детские дома и коммуны), либо трудоустраивали, либо возвращали родителям и родственникам. К стационарным детским учреждениям относились детские дома различного типа, детские городки, колонии и коммуны.

В 1917 г. в детских домах воспитывалось 30 тысяч детей, в 1918 – 75 тысяч, в 1919 г. – 125 тыс., в 1920 г. – 400 тыс., в 1921-22 гг. – 540 тыс. детей [9]. Многие детские дома, колонии и коммуны того времени приобрели широкую известность благодаря хорошей постановке воспитательной работы. Например, организованные А. С. Макаренко в сентябре 1920 г. Полтавская и в мае 1926 года Куряжская близ Харькова трудовые колонии имени Горького, Харьковская трудовая коммуна имени Дзержинского; Прилуцкая трудовая коммуна для мальчиков и юношей Большевская коммуна, Лопасненский институт трудового воспитания «Новая жизнь» для бывших правонарушительниц девочек и девушек, Солотчинская детская колония для трудных и ряд других.

Всероссийские съезды деятелей по охране детства (1918, 1924, 1930 гг.) оценивали детские дома как очаг коммунистического воспитания, обращали внимание на организацию трудового и общественно-политического воспитания детей, указывали на необходимость прикрепления каждого детского учреждения к производству в городе или к колхозу, либо совхозу в деревне с целью улучшения трудовой подготовки воспитанников.

В дальнейшем в решениях правительства были определены меры по улучшению учебно-воспитательной работы детских домов (ре-

шение «О мероприятиях по подготовке воспитанников детских домов к трудовой общественно-полезной деятельности» – 1925 г.; «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» – 1935 г. и др.).

Основной формой борьбы с беспризорностью было определение детей и подростков в учреждения интернатного типа. Создавались приемно-распределительные пункты, где дети находились под наблюдением педагогов и врачей до направления в детские учреждения постоянного пребывания (детские дома, колонии и коммун), трудоустройства, либо возвращения родителям или родственникам. В 1917 г. в детских домах воспитывалось 30 тыс. детей, в 1919 г. – 125 тыс., в 1921-1922 гг. – 540 тыс. детей [13, 193].

Помимо этого, попечением о беспризорных занимались различные ведомства и организации (наркомздрав, наркомпрос, НКВД, профсоюзы, комсомол, партийные органы, женотделы и т.д.). Также, учет беспризорников вели органы ГПУ, полиция, уголовный розыск. Основная тяжесть работы приходилась на местные органы народного образования (ОНО), но и там было дублирование. При каждом ОНО были созданы отделы социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН), в структуру которых входили стол опеки, детский адресный стол, юрисконсультская часть и комиссия по делам несовершеннолетних («комнес»). Начало 20-х годов явилось периодом быстрого расширения и развития сети таких комиссий; их число в 1925 г. возросло, по сравнению с 1920 г. в 8 раз [1]. Был создан их руководящий орган – Центральная комиссия по делам несовершеннолетних.

Схема борьбы с беспризорностью была простой: ребенок с улицы – детский приемный пункт – детский дом. Такой порядок очень скоро привел к переполнению детдомов, которые государство было уже не в силах содержать. С переводом детских учреждений на местный бюджет в 1923 г. количество детдомов и детей в них стало резко сокращаться. В целом по стране в 1923 г., по сравнению с 1922 г., сеть детдомов сократилась с 6063 до 3971, детей в них – с 540 тыс. до 253237 человек [1]. Сложилась и сама система мер в работе с подростками: однократное воспитательное воздействие (беседа, замечание); устройство или возврат в семью; длящийся надзор за поведением подростков; помещение их в закрытые воспитательные учреждения.

Регламентируя вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних, в Уголовном кодексе 1922 г. были сформулированы некоторые важнейшие положения: отнесение несовершеннолетия обвиняемого к числу смягчающих обстоятельств, возможность широкого применения к подросткам условного осуждения, замены судом уголовного наказания воспитательными мерами, достаточными для достижения цели исправления виновного.

Сама сеть учреждений для исправления и перевоспитания несовершеннолетних, правонарушителей развивалась в двух направлениях.

Во-первых, это закрытые учреждения для трудных подростков интернатского типа со строгим педагогическим режимом, обязательной школьной учебой и обучением профессии (к 1925 г. существовало 258 таких учреждений, где содержалось 16 тыс. воспитанников). Наряду с закрытыми воспитательными учреждениями создавались трудовые дома в городах и колонии в сельской местности, имевшие воспитательно-карательный характер.

В 1928 г. была поставлена задача ликвидировать в кратчайшие сроки детскую беспризорность. Был составлен оперативный план ликвидации уличной беспризорности. Детей раздавали в крестьянские семьи, кустарям, в колхозы и совхозы. Крестьян и кустарей заинтересовывали брать детей из детдомов, предоставив дополнительный земельный надел на каждого взятого ребенка, освобождаемый от уплаты единого налога на три года. Кроме того, крестьяне пользовались правом бесплатного обучения питомца в школе и получали на него единовременное пособие [1].

Центральным пунктом плана ликвидации уличной беспризорности являлось одновременное «изъятие» бездомных детей и подростков с обжитых ими мест обитания и размещение их в приемниках, детдомах и приютах. В циркуляре Наркомпроса от 19 марта 1928 г. работа по ликвидации уличной беспризорности приравнивалась к «боевому заданию» [14, 95-97].

История развития помощи беспризорным детям и подросткам складывалась путем установления новых методов педагогической работы и ранее неизвестных форм организации и воспитания самодетельных детских коллективов. Ведущую роль в практической разработке и теоретическом обобщении опыта перевоспитания беспризорных детей и подростков, включая их в полезную деятельность, сыграли Макаренко, а также его последователи.

Часто из детских домов беспризорных детей передавали на попечение родственников и на воспитание в семьи трудящихся. Патронат, усыновление, назначение опеки, организованное определение на работу и устройство в профессиональные школы и техникумы – все это было большой помощью в работе детских домов и воспитательных учреждений по борьбе с беспризорностью. Важное значение имели постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1925 года о мероприятиях по подготовке воспитанников детских домов к трудовой общественно-полезной деятельности и такое же постановление от 5 апреля 1926 года о порядке и условиях передачи воспитанников в крестьянские семьи для подготовки их к сельскохозяйственному труду.

В августе 1926 года ЦИК и СНК СССР приняли развернутое постановление «О мерах по борьбе с детской беспризорностью», которое должно было способствовать улучшению трудовой подготовки подростков в детских домах, коммунах и колониях и размещению их на предприятиях и в хозяйственных учреждениях. ЦИК и СНК СССР обязали местные органы советской власти привлекать к борьбе с беспризорностью широкую общественность. Ведущую роль в этой борьбе сыграли комсомол, профсоюзы и женские организации. Было создано добровольное общество «Друг детей» и его отделения на местах. Макаренко писал: «История борьбы с бродяжничеством детей, которая вызывала столько злорадства и клеветы со стороны наших врагов, доказала, что советское общество не жалеет усилий и средств для благополучия детей и делает это, не унижая ребенка, а соблюдая полное уважение к его личности».

В результате проведенной работы число беспризорных детей и подростков резко сократилось. Если в 1923 году в стране насчитывалось 3 тысячи 971 детское учреждение, в котором было 253 тысячи 237 воспитанников, то в 1927-28 годах учреждения сократились до 1 тысячи 922, а число воспитанников – до 158 тысяч 554 человек.

Исчезнув с центральных улиц крупных городов, беспризорщина переместилась в глубь страны, т.е. болезнь была загнана вовнутрь. Одна часть беспризорных детей и подростков пополнила ряды узников ГУЛАГа, другая часть была направлена на ударные стройки коммунизма и на военную службу. С осени 1927 г. в советской прессе перестали говорить о беспризорности как о массовом

явлении, а с 1928 г. статьи о беспризорниках практически исчезли со страниц газет [1].

Завершение работы по ликвидации беспризорности в стране относится к середине тридцатых годов. СНК СССР и ЦК ВКП (б) в постановлении «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», опубликованном в «Правде» 1 июня 1935 года, подчеркивали роль общественности в воспитании детей и молодежи. Была определена система мероприятий по предупреждению беспризорности, по организации борьбы с малолетними правонарушителями, по усилению ответственности родителей за воспитание детей.

Таким образом, в 20-30-е гг. XX в. советская власть не оставляла без внимания рассматриваемую проблему и принимала всевозможные программы по защите прав детей-сирот и детей-беспризорников. Далеко не все проблемы «института детства» были решены, но их социальное положение улучшалось с развитием государственной системы воспитания и системы учреждений для детей-сирот.

В советский период истории борьба с социальной девиацией детей стала приоритетной задачей, поставленной и решаемой на всех уровнях. Необходимо отдать должное проведенной работе: беспризорность перестала носить стихийный и массовый характер, хотя проблему не удалось решить до конца. Сегодня перед государством и обществом поставлены новые вызовы, без комплексного подхода проблему детской девиации преодолеть не удастся, и опыт эпохи советской модернизации в решении этих проблем доказывает это.

Примечания

1. Нечаева А. М. Детская беспризорность – опасное социальное явление // Государство и право. 2001. № 6.
2. <http://pub.tagora.grani.ru/Society/m.5283.html>.
3. <http://materinstvo.ru/art/78153>.http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/0..._astakhov.shtml
4. Детская беспризорность и детский дом: Сборник/Под ред. С. С. Тизанова, В. Л. Швейцер, В. М. Васильевой. М., 1926.
5. Большая советская энциклопедия в 4 томах/Под ред. О. Ю. Шмидт. М., 1931. Т. 5.
6. Постановление Правительства РСФСР 1926 г. «Положение о

борьбе с беспризорностью» // Сборник постановлений и распоряжений (СП и Р) СССР. 1929. № 18.

7. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» // Сборник постановлений и распоряжений (СП и Р) СССР. 1935. № 32. Ст. 252; Постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» // Справочник по законодательству для прокурорско-следственных и судебных работников. М., 1962; Постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» // Справочник по законодательству для прокурорско-следственных и судебных работников. М., 1962.

8. Бурлакова Т.Т. Гуманистическая воспитательная система детского дома. Реализация философско-педагогических идей Л.Н. Толстого в педагогической практике Яснополянского детского дома. Тула, 2001.

9. Беляева Л.И. Материалы конференции «Подросток и закон». Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса). М., 2002.

10. Отчет Московского общества патроната за 1914 г. М., 1915.

11. Василькова Ю.В. Социальная педагогика. Курс лекций: Уч. пособие. М., 1999.

12. Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11.

13. Педагогическая энциклопедия/Под ред. Н.В. Шаповалова. М.: Наука, 1964. Т. I.

14. Кривоносов А.Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. М., 2003. № 7.

Ч. Р. БАДОВ,
аспирант СОГУ им. К.Л. Хетагурова

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ 2-ГО МАЛОРОССИЙСКОГО ПОЛКА

Кавказ всегда имел для России важное стратегическое значение, и российское правительство использовало все возможные меры, в первую очередь, военные, чтобы установить в этом беспокойном регионе свои порядки. Одной из таких мер было переселение на обширные территории Центрального Кавказа и Восточного Предкавказья больших масс русского и украинского населения из внутренних губерний России. Значительную роль в процессе переселения на Кавказ русского населения сыграл и 2-ой Малороссийский полк, преобразованный позднее в 1-й Владикавказский казачий полк.

В 1824 году по инициативе командира Кавказского корпуса и главнокомандующего в Грузии А. П. Ермолова Военно-Грузинская дорога была перенесена с правого на левый берег Терека. Ермолов придавал исключительное значение охране дороги. Именно этими соображениями был продиктован перенос дороги на другой берег, который Ермолов считал более пригодным для обороны. Вдоль дороги от Владикавказа до Екатеринограда с 1823 по 1830 годы было построено множество новых военных укреплений, из которых на территории Осетии расположились: Архонское, Ардонское, Дур-Дурское, Минаретское, Урухское, а в Кабарде – Аргуданское, Пришибское, Заречное и Нальчикское [2, с. 184].

Ермолов планировал привлечение к охране дороги осетин и кабардинцев. С этой целью с середины 20-х годов началось активное заселение левой части Владикавказской равнины осетинскими селениями. К началу 30-х годов горцами-переселенцами здесь основано более 20 селений [3, с. 7].

До определённого времени такие меры правительства вроде бы обеспечивали желаемую прочность правительства здесь и безопасность движения по дороге. Но с началом Кавказской войны положение на Военно-Грузинской дороге стало беспокойным, тревожным и зачастую неконтролируемым. Шамиль отлично был осведомлён о том, какое значение имеет эта дорога для снабжения правительственных войск оружием, боеприпасами, продовольствием и не раз пытался нанести ущерб своему противнику именно здесь.

Создавалась чрезвычайно нежелательная обстановка. «При первом же взгляде на средства обороны Кавказской линии от набегов удобно видеть можно, что соразмерность пространства линии, силы наши совершенно недостаточны», – с тревогой докладывали местные военные власти в центр [1, с. 498].

Так с середины 30-х годов охрана Военно-Грузинской дороги, территории, по которой она проходила, снова оказалась в центре кавказской политики правительства Николая I. Для защиты подходов к этой стратегически важной коммуникации русским военным командованием был разработан проект, на основании которого предусматривалось на участке от станции Екатериноградской до Владикавказа вдоль реки Терек на линии протяжённостью 105 километров, основать на месте существовавших военных укреплений станции и заселить эти населённые пункты казаками.

Создавая казачьи станицы, российское правительство намеревалось решить сразу несколько задач. В первую очередь, новые поселения обязаны были выполнять военно-охранные функции. Само их присутствие, по мнению русского военного командования, должно было служить сдерживающим фактором. Основание казачьих станиц делало ненужным использование для охраны дороги казаков Донских полков, содержание которых обходилось казне гораздо дороже поселений малороссийских казаков. На станичников возлагались также обязанности оказывать всяческое содействие и обеспечивать всем необходимым, в том числе провиантом, транспортными средствами и прочим, проезжавшие по дороге команды. Таким образом, отпадала необходимость военных укреплений вдоль линии Военно-Грузинской дороги [10, с. 175].

Согласно проекту эти новые населённые пункты вдоль Военно-Грузинской дороги предполагалось заселить украинскими казаками и крестьянами, участвовавшими в подавлении восстания в Польше в 1830-1831 годах. Сформированный в Малороссийских губерни-

ях полки состояли из украинских крестьян. Исключение составлял офицерский состав, представлявший дворянское сословие [4, с. 108].

Восстание в Польше было подавлено в 1832 году. Украинские полки возвращались домой, не предполагая о своей новой миссии. Без их ведома и согласия правительство сделало распоряжение о сформировании из возвращавшихся полков двух новых, уже казачьих полков, для отправления теперь навсегда «на самый беспокойный район державы» – на Кавказ [2, с. 181].

Такое распоряжение правительства вызвало сильное возмущение среди крестьян. В ноябре 1832 года в ряде губерний произошли «большие беспорядки», для подавления которых срочно в Малороссию были вызваны регулярные войска. Для умирения крестьянского мятежа в Полтавской и Черниговской губерниях вместе с солдатами приняло активное участие духовенство [3, с. 4].

Отправляясь в Польшу, украинские крестьяне надеялись, что подавив восстание, они вернутся домой, уезжая же на Кавказ, такой надежды на возвращение к родному очагу не было. Именно эта безысходность и служила главной причиной недовольства крестьян. Кроме того, надо полагать, крестьяне выражали своё резко отрицательное отношение к той обязанности, которую насильно возлагало на них правительство Николая I.

Усмирив крестьян Полтавской и Черниговской губерний, правительство пообещало им, что, во-первых, пожизненная служба на Кавказе для них сокращается до 15 лет; во-вторых, что формируемые полки в дальнейшем будут пополняться исключительно жителями Полтавской и Черниговской губерний, и, в-третьих, что офицеры у них также будут всегда из украинцев и из тех же мест [Там же].

Успокоив таким образом крестьян, власти приступили немедленно к формированию двух полков, получивших название – Малороссийские казачьи полки №1 и №2. Воплощение в жизнь этого плана было поручено полковнику И. Г. Стоцкому.

Иван Герасимович Стоцкий, уроженец Полтавской губернии, сын придворного чиновника, получил образование в 2-м кадетском корпусе. В 1809 году, будучи в чине подпоручика, в возрасте 17 лет, он переведён в инженерный корпус. Успешно продвигаясь по службе, он в 1831 году был назначен командиром 7-го Малороссийского полка, с которым и находился в Виленской губернии для подавления мятежа, а по возвращении оттуда на него возложено было поручение сформировать 2-й полк и отправиться с ним на Кавказскую линию [7, с. 150].

Иван Герасимович был крепкого телосложения и имел «крутой нрав», был очень энергичен, любил, чтобы приказания его исполнялись буквально и скоро. Он ставил обязанности службы на первый план. Нерадивых офицеров он не терпел и ставил каждому из них на вид всякое бездействие или неумелое распоряжение по службе. В числе главных забот Стоцкого было сбережение здоровья нижних чинов, развитие и поддержание между ними доброй нравственности и знаний службы. Не менее заботился он и о сохранении строевых казачьих лошадей: за небрежное отношение к ним эскадронные командиры получали строжайшие выговоры в приказах по полку.

В назначенный для выступления из Полтавы день, вспоминал позже полковник И. Г. Стоцкий, – «каждый полк выстраивался развёрнутым фронтом на городской площади. Кругом масса народа. По отслужении духовенством напутственного молебна и произнесении пастырями церкви прочувственного слова, обращённого к казакам, раздавалась громкая команда: «Садись!». И полки трогались в дальний путь» [8, д. 4, л. 172].

При выступлении полка, Стоцкий остался на некоторое время в Полтаве по делам службы, а полк поручил вести ротмистру Дебагорию Мокриевичу; при этом в приказе по полку он обращает внимание эскадронных командиров на сбережение здоровья нижних чинов, а ровно предписывает избегать «жестоких наказаний казаков», угрожая виновным «ответственностью по закону» [7, с. 151].

Преодолев сложный и трудный, по тем временам, 902-вёрстный путь за 23 дня и ночи оба полка в январе 1833 года прибыли в г. Ставрополь. Первый полк, где командиром был полковник А. Я. Рашевский, остался на Кубанской военной линии в Ставропольской губернии, а второй полк, во главе с командиром, полковником И. Г. Стоцким, был расквартирован на территории Кабарды.

Со времени прибытия на Кавказ сильно болели нижние чины разными недугами. Несомненно, что на расстройство здоровья казаков имели огромное влияние климат, вода и другие причины. Редкий день проходил, чтобы не был отправлен из какого-либо эскадрона казак в ближайший госпиталь для излечения болезни. По штату полка не было врача, а два фельдшера не успевали оказывать первоначальную медицинскую помощь, в особенности при широком расквартировании эскадронов.

26 июня 1833 года, осматривая нижних чинов полка, полковник Стоцкий нашёл, что казаки 3-го эскадрона «крайне неопрятны: за-

росли, как мужики, одежда у многих разорвана или распорота, лица не умыты, – вообще у людей незаметно воинского вида» [7, с. 153].

В июне 1835 года прибыли в полк из Полтавской и Черниговской губернии 29 рекрутов для пополнения убыли; из них 16 человек холостых, а остальные женатые [7, с. 157].

В конце 1836 года в полку получено частное известие, что в наступающем году посетит Кавказ император Николай Павлович. Само собой разумеется, что известие это удвоило заботы полкового начальства, заставив его принять надлежащие меры к приведению всех частей полка по возможности в блестящий вид для встречи и сопровождения монарха.

30 апреля 1837 года бригадный командир, генерал-майор Николаев, официально сообщил в полк, что государь предполагает «осчастливить Кавказ своим посещением», что он будет проезжать в октябре этого года из Тифлиса в Ставрополь через Владикавказ, Екатериноград, Пятигорск и Георгиевск и удостоит осмотром войск по пути следования. Полкам поручалось встретить монарха в Ларсе и сопровождать его до Екатеринограда [Там же].

На время проезда Николая I на Военно-Грузинскую дорогу были выдвинуты все эскадроны полков для конвоирования. Вся дорога была разделена между ними на участки. Были устроены дополнительные казачьи посты. От каждого эскадрона в конвое участвовали 14 офицеров и 97 казаков. Это сверх 55 казаков, прибывших из Петербурга и неотлучно сопровождавших монарха на всём пути Кавказского путешествия [2, с. 185].

В целом это путешествие оставило у императора благодушное воспоминание. Его одобрительные отзывы благотворно действовали как на нижние чины полка, так и на офицеров. Все участвовавшие в конвое получили дополнительное денежное довольствие в размере 1 руб. 60 коп., а некоторые офицеры были повышены в званиях.

Проводив гостя до границы Кавказа, командир отдельного Кавказского корпуса генерал барон Розен на обратном пути из Ставрополя в Тифлис собрал во Владикавказе всё местное военное начальство и ознакомил его с теми мерами, которые приказал срочно «осуществить государь император для устройства центра Кавказской линии и безопасности на Военно-Грузинской дороге» [3, с. 9]. Стоцкому же было приказано составить проект о поселении обоих Малороссийских полков на Военно-Грузинской дороге между Владикавказом и Екатериноградом.

С этим непростым поручением Стоцкий успешно справился и 9 ноября 1837 года проект был представлен командиру корпуса. После незначительных дополнений и изменений из Тифлиса проект поселения Владикавказского казачьего полка на Военно-Грузинской дороге отправлен в Петербург на утверждение, где «удостоился высочайшего одобрения и в мае месяце 1838 года препровождён к Стоцкому для немедленного приведения в исполнение» [7, с. 160].

С самого начала Стоцкий придерживался того принципа, что создаваемые станицы выгоднее было поместить в бывших военных укреплениях, а потому они и получали название этих укреплений.

Убыль людей в полках пополнялась поступающими ежегодно из Малороссии казаками. Срок службы им был определён Высочайшим указом 25 июня 1832 года и составлял 15 лет. По истечении сего срока, казаки увольнялись со службы и обращались «в первобытное податное состояние» [Там же].

Казакам собственно Малороссийских полков Высочайше представлено право, по истечении срока службы, селиться в кавказских линейных казачьих полках по собственному выбору с тем, что для поселения им будут даны достаточные условия, сообразно с положением края, местными обстоятельствами и их собственной выгодой.

Таким образом, власти решали сразу несколько проблем. В первую очередь, это водворение на территории Большой и Малой Кабарды некоторого числа женатых нижних чинов, которые со временем могли служить основанием русского народонаселения в этом беспокойном регионе. Наличие такого населения позволит сдерживать чеченских и кабардинских абреков от нападений на Военно-Грузинскую дорогу, а также обеспечит приют и всё необходимое для проезда командам, направляющимся в Грузию. В числе прочего, эти меры также способствовали облегчению участи малороссийских крестьян из Черниговской и Полтавской губернии, которые страдали от малоземелья.

Прежде чем приступить к осуществлению этого проекта необходимо было наделить будущие станицы землёй. Отвод её производился по примеру кавказских линейных казаков – 15 десятин на мужскую душу. Для этого, а также для установления границ и разбивки мест под станицы из Тифлиса был прислан офицер корпуса топографов прапорщик Горшков, который и производил свои работы под наблюдением Владикавказского коменданта полковника М. С. Широкова. На помощь была выделена группа лекарей. Они должны были осмотреть места, предназначенные для поселения станиц с целью определения качества воды, земли и климата [6, с. 103].

По проекту Стоцкого о поселении женатых казаков на Военно-Грузинской дороге первым делом нужно было строить в предполагаемых станицах жилые дома, затем разные «необходимые во дворах хозяйственные службы». Когда же произойдёт заселение станиц заняться «распашкой полей для земледелия, разведением скота, а потом когда окончены будут все постройки, приступить к окопу станиц», т.е. обнесению станиц канавами или плетнями [9, д. 3, л. 5об.].

Женатые казаки были уволены со службы, они занялись исключительно постройками домов для своих жилищ. В помощь им назначено в каждую станицу 20 человек холостых. Кордонную службу несли одни холостые казаки, на помощь которым привлекались донские и линейные казаки. Для более успешного хода дела по возведению казачьих построек отпущено было от казны полковнику Стоцкому 10 тысяч рублей, на которые приобретены командиром полка необходимые инструменты и 60 пар быков с повозками для вывоза леса на постройки. Строительные работы во всех станицах шли успешно. По отчётам станичных начальников за два года успели выстроить в станице Ардонской – 41, в Архонской – 46, Урухской – 29 и в Пришибской – 35 домов [10, с. 177].

Строительство этих станиц осуществлялось под руководством не только высшего военного начальства, но и под пристальным наблюдением центрального правительства. По настоянию самого императора о ходе этого строительства командир ежемесячно отправлял рапорт в Петербург. Хотя темпы строительных работ были высокие, они всё же не удовлетворяли правительство. Малейшая неурядица, срыв в работах, задержка с поселением Владикавказского полка в станицы вызывали гнев самого царя [10, с. 180].

Но дело было вовсе не в строительных неурядицах, причина заключалась в том, что Кавказская война разворачивалась с новой силой, поэтому скорейшее воплощение проекта заселения казаков вдоль Военно-Грузинской дороги имело принципиальное значение. Царь считал, что план заселения Владикавказского казачьего полка, утверждённый ещё в 1838 году, претворяется в жизнь плохо и медленно.

Ещё в 1840 году военное министерство на благоустройство этих станиц отпустило дополнительно 35 тысяч рублей. Каждому женатому казаку на создание хозяйственного подворья отпущено пособие в размере 250 рублей, холостым же – 150 рублей. Провиант отпускали всем казакам, как служащим, так и не служащим. Это довольствие отпускалось до тех пор, пока казаки не были в состоянии обойтись без него. Всем поселённым казакам выдавались от казны ружья, шашки,

пистолеты и порох, а так же предоставлена в собственность строевая лошадь [3, с. 13].

Все нижние чины, будучи бывшими крепостными крестьянами, с изъявлением поселиться «на вечные времена на Кавказе», во-первых, освобождались от крепостной неволи, «а семейства их исключалось из ревизских сказок в Малороссии и сельские общества избавлялись от платежа подателей за них». Во-вторых, им предоставлялось право продать свои земельные наделы, если таковые имелись в Малороссии. Холостые казаки после службы на Кавказе имели право вернуться на родину. Начальство старалось, чтобы побольше таких казаков обзавелись семействами на Кавказе и водворялись на постоянное жительство в станицы. Для этого создавались заметно лучшие условия жизни для женатых казаков, чтобы тем самым мотивировать холостых.

Особой заботой военного командования была проблема поселения в указанных станицах представителей офицерского состава. Изъявивших желание остаться на Кавказе, оно отличало и активно поощряло. Прежде всего им строились дома улучшенной планировки. Далее, земля отмежевывалась офицерам без ограничений в размерах участка. Будущим офицерам-станичникам сохранялось после выхода в отставку офицерское жалование. Кроме того назначалось единовременное пособие от 500 до 1000 рублей. И всё же желающих остаться было не слишком много [7, с. 172].

По мере того, как строилось жильё для казаков, возникла необходимость обживать его, и тут уже никак нельзя было обойтись без хозяек. Нужно было поскорее перевести семейства женатых казаков из Полтавщины и Черниговщины. Для этих целей снарядили специальный вооружённый отряд во главе с поручиком И. М. Тарнавским. Без особых происшествий этот отряд справился с задачей и на Кавказ прибыли жёны и дети казаков, в том числе и некоторое количество незаконнорождённых детей, которые не значились в списках, предоставленных Тарнавскому.

После 8-летней разлуки радость мужей была неопишуемой: многие плакали от избытка чувств. По словам современника и участника описываемых событий Патрикия Ницика: «Прибытие жён доставило во всех четырёх станицах такое сердечное удовольствие, какое казалось бы трудно возбудить при флегматичности малороссов». Тот же Ницик с грустью замечает, что «большая часть их сделалась преждевременными жертвами пагубного климата» [5, с. 46].

Смертность среди казаков и членов их семей в первые годы пребывания на Кавказе была значительной. Потери в полку составляли до

нескольких десятков человек в год. Эти потери восполнялись ежегодными наборами казаков в Малороссии. За 8 лет прибыло 529 новых казаков из Полтавской губернии. Тяжёлые, невыносимые условия жизни и службы делали жизнь простого казака короткой. Многим из жён не довелось застать живыми своих мужей. Они умерли в годы разлуки, даже в то время, когда семейства уже находились в пути, а иные жёны овдовели уже на новом месте жительства. С прибытием казачьих семейств и размещением их в четырёх станицах число жителей в них составило 581 двор.

Постепенно казаки с семействами сумели обжиться в новых станицах. Естественный прирост населения позволил российскому командованию со временем отказаться от практики восполнения потерь полка в Малороссийских губерниях. Созданный на базе 2-го Малороссийского полка 1-й Владикавказский казачий полк принял в свой состав казаков 1-го Малороссийского полка и исправно справлялся с возложенной на него обязанностью российского представительства вдоль Военно-Грузинской дороги.

Примечания

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 6. Ч. I
2. Берозов Б. П. Из истории русского (казачьего) поселения в Осетии // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе, 1989.
3. Берозов Б. П. Исторические этюды: из истории возникновения осетинских сёл и казачьих станиц. Владикавказ, 1992.
4. Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980.
5. Ницик П. Исторические заметки и воспоминания. Владикавказ, 1871.
6. Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991.
7. Пономарёв Ф. П. Материалы по истории Терского казачьего войска // Терский сборник. Выпуск VI. 1903.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 39. Оп. 30/126.
9. РГВИА. Ф. 644. Оп. 1.
10. Цориева И. Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII-XIX в. Владикавказ, 2010.

II. ЭТНОЛОГИЯ

З.А. КУЧУКОВА,
студ. КБГУ (г. Нальчик)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ БАЛКАРЦЕВ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ К. Г. АЗАМАТОВА

Поступательное развитие исторической науки невозможно без внимательного обращения к опыту, накопленному предшествующими поколениями исследователей. В плеяде советских ученых, внесших существенный вклад в становление этнографической науки в Кабардино-Балкарии, достойное место занимает Камиль Гитчеевич Азаматов. После окончания в 1962 г. исторического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета он обучался в аспирантуре Северо-Осетинского государственного пединститута на кафедре истории СССР. Там К. Г. Азаматов прошел серьезную научную школу и защитил кандидатскую диссертацию под руководством доктора исторических наук, профессора М. С. Тотоева. С 1965 по 1992 год К. Г. Азаматов работал на кафедре истории СССР Кабардино-Балкарского государственного университета.

Этнография народов Северного Кавказа давно стала объектом изучения, но по многим важным проблемам и частным вопросам ученые двигаются вперед медленно, не находя однозначных ответов.

К числу таких недостаточно изученных и во многом дискуссионных проблем кавказоведения относятся и некоторые вопросы этнографии балкарского народа. В этом контексте изучение научных взглядов К. Г. Азаматова на отдельные аспекты этнической истории Балкарии представляется актуальной исследовательской задачей.

К. Г. Азаматов занимался разработкой целого ряда этнографических вопросов, в частности, изучением ранних форм религии у балкарцев. Данной тематике было посвящено несколько статей Камиля Гитчиевича: «Пережитки язычества в верованиях балкарцев» в сборнике «Из истории феодальной Кабарды и Балкарии», «Пережитки тотемизма и культа огня в прошлом у балкарцев», напечатанная в газете «Шухлукъ», «Религиозные верования балкарцев в прошлом и пути преодоления их пережитков на современном этапе», изданная в сборнике «Этнография и современность». Ранее вопросы доисламских верований балкарцев были рассмотрены в некоторых обобщающих трудах [1,2], а также в историко-этнографическом очерке Л. И. Лаврова [3]. Но до выхода работ К. Г. Азаматова в советской историко-этнографической литературе не было специальных исследований по данной проблеме. Позже в свет вышли и другие работы, в которых рассматривались вопросы ранних форм религии у балкарцев [4].

В своих работах К. Г. Азаматов приходит к выводу, что среди балкарцев мусульманская религия утвердилась не ранее конца XVIII – начала XIX в. [5, 83; 6,143]. Он подчеркивает, что характерной особенностью религиозных воззрений балкарцев является синкретизм – переплетение догматов ислама и его обрядностей с остатками христианства и первобытных форм религии. Соглашаясь с Л. И. Лавровым, К. Г. Азаматов выделяет в формировании религиозного мировоззрения балкарцев три слоя: древнетюркский, аланский и местный кавказский, но при этом отмечает, что не всегда можно провести четкую грань между этими слоями [6, 161]. Ученый полагал, что наибольшее влияние на балкарцев оказали половцы. Нужно отметить, что не все современные исследователи с ним согласны, в частности, Э. Н. Хашхожев и И. Георгиев придают большее значение болгарскому элементу в формировании религии у балкарцев и карачаевцев [7, 172].

Исследователь большое внимание уделял изучению семейного права балкарцев в I половине XIX в. Данной тематике была посвящена глава кандидатской диссертации Камиля Гитчеевича и вышедшая вслед за ней монография [8], а также опубликованная ранее в сборнике «Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета» статья [9].

В своих работах К. Г. Азаматов дал характеристику большой и малой семьи, так как считал это необходимым для уяснения брачного и наследственного права балкарцев. Большая патриархальная семья, как общественная форма, была присуща балкарцам, как и всем народам Кавказа, на определенном этапе их исторического развития. Как указывает ученый, в рассматриваемое время семейная община у балкарцев сохранялась в пережиточном состоянии [9,143]. По его мнению, ее длительному существованию способствовали такие факторы, как господство полунатурального хозяйства и специфическая форма скотоводства. Кроме того, в XIX в. большие семьи у крестьян стали податной и тягловой единицей, поэтому балкарские феодалы стремились к их сохранению.

Как правило, семейная община объединяла в себе близких родственников как по нисходящей, так и по боковой линии и насчитывала в среднем от 25 до 40 человек.

К. Г. Азаматов отмечал, что главными признаками большой семьи как общественной формы является общинно-семейная собственность, коллективное производство и потребление, демократическая или деспотическая власть главы семьи [8, 81]. Но, по мнению исследователя, с проникновением частной собственности в жизнь семейной общины, она приходит к перерождению и, наконец, к упадку. В итоге малые семьи в балкарском обществе, особенно в XIX в., занимают господствующее положение.

Рассматривая вопросы воспитания детей, К. Г. Азаматов отмечает, что по обычаям балкарцев родители практически им не занимались. До шести лет девочки и мальчики воспитывались главным образом дедом и бабушкой. Значительное место уделялось трудовому воспитанию детей, с раннего детства им прививалось уважение к старшим, любовь к своему народу. Несколько иначе обстояло дело с воспитанием детей таубиев. Здесь долгое время сохранялся институт аталычества, ранее распространенный повсеместно у всех сословий, но впоследствии сохранившийся только у представителей высшего сословия. По мнению К. Г. Азамато-

ва, к XIX в. аталычество представляло феодальный институт, хотя сохраняло черты родового быта. Не совсем ясно, почему, но ученый усмотрел в аталычестве институт, служащий угнетению народных масс, называя его прикрытием для эксплуатации крестьян [8, 91-96].

К. Г. Азаматов анализировал и имущественные права отдельных членов семьи. Имущественно-правовые взаимоотношения членов балкарской семьи определялись главным образом их кровной связью, фактической принадлежностью к семье и в некоторой степени участием в трудовой жизни семьи. Исследователь пишет, что наследственные права у балкарцев регулировались обычным правом. По его мнению, шариат и русское законодательство тоже оказали некоторое влияние на регулирование наследственного права, но они не вытеснили обычное право даже во второй половине XIX в. [9, 154].

Рассматривая вопросы общественного быта балкарцев, ученый использовал архивные источники, а также свидетельства иностранных путешественников, бывавших на Кавказе. Данная проблематика также была затронута в некоторых обобщающих исследованиях [1;2;10], а также трудах М. О. Косвена [11], Т. Х. Кумыкова [12], позже А. И. Мусукаева [13], М. Ч. Кучмезовой [14], Е. Г. Муратовой [15].

Пытаясь определить численность населения Балкарии, К. Г. Азаматов натолкнулся на довольно разноречивые данные. Наиболее верные из них, по его мнению, были в работе Буцковского, датированной 1812 г. (2070 дворов). Если в среднем двор состоял из 8 человек, а в начале XIX века большие семьи у балкарцев были не редкостью, то всего населения в Балкарии было 16560 человек. К 1867 году, как пишет исследователь, численность балкарцев сократилась до 13 тысяч. Причиной тому был низкий уровень жизни, а отсюда «моровые болезни», уничтожавшие жителей целых аулов [8, 15-17]. В настоящее время принято считать, что в середине XIX в. всех балкарцев насчитывалось около 9 тыс. человек [15, 28].

К. Г. Азаматов считал, что статистические данные о балкарцах дают некоторые сведения о социальном составе населения Балкарии. В 1837 г. в Балкарском обществе было 4 рода, 20 старшин, в Безенгиевском – 1 род, 6 старейшин и в Урусбиевском – 1 род, 5 старшин [9, 130-131].

Ввиду малочисленности документальных данных, отмечает уче-

ный, трудно представить четко, как управлялась Балкария до присоединения к России. Эту картину можно воссоздать, опираясь на адаты балкарцев и литературные данные. В рассматриваемое время балкарское общество было феодальным. Господствующим классом были таубии. Фактически вся судебная, исполнительная и административная власть принадлежала таубиям. Старейший из них носил звание «олий». Во время войны олий стоял во главе войска. Автор отмечал, что некоторые олии имели свою дружину. В качестве примера он приводит олия Абаева Сослана, который создал дружину из подвластных чагар, куда входили наиболее меткие стрелки. Власть олия была ограничена народным судом под названием «тере». В этом суде заседали старейшие таубии. При решении крестьянских вопросов приглашали и представителей крестьян. С распространением и упрочением мусульманства в суде стал заседать и кадий. К. Г. Азаматов указывал, что дела решались главным образом по адату. Если возникали новые вопросы, не предусмотренные адатами балкарцев, то «тере» устанавливал новый обычай. Таким образом, «тере» являлся и законодательным органом [9, 133-134].

К. Г. Азаматов подчеркивал, что в «тере» господствующее положение занимали таубии, проводившие решения, угодные своему классу. Принятое решение суда олий утверждал, и оно принимало силу закона. Помимо суда «тере» почти в каждом ауле был свой суд. Для этого избирались почетные старики из всех классов, которые принимали решение по каким-либо вопросам. С образованием в 1822 г. Кабардинского Временного суда, некоторые дела стали рассматриваться там. Автор отмечает, что, судя по документам, балкарцы не очень-то доверяли этому суду и редко обращались к нему [9, 135]. С 30-х годов XIX в. управление сельскими обществами народов Северного Кавказа начало меняться в связи с введением царизмом новой системы управления. Но царское правительство вынуждено было считаться с теми порядками сельского управления, которые у них существовали. К. Г. Азаматов считает, что постепенное введение российского законодательства было прогрессивным явлением, поскольку в какой-то мере ограничивало произвол феодальных владельцев и способствовало ликвидации некоторых пережитков родовых отношений, как в области управления, так и в судопроизводстве [16, 11].

Говоря о характере общественно-политического строя балкарцев, К. Г. Азаматов утверждал, что в рассматриваемый период в

Балкарии господствовали феодальные отношения, тесно переплетавшиеся с патриархально-родовыми пережитками. Основой феодализма у балкарцев, как и у других народов, являлась феодальная собственность на землю [8, 33].

В Балкарии продолжала существовать и община, но она была уже территориальной (сельской). Ученый считал, что сельская община сыграла некоторую положительную роль в жизни балкарского крестьянства, так как защищала их от притязаний феодалов, стремившихся окончательно лишить зависимое население всех прав.

Наряду с общиной не изжила себя и патронимия. К. Г. Азаматов, как и А. В. Фадеев [17], объясняет существование сельской общины и патронимии суровыми горными условиями и характером занятий кавказских горцев [8, 36].

В целом можно констатировать, что выводы К. Г. Азаматова не выходили за рамки господствовавшей в советской историографии формационной теории. При этом нельзя не подчеркнуть, что он стал автором первой обобщающей работы, посвященной изучению социально-экономического положения и обычного права балкарцев в первой половине XIX в. Исследователь доказал наличие феодальных отношений у балкарцев, хотя и отмечал, что существование общинной собственности указывает на их незавершенность даже в XIX в. К тому же он первый применил понятие системы композиций при изучении обычного права балкарцев.

Таким образом, К. Г. Азаматов оставил заметный след в исследовании основных актуальных направлений истории и этнографии балкарцев, заняв определенное место в отечественном кавказоведении советского периода.

Примечания

1. Очерки истории балкарского народа/Под. ред. А. В. Фадеева. М., 1961.
2. История Кабардино-Балкарской АССР/Под. ред. Т. Х. Кумыкова. Нальчик, 1967. Т. 1.
3. Лавров Л. И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009.
4. Джуртубаев М. И. Древние религиозные верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991.
5. Азаматов К. Г. Религиозные верования балкарцев в прошлом и

пути преодоления их пережитков на современном этапе // Этнография и современность. Нальчик, 1984.

6. Азаматов К. Г. Пережитки язычества в верованиях балкарцев // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981.

7. Хашхожев Э. Н., Георгиев И. Элементы религии протоболгар в языческих верованиях балкарцев и карачаевцев // Вопросы Кавказской филологии и истории. Нальчик, 1994. Вып. 2.

8. Азаматов К. Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1968.

9. Азаматов К. Г. Некоторые вопросы семейного права балкарцев в первой половине XIX в. // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик, 1966. Вып. 32.

10. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1988.

11. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

12. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965.

13. Мусукаев А. И. Из прошлого забытого. Нальчик, 1979.

14. Кучмезова М. Ч. Земледелие и землепользование в Балкарии по обычному праву в XIX в. // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972.

15. Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII -нач. XX вв. Нальчик, 2007.

16. Кумыков Т. Х., Азаматов К. Г. Некоторые вопросы общественного быта народов Северного Кавказа в первой половине XIX в. // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик, 1986.

17. Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960.

**А. А. ДЗОТЦОЕВА,
соискатель СОИГСИ**

ОБЫЧНОЕ ПРАВО ОСЕТИН: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

В обществоведческих науках существует немало вопросов, требующих детального исследования и разработки. Наиболее проблемным представляется изучение явлений, которые необходимо рассматривать, используя данные (зачастую противоречивые) не одной, а двух или более наук. Одним из таких явлений можно назвать обычное право.

Как верно отмечает Ф.Х. Гутнов, «...*обычное право* оказалось в поле зрения юристов, историков, этнографов, социологов и представителей других смежных наук» [1, 4]. При этом «связи между этнографами и юристами фрагментарны и не постоянны» [1, 4]. Более того, и сами юристы, по замечанию И. Канта, «до сих пор ищут свое определение права» [2, 154].

Категоричную позицию по соответствующей проблеме выразила И. Б. Ломакина в теоретико-правовом труде об этническом обычном праве. По ее мнению, «синтез марксизма и позитивизма в правоведении означал конец содружества со смежными науками (социальной психологией, юридической антропологией, социологией и проч.) и обрывал связи с исторической, социологической и психологической школами права» [3, 23].

В современной теории права сложились следующие основные концепции понимания обычного права: историческая, этатистская (юридико-позитивистская), материалистическая, психологическая, социологическая. Данные учения о праве в целом дополняют друг друга, но при этом акцентируют внимание на отдельных аспектах этого явления и нередко абсолютизируют их. Справедливо это замечание и для исследований, так или иначе касающихся осетинского обычного

права: исследователи, тяготеющие к тому или иному подходу, изучают одно и то же явление в обычном праве осетин с различных точек зрения. Так, правоведам, как правило, свойствен специализированный, юридико-позитивистский подход: характеристика обычая как правового ставится в строгую зависимость от его санкционирования государством [4, 160]. В большинстве работ историков и этнографов, наоборот, прослеживается широкий подход к определению обычая и правового обычая: под обычным правом понимается система норм, санкционированных «специальными органами или институтами власти – т.е. органами принуждения» как догосударственного, так и государственного периода [5, 112]. Следует отметить при этом, что не все исследователи обычного права осетин четко определяют для себя понятия «обычай», «правовой обычай». Тенденция эта появляется в основном в современных работах.

Вышеуказанные подходы имеют как положительные, так и отрицательные моменты, однако для адекватного описания изучаемого явления «и плюсы, и минусы важно знать и иметь в виду» [2, 160]. На наш взгляд, плюсом юридико-позитивистского подхода является то, что в системе социальных норм обычное право как юридическая категория дифференцируется от обычая, не оставляя возможности для подмены и путаницы. Но есть и минус: не все общественные явления могут уложиться в строгие формальные рамки, особенно явления, характерные для переходных периодов. Выявляя недостатки юридического позитивизма, И. Б. Ломакина отмечает: «Выведение обычного права из норм, санкционированных государственной властью, не представляется соответствующим исторической действительности. Этот подход обесценивает обычное право, лишает его самостоятельного статуса, нивелирует его социальную роль» [3, 21].

В противовес юридико-позитивистскому исторический подход, напротив, позволяет учесть нелинейность исторических путей развития общественных явлений и наличие в переходных периодах признаков, как правило, характерных для предыдущих и/или последующих этапов. В продолжение данной мысли можно привести слова В. И. Ленина: «Представлять себе всемирную историю, идущую гладко и аккуратно вперед, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» [4, 123].

Теперь вкратце рассмотрим подходы к изучению обычного права осетин наиболее видных исследователей.

Исторически сложилось так, что традиционная культура, быт, обычное право осетин привлекали внимание многих исследователей со всего мира, как в дореволюционный, так и в советский и постсоветский периоды.

В дореволюционной историографии одной из первых работ по исследованию обычного права осетин являлся труд доктора В. Б. Пфафа под названием «Народное право осетин», опубликованный в первых двух томах «Сборника сведений о Кавказе» [6]. Концепция В. Б. Пфафа основывается на анализе социальных регуляторов осетин как институтов «доисторического» общества, под которым он понимал родовое общество. «Изучая коренное право этой народности, мы получаем некоторое понятие о юридической жизни народов, живших до начала нашей истории, в том числе и той народности, от которой мы сами произошли», – отмечал исследователь [6, 180]. По его мнению, «осетинское народное право имеет большое значение и для разъяснения некоторых основных идей и начал науки права вообще» [6, 182]. Таким образом, Пфаф рассматривает социальные нормы осетин как правила поведения родового, патриархального общества, изучение которых чрезвычайно важно для постижения истории права.

Пфаф не дает четких определений понятиям «обычай», «обычное право», или, в его терминологии, «народное право», но раскрывает свое понимание обычая в рассуждениях. «У осетин нет законов, но весь порядок их общежития основывается на обычаях», – утверждает исследователь [6, 184], что позволяет с уверенностью сказать, что Пфаф не отождествляет обычай и закон. Уже далее по тексту он приравнивает обычай к природному инстинкту [6, 184], а потом объясняет его как вызванную историческими обстоятельствами необходимость [6, 188]. При этом он обращает внимание на то, что «в чисто патриархальном быту обычай вполне заменяет собою право и закон, потому что он вникает так глубоко во все подробности жизни, что при соблюдении всех его правил преступления и правонарушения делаются совершенно невозможными». После выявления «столь великого благодеяния» [6, 187], произведенного обычаем, Пфаф спешит выделить и его слабые стороны: «Обычай неподвижен и невосприимчив к усовершенствованию» [6, 187].

Однако недостатки можно отметить и в исследовательском подходе самого кавказоведа. Находясь под влиянием родовой теории, получившей распространение в 80-е годы XIX в. и чрезвычайно увлекательной для своих современников, Пфаф настаивал на родовом этапе

развития горских обществ, соответственно, все явления социальной жизни горцев относились им к родовому периоду. Важно выделить и субъективность взглядов ученого, его предвзятость, что также обусловлено существовавшим в научной среде того времени представлением о родовом этапе развития традиционных систем в целом, и осетинского традиционного общества в частности.

Другим исследователем обычного права осетин в дореволюционный период был выдающийся русский ученый, историк, юрист и общественный деятель – М. М. Ковалевский. В свете темы настоящей работы интерес представляет его фундаментальная монография «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» [7].

М. М. Ковалевский рассматривал обычное право осетин как систему норм, регулирующих все аспекты жизнедеятельности общества. Как отмечал М. О. Косвен, Ковалевский обычное право осетин рассматривал «в таком широком смысле, что это скорее общественный строй» [1, 14].

Ковалевский ставил задачи «выяснения общих, коренных законов развития правовых идей и институтов» [1, 15] и поэтому старался выявить объективные закономерности развития таких народностей, «которые, как осетины, доселе сохранили в своем быту многочисленные остатки уже пройденных ими стадий» [7, I, VI]. И, хотя в качестве обоснования исследователь приводил в первую очередь широко распространенный в осетинской горской среде культ предков, религиозные воззрения, а потом уже экономические причины, тем не менее, величайшей заслугой ученого является то, что он увидел экономическую обусловленность развития обычного права осетин и права вообще. Использовал он для этого историко-сравнительный метод в качестве приема изучения истории права.

Однако исследования Ковалевского также имели свои минусы. Так, ученый считал, что все юридические обычаи горцев Кавказа схожи с древнегерманскими. С данным подходом категорически не соглашался А. М. Ладыженский, утверждая, что «нельзя все адаты объяснять только как пережитки далекого прошлого, не учитывая тех социально-хозяйственных задач, под влиянием которых они не только сохранялись, но часто и внутренне изменялись, сохраняя старую свою оболочку» [8, 31].

Одним из важнейших источников дореволюционного периода для изучения общественного строя и обычного права народов Кав-

каза и поныне остается известный сборник Ф. И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев» [9].

Огромная заслуга Ф. И. Леонтовича в том, что он систематизировал материалы по обычному праву народов Северо-Западного и Центрального Кавказа, собранные в 40-60-х годах XIX в. офицерами Кавказской линии, показал историю формирования сборника адатов. Следует отметить, что многие исследователи и по сей день ссылаются именно на его описания.

Как верно отмечает сам автор, «сборники кавказских адатов, составленные на основании показаний самих туземцев (почетных стариков)» [9, I, 2], представляют «немаловажный научный интерес для сравнительного правоведения» [9, I, 2].

Для Леонтовича традиционная правовая система горцев, а «в особенности обычное право осетин, принадлежащих к семье арийских народов, представляет капитальный интерес в отношении изучения древнейших эпох в истории права славян, германцев и других народов арийского корня. Адаты осетин, как и других кавказских горцев, записанные старыми путешественниками и бытописателями горцев и большею частью сохранявшиеся у них еще в то время, когда составлялись издаваемые нами сборники кавказских адатов 40-60-х годов, нередко целиком напоминают многие институты древнего германского или славянского права – институт, о каких говорят еще древние историки и бытописатели славян и германцев и какие сохранялись, например, в «Русской Правде», *leges barbarorum* и пр.» [9, I, 2-3].

И Леонтович приходит к выводу, что изучение кавказских адатов важно не только с практической точки зрения ввиду возможности таким образом ознакомиться с бытом целого ряда современных ему горских племен, играющих немаловажную роль на южных окраинах России, но и «в чисто научных интересах выяснения общих, коренных законов развития правовых идей и институтов» [9, I, 4].

К наиболее крупным исследованиям социальных норм народов Кавказа можно отнести труд А. М. Ладыженского «Адаты горцев Северного Кавказа» [8]. В монографии крупнейшего советского этнолога права А. М. Ладыженского, подготовленной к печати в 1947 г., но по разным причинам так и не увидевшей свет при жизни автора, несмотря на ее выдающееся значение, дается сравнительный анализ обычно-правовых институтов народов Северного Кавказа. Книга продолжает традиции в изучении обычно-правовых систем, заложенные российскими учеными XIX в. – Ф. И. Ле-

онтовичем, М. М. Ковалевским, и до сих пор не имеет аналога среди современных исследований. Как подчеркивают редакторы переизданной монографии Ладыженского А. С. Зайналабидов и В. В. Черноус, его труд «и по сей день остается наиболее крупным после работ М. М. Ковалевского исследованием в рамках сравнительно-правоведческого подхода адатов горцев Северного Кавказа и сохраняет свое научное значение» [8, 5].

Обратим внимание на то, что Ладыженский разрабатывает марксистский, классовый подход к теории обычного права, его генезису и функциям в обществе [8, 2]. В связи с этим он соглашается с С. А. Голунским, который отмечал, что «мы имеем все основания прийти к выводу, что обычай превращается в правовую норму тогда, когда несоблюдение такого обычая влечет за собой применение соответствующей санкции со стороны государства» [8, 35]. В дополнение к этому Ладыженский считает «необходимым подчеркнуть, что исторические классы и государство возникают не сразу, а потому в истории права мы имеем промежуточные формы между чисто бытовыми и правовыми обычаями» [8, 35]. Данное пояснение, несомненно, отражает ситуацию с обычным правом осетин.

Среди исследований постсоветского периода отдельного внимания заслуживает комплексная работа В. И. Маргиева «История государства и права Осетии» [4], в рамках которой рассматривается и обычное право осетин.

В. И. Маргиев исходит из классовой концепции правопонимания, в связи с чем изучает обычно-правовые нормы осетин как правила поведения догосударственного, раннеклассового, общества, в котором «господствовали раннефеодальные отношения, переплетавшиеся с патриархально-родовыми» [4, 123-124]. Он отвергает использование терминов «обычное право», «народное право» «в отношении обычаев, не санкционированных государством в качестве источников права», допуская при этом, что их «можно применить только условно» в отношении осетинских обычаев, в той или иной степени имеющих юридическое значение [4, 160]. Таким образом, по мнению Маргиева, «до присоединения Осетии к России осетинское обычное уголовное право можно охарактеризовать как совокупность обычных норм, основу которых составляли кровная месть и выкупы» [4, 181].

Заслуга В. И. Маргиева в том, что в системе обычного права осетин он выделяет и характеризует различные отрасли и институты права, исходя из современных представлений о праве: гражданское

право, право собственности, договорное право, семейное право, наследственное право, уголовное право.

Вслед за М. М. Ковалевским Маргиев верно отмечает, что развитие права частной собственности осетин заметно запаздывало по сравнению с правом коллективной собственности. Это объясняется им тем, что «в патриархальных обществах каждая отдельная личность – субъект гражданско-правовых отношений, поглощается родом» [4, 161]. Это, естественно, тормозило развитие частноправовых отношений. Например, как отмечает ученый, «договорное право у осетин находилось в зародышевом состоянии, что было результатом слабого развития института частной собственности и преобладания в осетинском обществе патриархального уклада» [4, 164].

Другой работой постсоветского периода, содержащей ценные сведения об обычаях, в том числе обычаях осетин, является исследование Л. Г. Свечниковой «Обычай в правовой системе народов Северного Кавказа в XIX веке» [10]. В своем труде Л. Г. Свечникова пытается обобщить весь комплекс теоретических и историко-правовых материалов по правовому обычаю [10, 3-4]. Она обращает внимание на наличие множества «мнений, суждений, высказываний» по проблемам обычного права, а также на то, что «тенденцией становится отход от стереотипов, внедрение данных этнологии в юридическую науку и наоборот» [10, 180]. Последнее характерно и для рассматриваемого исследования Л. Г. Свечниковой. В нем она делает верное замечание по поводу достаточно частого употребления слов «обычай», «правовой обычай», «обычное право» в различных, иногда прямо противоположных смыслах [10, 180]. В связи с этим автор проводит границу между указанными явлениями по следующим основаниям: во-первых, вырабатывая определения соответствующих понятий и, во-вторых, разграничивая сферу действия правовых обычаев: правовые обычаи в раннегосударственных обществах, правовые обычаи в современном гражданском и международном праве [10, 208-213].

Правовой обычай Свечникова рассматривает «как частную норму общественного происхождения, принудительная сила которой коренилась как в общественном сознании, так и в санкции за его неисполнение» [10, 229]. Именно в санкциях за неисполнение она видит главное отличие правового обычая от обычая [10, 209]. При этом автор делает акцент на то, что «правовые обычаи современного развитого общества и правовые обычаи общества раннегосударственного имеют различную природу и различную сферу действия» [10, 229]. Таким

образом, Л. Г. Свечникова исследует обычное право как нормы, характерные «как для формирующегося первобытного общества, так и для общества стратифицированного» [10, 213].

Особый научный интерес среди современных работ вызывает исследование Е. И. Кобахидзе «Институты власти и управления у осетин», содержащее анализ важных аспектов обычного права осетин [5]. Е. И. Кобахидзе опиралась на исторический подход и, соответственно, представила более широкий взгляд на рассматриваемое явление обычного права осетин, имеющий под собой основу в виде анализа немалого материала, накопленного предыдущими исследователями, и синтеза «данных нескольких обществоведческих дисциплин» [5, 2]. Кобахидзе подходит к исследованию обычного права «как основы функционирования сложной и многоуровневой системы социального взаимодействия в традиционных обществах» [5, 5], поэтому особое внимание уделяет освещению обычно-правовой системы у осетин в теоретическом и конкретно-историческом аспектах.

Кобахидзе показала, что в гражданском праве можно выделить элементы, указывающие на развитие имущественных и личных неимущественных норм. Если остальные комплексы адатов, например, касающиеся уголовных отношений, статичны и воспроизводятся от ситуации к ситуации, то в гражданском праве, в частности в праве наследования, она выделяет элементы его развития и делает вывод о незавершенности процесса формирования комплекса норм, регулирующих сферу имущественных и личных неимущественных отношений.

Видным научным исследованием современного периода можно назвать монографию Ф. Х. Гутнова «Обычное право осетин. Часть I. Адаты Тагаурского общества (список Норденстренга. 1844 г.)» [1]. Как указывает сам Ф. Х. Гутнов, «автора данной работы адаты интересуют с точки зрения нормативной этнографии – специальной отрасли этнографической дисциплины, изучающей генезис и этнические особенности социальных норм в их историческом развитии» [1, 29].

Несомненным плюсом монографии Гутнова является то, что он последовательно дает определения содержанию основных терминов, используемых в данной работе [1, 4]. При этом, рассматривая понятия «обычай», «правовой обычай», «обычное право» и многие другие, автор отражает и анализирует различные точки зрения, представленные юристами, историками, этнографами.

Ценен труд Гутнова и тем, что в нем содержатся подробные авторские комментарии, относящиеся к материалам списка осетинских адатов, составленных в 1844 г. капитаном Норденстренгом, проясняющие конкретно-исторические обстоятельства функционирования той или иной нормы адата в традиционном осетинском обществе.

Рассмотрев и проанализировав подходы к изучению обычного права осетин наиболее видных исследователей, можно заключить, согласившись при этом с утверждением Е.И. Кобахидзе, что «длгое время господствовавший взгляд на обычное право как архаический пережиток прошлого, характеризующий ранние ступени социального развития, оказывается несостоятельным» [5, 111]. Ведь, как отмечает Г.В. Мальцев, «обычное право – это не переходная форма, а фундаментальное явление, проходящее через всю правовую историю» [11, 51]. В то же время, существующий в науке плюралистический взгляд на обычное право осетин свидетельствует об отсутствии единой точки зрения по данной проблеме, что говорит не только о сложности изучаемого явления, но и об актуальности дальнейших исследований в этом направлении.

Примечания

1. Гутнов Ф.Х. Обычное право осетин. Часть I. Адаты тагаурского общества (список Норденстренга. 1844 г.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 167 с.
2. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М. Юрист, 2005. 541 с.
3. Ломакина И.Б. Этническое обычное право: Теоретико-правовой аспект: Автореф. диссер.... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 43 с.
4. Маргиев В.И. История государства и права Осетии. Майкоп, 1997. 208 с.
5. Кобахидзе Е.И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII-XIX вв.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 246 с.
6. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. I.
7. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). В 2-х т. М., 1886.
8. Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа/Южно-российское обозрение Центра системных региональных исследова-

ний и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Ростов н/Д, 2003. Вып. 18. 220 с.

9. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Вып. 1. Одесса, 1882; Вып. 2. Одесса, 1883.

10. Свечникова Л. Г. Обычай в правовой системе народов Северного Кавказа в XIX веке. Ставрополь, 2003. 232 с.

11. Мальцев Г. В. Очерки теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д.: СКАГС, 1999.

**Л. Р. МАШЕЗОВА,
КБГУ, (Нальчик)**

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ
ДОБРАЧНОГО УХАЖИВАНИЯ У КАБАРДИНЦЕВ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ (1950-1970) ГОДЫ**

В советское время, и особенно в послевоенные десятилетия с социальной активизацией молодежи общение юношей и девушек сперва в учебной и производственной, а затем и бытовой сфере стало несравненно раскованней. Тем самым возникли условия для совершенно нового семейно-бытового института – добрачного ухаживания в его современных формах, допускающих более свободные знаки внимания и более прямое взаимное проявление интереса.

Правда в разных группах населения проявляется это по-разному. У горожан ухаживание имеет открытый характер, у сельских жителей, не порвавших с остатками патриархального этикета и связанных с исламской традицией, – более сдержанный.

В этнически однородной сельской среде более заметна сдержанность в проявлении чувств. Ухаживание носит здесь завуалированный характер: обычаи не позволяют, чтобы девушка одна, без сопровождающей ее подруги оставалась в обществе молодых людей, а тем более, чтобы влюбленные назначали друг другу свидание наедине. В городах же общение молодежи менее скованно [1,28].

Современные брачные контакты – это отход от былой патриархальной и исламской сегрегации полов, но отнюдь не свобода половых связей. Требование целомудрия девушек остается традицион-

ным, хотя нарушение традиции, разумеется, уже не влечет за собой былых трагических последствий [2,65].

В советское время с далеко зашедшим, хотя и незавершенным процессом изживания калыма и демократизацией структуры семьи, равно как и ее социальной макросреды, условия формирования семьи изменились. Прежде всего определяющее значение получила взаимная склонность женихов и невест. Достаточно часты браки по собственному выбору, но как дань уважения к старшим с учетом мнения родителей [3].

Браки по выбору родни теперь встречаются заметно реже. Среди мотивов брачного выбора теперь преобладают любовь и общность интересов. При этом расширились не только свобода собственного брачного выбора, но и круг потенциальных супругов, так как материальные соображения утратили прежнее значение, бывшие сословные, если не забылись, то стали учитываться намного меньше, а конфессиональные и этнические перестали носить нормативный, как в прошлом, характер. Из архаических брачных ограничений более всего сохранилась родственная или поколенно-родственная экзогамия, случаи нарушения которой пока очень редки. Растет тенденция к межнациональной брачности.

Как свидетельствуют информаторы: «Когда я сюда пришла работать в школу, я абсолютно не знала кабардинского языка. Шогенцуков Мухамед Хапагович (директор) сразу же в меня влюбился. Школа должна была выделить мне комнату, и Мухамед определил меня в качестве квартирантки к одной женщине (позже выяснилось, что это его родная сестра). Мы дружили три года. Он мне всячески помогал. Каждый вечер водил в кино. Но он был очень ревнив. Мурадин (его брат, работал в школе физруком) часто брал у соседей гармошку, и я играла. Помню, один раз Мухамед так пришел и сильно разозлился. Но он быстро отходил, и сам приходил мириться. Вот так мы дружили, а потом и поженились. Хотя у меня были и другие кавалеры, но он им не оставил шанса» [5].

Будущие супруги познакомились как в местах проведения досуга, на работе, в учебных аудиториях, реже за пределами постоянного места жительства (во время службы в армии, в командировках, в отпусках).

Примером такого знакомства может послужить рассказ Макоевой Г.Е.:

«Моя старшая сестра Динка – единственная из нас, которая нигде не поступила и нигде не училась. Она закончила курсы швей

за несколько месяцев. Динка очень любила танцевать, гуляла на всех свадьбах в селе. Именно так она познакомилась со своим первым мужем».

Этическая мотивация брачного выбора статистически изучалась в 1966 году У.Г. Жемуховым среди сельского населения Кабардино-Балкарии. По полученным данным, в шести населенных пунктах республики 96% всех заключенных браков были свободны от каких-либо меркантильных расчетов. Несомненно, что огромное большинство заключаемых в настоящее время у народов Северного Кавказа браков составляют браки по любви [4, 47].

Хотя и значительно реже, но по-прежнему продолжают практиковаться браки по договоренности родителей:

«Все молодые парни в селе пытались за мной ухаживать. Но я ни в какую не хотела выходить замуж, хотела помогать маме. У меня было пять сестер и три брата. Когда наступила пора собирать урожай, все соседские девочки пошли на поле. На обратном пути меня неожиданно схватили три парня, отбросили мою лопату и украли. Меня на телеге повезли в дом жениха. Там я узнала, что украли меня по совместному договору наших родителей, так как они были обеспечены. Муж мой был единственным сыном. И я осталась, так как возвращаться в те времена было не положено» [6].

«Когда я вышла замуж, мне было всего 14 лет. Своего мужа я совсем не знала. Все вышло очень неожиданно. Чамал и его друг пришли свататься к нашим соседям и меня, как девчонку, попросили позвать кого-то из старших. И тогда он сказал, что не хочет даже смотреть на девушку, и засватал меня. А так как меня воспитывали бабушка с бабушкой без родителей, а он из благополучной семьи, то согласились сыграть свадьбу» [7].

«Я не знала будущего мужа. Он был другом моего брата. Однажды он к нам пришел, и я ему понравилась. Через месяц он предложил моему брату пистолет и сказал, что хочет обменять его на меня. Брат согласился, и мы сыграли свадьбу. Некоторым предлагали овцу, нож, а за меня дали пистолет. Это было в те времена почетно» [8].

Возрастают браки вопреки воли родителей.

«С мужем познакомилась на свадьбе наших соседей. Мы встречались два года. Неожиданно я узнаю, что он женился. Они с друзьями напились, и с пьяни он женился на украденной девушке. Но месяц спустя развелись. Сразу после этого, ничего не объяснив, он меня украл. Я учинила ему скандал, рвала ему волосы, но после того, как

он мне все рассказал, я успокоилась. Тут мы узнаем, что мой отец в гневе, грозит зарезать нас обоих и собирается меня забрать. Под страхом так мы в течение месяца прятались то у одного родственника, то у другого (пускали не все, опасаясь за свою безопасность), пока нас не нашли. В конце концов, всеми усилиями и мольбами удалось его убедить, и мы законно поженились» [9].

В связи с тем, что еще сохраняется немало семей, которым свойственна авторитарная структура, молодежи зачастую приходится вступать в брак против воли родителей.

Для того, чтобы избежать семейных конфликтов, заключались браки путем умыкания (так называемый увод), при которых невеста заранее договаривалась с женихом и тайно покидала родительский дом.

«Я была в 7 классе, когда познакомилась с молодым парнем, который служил в армии и на несколько дней приехал в отпуск домой. Не скажу, что сильно влюбилась, тогда мы и не знали, что такое любовь. Так мы год переписывались. Единственную фотографию, которую он мне прислал, приходилось прятать в нижнем белье, так как нигде было. Мать у нас (четыре сестры, я предпоследняя) была строгая. Первым его подарком были духи, завернутые в газету. В одно утро, собираясь в школу (я знала, что он меня «украдет»), я положила в портфель то малое, что у меня есть, и вышла из дома. Он ждал меня на повороте. Я села к нему в телегу и таким образом, никому ничего не сказав, вышла замуж» [10].

В послевоенное время, как и сейчас, доминирующими становятся браки по обоюдному желанию детей и родителей.

«Мы часто с однокурсницами после учебы гуляли по парку, ходили на речку. В одну из таких прогулок я и познакомилась с мужем. Я сидела на скамейке под деревом, он подсел ко мне и прямо сказал, что давно ему нравлюсь. С этого началась наша дружба. Мы встречались полтора года, наши родители одобряли это. Вечером, после очередной прогулки, он сказал, что завтра украдет меня. Утром я прихожу на учебу и хвастаюсь девочкам, что сегодня меня украдут на «Волге» (тогда только появилась). Он приезжает с друзьями на «Волге», я выхожу и сажусь в машину. Когда уже мы прилично выехали из Терекка, что-то произошло с машиной, и она остановилась. Парни вышли подтолкнуть ее, чтобы она завелась, но сил не хватало. И мне пришлось им помогать».

Исследование показало, что процесс социальной активизации молодежи, а в частности расширение сфер деятельности и возможности

горской девушки в послевоенные годы, способствует возникновению новых форм добрачных ухаживаний, которые проявлялись в более близких и доверительных отношениях друг к другу. Увеличивается продолжительность знакомства, что играет немаловажную роль в проверке правильности решения вступить в брак. Более того, период, когда будущие супруги узнают друг друга, приобретает все более возрастающее значение. Поэтому продолжительность знакомства следует рассматривать в качестве одного из важных показателей готовности к браку. Хотя еще продолжают иметь место браки по слову родителей и насильственные умыкания, на первый план выходят браки по обоюдному желанию как детей, так и родителей.

Таким образом, возможности общения и взаимного выбора девушек и юношей теперь неизмеримо возросли по сравнению с прошлым. Совместная учеба в средней школе, техникумах и вузах, совместная трудовая деятельность в одних и тех же коллективах, совместные посещения культурных мероприятий, встречи на общественных праздниках и т.д. – все это расширило рамки добрачных знакомств.

Примечания

1. Герандоков М.Х. О новых советских традициях и обрядах. Нальчик, 1970.

2. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Северного Кавказа. СПб., 2001.

3. Формирование семьи и свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкесии. <http://www.elbrusoid.org/content/publications/p136753.shtml> 25.04.2011. 15.43.

4. Цит. по: Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа, II пол. XIX-XX. М., 1989.

Информаторы:

5. Информатор Макоева Г.Е. (1927-2012 гг.), г. Баксан.

6. Информатор Кармокова С.М. (1950 г.р.), с. Лечинкай.

7. Информатор Аргашокова З.А. (1942 г.р.), г. Баксан.

8. Информатор Гучакова Л.М. (1945 г.р.), г. Терек.

9. Информатор Берхамова Н.Н. (1950 г.р.), г. Баксан.

10. Информатор Кашева Л.А. (1942 г.р.), с. Малка.

**И.А. БЕДОЕВА,
аспирант СОИГСИ**

ХМЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ В ОБРЯДЕ ПОБРАТИМСТВА ОСЕТИН

В обрядах всегда тесно были связаны слово и действие. В определенное соотношение с ними вступали напитки, которые носили в обрядах обязательный характер. Обрядовые напитки, как и большинство обрядов, восходили к древним верованиям осетин. В качестве обрядовых напитков использовались пиво, вино, брага и др. Часто они изготавливались для определенного обряда, при этом осуществлялся соответствующий ритуал. Такие напитки считались у многих народов угодными Богу.

Прием обрядового напитка сам становился обрядовым действием. С обрядовыми напитками производились различные действия, им придавалось магическое, символическое и знаковое значение, а иногда они связывались с непосредственным контактом со сверхъестественными силами.

Этнические особенности в отношении обрядовых напитков проявлялись в преимущественном использовании в обрядах того или иного вида напитков, частоте их применения.

Хмельные напитки всегда также занимали важную обрядовую роль в культуре осетин и их предков. Они всегда являлись священными. Без них не обходилось ни одно застолье, ни один праздник, обычай или обряд. Их важное участие прослеживается и в быту.

По верованию осетин, хмельные напитки, в частности пиво, являются главным фактором общения со сверхъестественными силами. Нет никакого сомнения в том, что напитки являются божественными. Не случайно они упоминаются и в обряде побратимства, где являются не просто обязательным компонентом, но также играют символическую и ритуальную роль.

Побратимство высоко чтилось у осетин. Побратимы оказывали друг другу материальную помощь, приходили на выручку друг другу в случае опасности. За убитого побратима полагалась кровная месть.

Побратимы в семьях друг друга принимались как самые близкие люди. Побратиму в семье друга, даже во всей его фамилии, оказывались самые высокие почести. Отношения между побратимами переходили в добрые, почти родственные отношения. Случаи нарушения договора побратимства были очень редки, а если они бывали, то осуждались обществом. Нарушившего долг побратима люди презирали [6, 153].

Побратимами обычно становились мужественные и волевые люди. Личные качества человека играли особую, даже решающую роль для избрания его в побратимы. Они, как правило, обладали моральными качествами.

Побратимство часто заключалось в сложных жизненных ситуациях, после серьезного испытания, выдержавшего такое испытание брал в побратимы равный ему по достоинству человек.

Союз между побратимами поддерживался дружбой. В своих действиях по отношению друг к другу они руководствовались самыми благородными поступками. Взятую на себя моральную ответственность побратим хранил свято. За друга побратим жертвовал жизнью, ради него он переносил самые тяжкие испытания. Желание друга для него было законом.

За долгие века в обряде побратимства произошли некоторые изменения, однако напитки не утратили в нем свое значение и ритуальную роль, они продолжали оставаться одним из его главных элементов.

Важно отметить, что в связи с историческим развитием каждый из напитков в отдельности имел определенное место в обряде. Этому способствовали как внутренние, так и внешние факторы.

Обряд побратимства у скифов происходил, например, с участием вина, так как именно этот напиток широко бытовал у них. Как рассказывал Геродот: «Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливается

вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносятся длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши» [1, 30].

Наибольший интерес представляет диалог скифа Токсарида с эллином (греком) Мнесиппом об обряде побратимства в прекрасной новелле Лукиана (II в.) «Токсарид, или Дружба»: «...Прежде всего, я хочу тебе рассказать, каким образом мы обретаем друзей. Не на попойках, как вы, и не потому, что росли вместе, или были соседями. Нет, когда мы видим какого-нибудь человека, доблестного и способного совершать великие подвиги, мы все спешим к нему, и то, что вы считаете необходимым делать при сватовстве, то мы делаем, ища друзей. Мы успешно сватаемся, делаем все, чтобы добиться дружбы и не показаться недостойными ее. И вот, когда кто-нибудь избран в друзья, заключают союз и приносят величайшую клятву: жить вместе и умереть, если понадобится друг за друга. И это мы выполняем. После клятвы, надрезав себе пальцы, мы собираем кровь в чашу и, обнажив острия мечей, оба держась друг за друга, пьем из нее; после этого нет силы, которая бы могла разъединить нас. Дозволяется же заключать дружбу, самое большее, с тремя» [5, 43-53].

Со временем скифский обряд побратимства изменился. Изменился и статус вина, теперь стали применяться другие напитки. Об этом свидетельствуют и данные Б. А. Калоева: «У осетин братающиеся наполняли бокал аракой или пивом и бросали туда монетку, и каждый трижды пил из бокала, клянясь в верности. Слова клятвы примерно следующие: «Пусть этот напиток станет для меня отравой, пусть эта монетка напоится злобой, если я не буду любить тебя, как своего брата!» или же: «Я клянусь в верности на этом серебре и этом золоте...» [4, 298-299]. Как видно из вышеописанного, пиво и арака со временем вытеснили вино из этого обряда.

Наиболее распространенным моментом в обряде побратимства в XIX веке также было питье из общей чаши. В напиток, налитый в чашу, друзья путем надреза на пальцах капали кровь, которая смешивалась. Затем напиток выпивался обоими друзьями. Такой прием – смешение их крови – придавал им силу братских отношений [3, 152; 1, 174].

Побратимство под названием «æмгар» (ровесник) также заключалось клятвой и выпиванием из одного стакана араки, причем про-

износились следующие слова: «Да преследует этот стакан того, кто нарушит это условие между нами» [3, 154-159].

Союз, аналогичный побратимству, заключался и между женщинами, принадлежавшими к разным родам. Отношения между посестрами отличались такими же высокими моральными принципами, как в побратимстве. Обряд посестримства был проще. Девушки или молодые женщины, вступающие в такой союз, в доме у одной из участниц посестримства устраивали стол, за которым в кругу своих подруг давали обет верности друг другу. Вполне вероятно, что в обряде посестримства также применялись напитки.

Важно отметить, что напитки в обряде побратимства применялись не только у осетин, а также у их соседей балкарцев, кабардинцев, ингушей, грузин и др. Иногда происходили и смешанные обряды. Например, побратимские отношения между осетинами и ингушами были обычным явлением.

У соседей осетин в обряде побратимства хмельные напитки также носили обязательный характер, вместо них иногда использовалось молоко. Об этом пишет Б. Далгат – исследователь этнографии и обычного права у ингушей и чеченцев: «При братании совершают следующий обряд: в чашу молока, водки или пива один из молодых людей бросает серебряную монету, пьет из чаши сначала один и дает пить другому; чаша переходит от одного к другому несколько раз, пока не опорожнится, потом монету берет один или другой» [2, 316].

Без хмельных напитков не обходился также своеобразный обычай побратимства («дзмобилоба») у грузин между юношей и девушкой, который в Хевсурети назывался «сцорпроба», а в Пшави – «цацлоба» (любовные отношения неженатой молодежи, которые не совершались, как правило, заключением брака). Отправляясь ночью на свидание (оно именовалось «лежание вместе»), девушка несла за пазухой бутылку водки для своего «побратима». Юноша притворялся спящим, девушка будила его и предлагала выпить водки. Об этом говорится в народном стихотворении:

«Скажи мне, что лучше – день или ночь?
Не дай Бог, чтобы за днем не наступала ночь!
Многих девушек радуют сумерки и тьма,
Рвётся к возлюбленному девушка-сцорпери.
Юноша постелет пёстрый ковер поверх соломы,
Девушка подходит шагом тихим, не шурша соломой,
Несет бутылку водки, взятую тайком из дому...» [7, 137, 138].

Обычай побратимства был известен и среди казаков. Побратимство у них в старину было очень распространенным явлением. Редкий казак не имел названного брата, с которым он и заключал союз на жизнь и на смерть. Если казак попадал в плен, то названный брат выискивал всевозможные средства, чтобы выручить его. В середине 80-х годов XIX века было принято, чтобы двое подружившихся казаков обменялись крестами. Обряд производился в присутствии третьего лица. Этот человек и менял кресты у братавшихся, его называли «крестовым отцом». Сами же братавшиеся назывались «крестовыми братьями». После обмена крестами целовались три раза. Подарки при обряде побратимства не были обязательными, но иногда делались, выставлялось полкварти водки.

Некоторые обычаи и обряды давно утратили свое практическое значение, постепенно ушли своими корнями в далекое прошлое, но и в наше время встречаются единичные случаи, но только в единичных случаях.

Так, автором статьи был записан следующий обряд побратимства, совершенный в Северной Осетии в июне 2007 года четырьмя преданными друзьями – выпускниками исторического факультета СОГУ (Северо-Осетинского государственного университета) – Мишей Томаевым, Зауром Кочиевым, Сосланом Гадиевым и Тимуром Ревазовым. Конечно же, этот современный вариант обряда побратимства также не обошелся без участия хмельных напитков. Заметную роль в данном обряде сыграло вино.

Как рассказывал один из участников обряда Миша Томаев, его друзья собрались в доме Гадиевых, где мать Сослана поставила на стол три пирога, затем принесла бокал с вином. После молитвы самого старшего из друзей – Заура Кочиева каждый из них сделал маленький надрез в области запястья и пустил кровь в бокал с вином. Затем мать Сослана вынесла икону Святой Богородицы и поставила ее на стол. После этого каждый из участников произнес клятву перед иконой и сделал глоток из бокала.

На протяжении нескольких лет эти друзья поддерживают тесные дружеские отношения и всегда оказывают помощь друг другу в любых ситуациях.

Традиционно дружат два человека, но бывали случаи, когда дружили не два, а даже три или четыре побратима.

Рассматривая вышеперечисленное, можно сделать вывод о том, что оберегая и передавая потомкам морально-этнические и культур-

ные ценности, созданные в ходе исторического развития, народ сохраняет свой этнический облик и привычные связи с народами, во взаимодействии с которыми он формировался. Поэтому не случайно так высоко ценилась побратимская дружба между иноплеменниками. Эта священная связь поддерживалась не просто с семьями и родами двух побратимов, но и их общинами и племенами. Важно помнить то, что ни один из обрядов или обычаев не обходился и не обходится без традиционных хмельных напитков. Они служат не только для того, чтобы напиться или просто выпить, их тайна кроется в более глубоком смысле...

Важно отметить, что побратимство сопровождалось клятвой и торжественными обрядами двух или более братавшихся лиц, с участием обрядовых хмельных напитков – вина, пива и араки. В данном обряде они применялись не только осетинами, но и другими народами Кавказа, которые хмельные напитки часто заменяли молоком.

Примечания

1. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Кн. 4. Мельпомена. Владикавказ, 1991.
2. Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. Владикавказ, 1929.
3. Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.
4. Калоев Б. А. Осетины: историко-этнографический очерк. М., 2009.
5. Лукиан. Избранное. М., 1962.
6. Магометов А. Х. Общественный строй и быт (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974.
7. Макалатия С. И. Хевсурети. Тбилиси, 1940.

**Э. П. ДЗАГОЕВА,
аспирант СОИГСИ**

ОСЕТИНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

В данной статье рассматривается неотъемлемая часть материального мира женщины – одежда. Предметом исследования являются праздничные и повседневные варианты одежды, техника шитья и ткани, из которых она изготовлялась. Основные элементы художественного стилистического оформления – искусное применение национального орнамента и вышивка золотыми нитками.

Каждую девушку по достижению ее брачного возраста обеспечивали соответствующей одеждой. В зависимости от материального положения семьи, нарядов у девушки было одно или несколько. Платье состояло из длинной рубашки (хадон), доходившей до пят, поверх рубашки повязывался передник (раздаран), дополнялся костюм одеваемым поверх всего платьем (къаба) и поясом, повязанным на талии. Весь комплект, составляющий платье, назывался «Къаба»

Платье и рубашку шили из хлопчатобумажных тканей или дмотканого сукна. Рубашка выполняла роль и юбки, полностью скрывая ноги женщин. Под рубашкой (хадон) женщины носили в качестве белья длинные шаровары. Их изготовляли из бязи. Часто шаровары шили из ярких тканей – синего, красного цветов. По свидетельству Пфафа, осетинки носят «длинные до пят рубахи из толстого холста или бумажной материи, широкие шаровары из ситца или (зимою) сукна, большей частью коричневого цвета... Сверх рубахи они носят длинный халат до пят, из легкой или теплой материи, смотря по

времени года. При работе поднимают этот халат и прикрепляют его к поясу, так что шаровары видны до колен» [18, 136]. В более позднее время белье начали изготавливать из белой хлопчатобумажной ткани. У девушек была одна или несколько пар белья поочередно сменяемых. Мисиков отмечал: «...редко посторонний увидит, как сушатся женские шаровары – это считается неприличным и осетинки следят зорко за тем, чтобы случайный прохожий мужчина не увидел. Если же несчастию суждено было случиться и украли женские шаровары, то позор такой фамилии разносится, постыдная поговорка долгое время не сходит с уст» [13, с.33]. Основное платье «къаба» кроилось прямым, приталенным, имело разрез на груди, конусообразный разрез, начинающийся от талии и расширяющийся к ногам, не стягивая походку.

Повседневная одежда отличалась в цветовом сочетании от праздничной. Цвет в одежде менялся в зависимости от назначения платья, более яркие насыщенные цвета тканей выбирали на торжественные случаи. Девушки редко покидали пределы дома, показать свою красоту, подчеркнув ее одеждой, они могли лишь на общественных мероприятиях где было важно выгодно себя представить. В народном творчестве осталась поговорка: «Девушка – это ее наряд», «Внешность тоже имеет значение», «Девушку трудно растить» [15, 32-33]. Для повседневной одежды выбирались преимущественно ткани синего, коричневого, серого, черного цветов. Чем старше становилась женщина, тем сильнее менялся цветовой фон в одежде, женщины в возрасте предпочитали темные оттенки в одежде. Молодые девушки выбирали более яркие цвета: «...девицы юбки одевают из ярко разноцветного шелка. Преимущественно любят цвета желтые, красные, оранжевые, синие, голубые, розовые...» [13, 32]. Скорее всего ткани таких оттенков выбирали в позднее время, когда ассортимент был намного шире. Во 2 половине 19 века в моду в Осетии вошли европейского кроя платья, и рубашка (хадон) стала делиться на рубашку и юбку.

По свидетельству Кокиева в Осетии изготавливали прекрасное домотканое сукно, которое умелые мастерицы выкрашивали во все цвета [10, 92]. Для окраски в коричневый цвет использовали железный (медный) купорос, сажевую воду и анилиновую краску. Несколько дней сукно кипятили в окрашенной воде и получали коричневого цвета сукно. В черный цвет окрашивали при помощи ольховой коры и медного купороса. Для изготовления повседневной одежды чаще

всего использовали материал собственного производства, привозимые же ткани шли на пошив праздничной.

Основные национальные черты в женской одежде проявляются в праздничном костюме женщины. Праздничное платье так же состояло из платья «кѳаба», по крою оно не отличалось от обычного, повседневногo. Изменения состояли в тканях, из которых оно шилось, и в цветовой гамме. Для свадьбы платье шили из тканей светлых оттенков, из плотного шелка и атласа. Дополнением к платью были нарукавники – лопасти с закругленными концами, скрывавшие кисти рук и свисавшие почти до пят. В позднее время, когда рубашку «хадон» заменила юбка, ее также включили в свадебный наряд. Юбку шили из шелка, отличного по цвету от основного платья, красно-розовых оттенков. Из идентичного материала юбки изготавливали и нагрудник, к нему прикрепляли нагрудные застѳежки. Одной из особенностей встречающейся в Осетии только в Тагаурии и Дигории, было бытование в одежде у девушек корсета «халын карц» и архалука. С. Кокиев отмечал, что «архалук шьѳется из самых дорогих материй, длиной выше колен» [10, с. 91].

Корсет на девушку одевали в 8-10 лет до формирования физиологических особенностей, девушка носила его вплоть до замужества. Клапрот законно подмечал, что корсет был не так широко распространен [14, 163]. В общей массе женщины занимались домашним хозяйством, участвовали в сезонных полевых работах, и ношение стягивающего корсета затрудняло выполнение обязанностей. У знатных же девушек ношение корсета было связано с эстетическими представлениями о красоте, худые девушки с осиной талией которую он формировал, представлялись наиболее привлекательными. Мода на корсет была принесена из Кабарды. Его изготавливали из кожи и шелка, сложенных в несколько слоев, верхняя часть доходила до подмышек, нижняя, до бедер, стягивая талию. «Корсет затягивается обыкновенно спереди шнурами и в нижней части шнуры эти заканчиваются мертвым узлом» [8, 148]. Он входил в свадебный наряд невесты как элемент роскоши, его могла позволить не каждая девушка, поэтому нередко корсет одалживали на время, затем с подарками и благодарностью возвращали обладательнице. По традиции невеста от нескольких дней до нескольких недель не снимала платье и после свадьбы.

После рождения первенца женщина покрывала голову кисеей – это обозначало, что она выполнила перед мужем свой долг. Пѳаф от-

мечал: «Голова обычно до плеч покрыта платком. Этим же платком они закрывают лицо до глаз каждый раз, когда приближается к ним посторонний мужчина» [18, 136].

Наряд девушек и женщин дополнялся невысокой круглой шапочкой, изготавливавшейся из бархата или шелка. Тканью обшивали картонный каркас, который украшали галуном и орнаментальным рисунком, вышитым золотыми нитками. Поверх шапочки надевали платок из тюля, газа или тонкую вязаную шелковую косынку. «Более богатые женщины в праздничные дни носят отчасти на голове, отчасти на плечах довольно длинные белого цвета прозрачные вуали» [18, 136]. Косынки, шапочки, платки (калмарзан) были неотъемлемой частью, дополнявшей женский костюм, причиной тому – обязательность покрытой головы у женщины. Девушки до замужества не покрывали голову, находясь в доме, но при выходе из дома и при посторонних они обязательно надевали головные уборы. Намного строже запрет непокрытой головы относился к замужним женщинам, они нигде не появлялись без платков, покрывающих голову. Исключения касались похоронного обряда и момента примирения конфликтующих мужчин. Во время похоронного обряда женщина в скорби снимает платок с головы перед гробом мужа, истязая себя, она отрезала себе косу, которую клала в гроб к умершему. Во время конфликта между мужчинами отчаянный шаг женщины остужал пыл дерущихся.

Созданием одежды в Осетии во все времена занимались исключительно женщины – это было неотъемлемой частью в воспитании девушки. «Матери обучают своих дочерей различным рукоделиям, шитью всякого рода мужских и женских платьев» [17, т.1, 41]. Среди собранного К. А. Берладиной этнографического материала сохранились находки вышитых сумочек, свадебных шапочек, чупаков, настенных украшений и т.д. Для каждой вещи существовал определенный орнамент, наносимый по представлениям как оберег. Среди этих девушек находились прекрасные мастерицы, владеющие вышивкой довольно сложных композиций. Обучение проходило в доме, опыт передавался от матери к дочери. Выкройки и орнаментальные узоры переходили от поколения к поколению.

Орнаментальное украшение женского костюма носило сакральный характер. Основными мотивами орнаментальных композиций были животные, растенеевидные – «Дерево Жизни» орнаментально олицетворяло плодородные свойства жизни. Присутствие орна-

ментальных композиций в украшении одежды выполняло не только эстетическую функцию красоты, но и магическую, украшенная определенным орнаментальным рисунком одежда защищала свою хозяйку от дурного глаза и злых духов. Наиболее древними орнаментальными композициями К. А. Барладина считала именно животные мотивы. Они со временем трансформируются в растительные мотивы. Также часто использовался солярный – солнечный знак, кругообразный орнамент. Круг как обозначение цикличности определенного оберега известен во всех мировых культурах, представляя из себя самый архаичный мотив в орнаментальном рисунке. Солярные, кругообразные знаки олицетворяли солнце и его магическое влияние на жизнь человека. Дарующее тепло оно порождало жизнь, однако также оно могло быть и губительной силой в виде чрезмерного жара.

В праздничном наряде орнамент нашивался на определенные части ворот, и разрезы платья. Особенно ярко обшивались шапочка и нарукавники. На нарукавники наносили растительный орнамент «Священное Древо жизни», елочкой расширяющийся к низу. Стоит обратить внимание на зооморфные мотивы в орнаментальном украшении праздничной одежды. Одним из них представляется мотив солнечного барана, олицетворяющего благодать – «фарн». Этот вид орнаментального рисунка использовался чаще всего на основном платье «кѡба». Изгибы и завитки, которыми украшалось платье изображали ветвистые рога. Бытовали и обереги с головой барана – это форма позднее трансформировалась в треугольник. Подобные геометрические формы встречались на свадебных платьях. При первом появлении молодой невесты в доме жениха во время свадьбы шафер выкрикивал – «Фарн приходит к вам».

С переходом горцев осетин на равнину в орнаменте начинают преобладать растительные мотивы. Основной животный орнамент «Ветвистые рога животного» превращаются в корни растений. Однако неизменным оставалась техника нанесения золотого шитья, все мастерицы считали ее наиболее искусной. Помимо золотого шитья бытовала техника вышивания шелковыми нитями, но к ней реже прибегали, считая обыденной и менее изящной. По региональному разделению золотой вышивкой пользовались только в Северной Осетии, предгорные районы Юго-Осетии не знали золотой вышивки. Основным видом украшения там были аппликации – кожей, сукном, различными тканями, преобладала аппликационная вышивка цветного сукна на сукне. Саму золотную нитку покупали в с. Дигора, Чи-

кола, Иристон (Беслан) и в городе Владикавказе, в торговых лавках или у разносчиков. Повседневная одежда редко расшивалась золотой вышивкой, как достаточно дорогая и трудоемкая работа, ее использовали в основном для приготовления свадебной или праздничной одежды. Девушки, владеющие техникой золотого шитья, расшивали свои свадебные платья, шапочки, чуваки, готовили подарки членам своей будущей семьи и после свадьбы обшивали своего мужа и детей, особенно часто изготавливали мужские и детские шапочки, ноговицы, застежки бурки. Техника золотого шитья перестает использоваться после Октябрьской революции из-за отсутствия золотых ниток, также по физиологическим причинам, из-за концентрации внимания при вышивке у женщин портилось зрение.

Возникновение тех или иных мотивов орнаментального рисунка было связано с архаическими представлениями влияния природных сил на судьбу человека, традиционными хозяйственными видами деятельности, представление о строении мира и космосе. Нанесенные на костюм, они олицетворяли магическую защищенность.

Техника нанесения орнамента различалась в зависимости от ткани или используемых ниток, применялись различные вариации. Техническими приемами исполнения были: стебельный шов (рахысхуыд), звеньевой шов (цагхуыд), шитье гладью (уалафтаухуыд), шитье узелками или пупырышками (хъуымбылхуыд или агънагхуыд), вышивка аппликацией (нывафтыд), нанесение узора тесьмой или шнуром (быднывафтыд), шитье золотыми и серебряными нитками в прикреп (хардгахуыд), шитье в одну нить длинными стежками из золотых и серебряных ниток (хардганывафтыд), этот шов применялся для дополнения основного рисунка (хардгахуыд). В вышивке применялись: канитель двух цветов – золотая и серебряная, золотые, серебряные, зеленые и синие блески различной формы – парата, бисер разных цветов – хардог. Для аппликации применялась кожа, реже – сукно, шелк и войлок.

Неотъемлемой частью осетинского женского традиционного наряда был пояс, его изготавливали из различных материалов. Больше всего ценился пояс из серебра, украшенный полудрагоценными и драгоценными камнями, часто использовали для украшения бирюзу. «Сребролюбие... имеет сильное владычество над сердцами осетин. Прекрасные голубоокие жены осетин, так же сильно любят волшебный звук серебра» [17, т.1, 41]. Стилистически пояса выполнялись с различным использованием зооморфных и растительных мотивов,

часто использовался национальный орнамент. Девушки дополняли свой наряд ювелирными украшениями – различными видами золотых и серебряных колец (къухдаранта), серьгами (хъусдзаджыта) и браслетами (цангдаранта), впервые кольцо девушке дарили в день ее первого выхода на танцы. Также платье украшали так называемые нашитые украшения, нагрудные застёжки, их насчитывалось от 7 до 18 штук, они отличались по ширине и длине чаще всего они нашивались на платье или нагрудник. Студенецкая отмечает некоторые особенности, присущие осетинскому платью, – это наличие на нем не только застёжек из шнурковых пуговиц, но и различных завязок из тесьмы или шнура, коими платья были украшены [20, 49].

Таким образом, осетинский традиционный женский костюм состоял из распашного платья, рубашки, нагрудника, в знатных семьях – корсета и архалука. Эти элементы дополняли друг друга и создавали единую композицию. Стилистически он не отличался от платьев соседних кавказских народов, вбирая в себя некоторые элементы. Традиционное отличие сохранялось в орнаментальном узоре, которым украшались платья. Отличительной чертой осетинского женского платья была его схожесть с мужской черкеской. Тканей для изготовления одежды было довольно много, от домотканого сукна до изысканных привозимых тканей, таких как шелк, атлас, бархат. Платья из дорогих тканей были доступны лишь женщинам из зажиточных и знатных семей. Корсет и архалук как элементы роскоши встречались очень редко и были малодоступны крестьянам. Нередко у семьи была одна такая вещь, надеваемая поочередно девушками, выходившими в свет.

Осетинки славились искусно расшитыми платьями, платками и шапочками. Были умелыми портнихами, владеющими техникой шитья золотыми, серебряными и шелковыми нитками. Через вышивку женщины проявляли эстетическое представление о красоте, своими руками творили искусство. Видоизменения орнаментального рисунка в связи с изменениями бытовых и хозяйственных условий жизни народа привели к появлению новых форм орнамента. Помимо древнейших звериных и растительных мотивов появляются цветочные. Цветочные украшения в расшивке одежды выполнялись путем копирования цветочного рисунка из ткани. Этот мотив украшения использовался лишь на равнинной местности Осетии, встречался он в городе Владикавказе. Девушки копировали дорогие шелковые ткани с крупным рисунком, прикладывая прозрачную

бумагу, рисунок обводили карандашом, затем изготавливали эскиз и вышивали его золотыми нитками. Этот переход от традиционных орнаментальных форм был обусловлен влиянием городской моды на одежду осетинок.

Примечания

1. Абаев В. Избранные труды. Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.
2. Андиев Б., Андиева Р. Осетинский орнамент. Орджоникидзе, 1960.
3. Берладина К. А. История Осетии дооктябрьского периода по вопросам искусства Осетии, НАСОИГСИ. Ф.4. Оп 1. Д. 144.
4. Гаглоева З. Д. Осетинский национальный костюм // Известия ЮОНИИ. Т. 8. Цхинвали, 1964.
5. Газданова В. С. Традиционная осетинская свадьба: мифы, ритуалы и символы. Владикавказ, 2007.
6. Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999.
7. Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2008.
8. Кануков И. Очерки, статьи, заметки. Орджоникидзе, 1963.
9. Калоев Б. А. Осетины: историко-этнографическое исследование. М., 2004.
10. Кокиев С. В. Записки о быте осетин. М., 1885.
11. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт Осетии в 17-19 вв. Орджоникидзе, 1974.
12. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Владикавказ, 2011.
13. Мисиков М. А. Материалы для антропологии осетин. Одесса, 1916.
14. Осетины глазами русских и иностранных путешественников 13-19 вв. Орджоникидзе, 1967.
15. Осетинские (дигорские) народные изречения // Из собрания Г. А. Дзагурова. Владикавказ, 2011.
16. Орнаментальное искусство осетин. Владикавказ, 2000.
17. Периодическая печать Кавказа об Осетии и Осетинах // Чиби-ров Л. А. Т.1-6. Цхинвали, 1981.
18. Пфаф В. Б. Этнографическое исследование об осетинах // ССК 1872. Т.2.

19. Список осетинских вышивальщиц, выкройками которых пользовалась Берладина К. А. // НАСОИГСИ. Ф. 4. Оп 1. Д. 144.
20. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. ХУШ-ХХ вв. М., 1989.
21. Уарзиати В. Избранные труды: этнология, культурология, семиотика. Владикавказ, 2007.
22. Фидарова Р. Я. Художественная культура осетинского народа. М., 2007.
23. Хадикова А. Х. Традиционный этикет осетин. СПб., 2003.
24. Хетагуров К. Л. Особа. Т. 2. М., 1974.
25. Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвал, 1984.
26. Шанаев Д. Т. Свадьба у северных осетин // ССКГ. Вып. 4. Тифлис, 1870.

**А.Э. АЙЛАРОВ,
аспирант СОИГСИ**

ЕВРЕИ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Еврейское население Северного Кавказа представлено горскими и европейскими евреями-ашкеназами. Ашкеназы – субэтническая группа евреев, сформировавшаяся в Центральной Европе. Употребление этого названия для данной культурной общности зафиксировано источниками, относящимися к XIV веку. По состоянию на конец XX века, ашкеназы составляют большую часть (около 80%) евреев мира, их доля среди евреев США ещё выше. Однако в Израиле они составляют лишь, примерно, половину еврейского населения.

Так сложилось, что и в Осетии, главным образом во Владикавказе, в подавляющем большинстве живут европейские евреи-ашкеназы. Первые евреи появились во Владикавказе, бывшем тогда крепостью, в самом начале 19 века. В этноконфессиональной структуре они занимали особое место. Евреи в России жили в условиях антисемитской политики, которая выражалась, прежде всего, в определении «черты оседлости и принудительных миграциях». Согласно положению 1804 г. они получили право поселяться в Кавказской губернии и приобретать земельную собственность. Евреи, проживавшие в то время на территории Северной Осетии, были искусные ремесленники-портные, ювелиры, сапожники, часовщики и т. д.

Северный Кавказ не входил в ту пору в черту европейской оседлости, но согласно специальному указу императора Александра первого 1804 года, европейским евреям разрешалось расселяться на Кавказе [1,23].

Владикавказская ашкеназийская еврейская община является старейшей на Северном Кавказе.

Местная администрация с особой благосклонностью принимала евреев-ремесленников, поскольку в крае ощущался недостаток ремесленной продукции. Однако Северный Кавказ не входил в черту оседлости, поэтому министр финансов Е. Ф. Канкрин в 1825 году инициировал вопрос об их выселении.

Следствием этой акции стало резкое повышение цен на предметы ремесленного производства. Местные власти неоднократно подавали прошения с просьбой вернуть евреев-ремесленников. В 1831 году они появились во Владикавказе, но ненадолго, т. к. в 1835 году было вновь издано положение о запрете евреям жить на Кавказе. Но при этом ремесленникам предоставлялось право временного проживания. В целях предотвращения очередного выселения Главнокомандующий Кавказской линии послал в Петербург статистические данные, по которым число евреев не превышало 10 тысяч человек. В мае 1837 года им предоставлялось постоянное жительство.

Как и другие диаспорные народы, евреи не занимались сельским хозяйством, не могли претендовать на землю и связанные с ней занятия. Приспосабливаясь к законам принимающих обществ, евреи занимали свободные ниши-торговлю, посредничество, ремесло и т. д., поэтому предпочитали обосновываться в городском пространстве.

29 октября 1860 года был издан циркуляр №5833 «О мерах к распространению торговой деятельности евреев и об отмене воспрещения постоянного жительства их в торговых городах Северо-Восточного берега Черного моря». Главное управление признавало полезным «в видах развития промышленности дозволить евреям-ремесленникам, которые по статьям 28 и 29 пункта 6 св. Закона, изданного в 1857 году, могли иметь лишь временное пребывание на Кавказе и в Закавказье, причисляться к городским сословиям этого края с теми льготами по платежу податей и повинностей, которые дарованы каждой местности, по испрошении на то увольнительных свидетельств от прежних обществ и приемных приговоров от местных городских сословий». В 1862 году евреям-ашкеназам было разрешено поселение в пределах Терской области, где они наделялись всеми правами и преимуществами ее жителей. Затем вновь происходит ужесточение режима, и создаются особые правила для евреев «в отношении прав их на избрание места жительства в пределах Империи». Этими правилами, изложенными в Уставе о паспортах, определялись, с одной стороны, те местности, где евреям разрешалось иметь постоянное

место жительства, т. е. «общая черта оседлости» евреев, с другой, те категории еврейского населения, которым разрешалось иметь постоянное или временное место жительства за пределами упомянутой «черты оседлости». Правительственным распоряжением евреям-ремесленникам разрешалось проживать по узаконенным паспортам и билетам повсеместно вне черты, для постоянной оседлости, «дозволялось» вступать и в гильдию [2,39].

С марта 1866 года по октябрь 1870 года велась переписка с директором Финансового департамента Главного Управления Наместника Кавказского о разрешении евреям приписываться к городу Владикавказу. Начальник Терской области в своем обращении к начальнику Главного Управления Наместника Кавказа просил принять во внимание, что некоторые из временно проживающих во Владикавказе евреев «имеют уже здесь свою оседлость, своими торговыми оборотами немало содействуют благосостоянию города, могут иметь благотворное влияние на развитие промышленности среди городского населения» [2, 47].

Он ходатайствовал о разрешении временно приписывать этих евреев к городу и уравнивать их в правах с двадцатью двумя еврейскими семьями, которые уже были гражданами Владикавказа. Временно проживавшие в городе евреи обращались к Командующему войсками Терской области господину генерал-лейтенанту князю Святополку-Мирскому со следующим ходатайством: «Общество наше состоит из жителей, поселившихся в крепости Владикавказ большей частью в 1830-1831 гг., а некоторые прибыли позднее 1844 года с разрешения местного и Главного здесь начальства обзавелись домами, на которые имели формальные акты, планы и купчие крепости, засвидетельствованные и утвержденные командующими войсками и комендантами. Ныне согласно Высочайше изданного общего закона для всех евреев, Владикавказский городской суд через местную полицию требует, чтобы мы собственные дома наши, приобретенные долгими трудами до 20 лет тому назад, продали и оседлой жизни не имели бы» [3,6]. Они просили оставить за ними право на владение недвижимостью, объясняя свою «полезность» городу тем, что их ремесленная и торговая деятельность приспособлены к местному военному поселению». Содержащиеся в этом ходатайстве факты подтверждаются и другими источниками. Согласно «Именному списку евреям, проживающим в городе Владикавказе с отметкой кто из них имеет собственные дома, и

кто проживает на квартире», составленному в ноябре 1860 года, среди них были лица, поселившиеся во Владикавказской крепости в 1840-1850 годах. Они выкупали дома у военных или строили свои. В 1852 году в порядке исключения 26 еврейских семей получили разрешение на жительство во Владикавказе. История местной общины насчитывает более 200 лет. Ее создали выходцы из российских губерний. Еврейское население было представлено не только ремесленниками и торговцами, но и военными. Как известно, с августа 1827 года по Указу Николая 1 их стали призывать в армию. В воинских частях, стоявших в окрестностях Владикавказа, служило более 200 солдат-евреев [4, 51].

В армии сложилась практика воспитания детей-кантонистов, которые по окончании срока службы получили разрешение оседать на Кавказе. На основании такого разрешения во Владикавказе поселились евреи, отслужившие 25 лет, а также участники русско-турецкой войны 1877-1878 гг. за заслуги на Кавказском фронте.

В конце 19-начале 20 века на Северном Кавказе зафиксирована новая миграция еврейского населения, в которой можно выделить два потока: «аристократический», представленный учителями, врачами, фармацевтами, инженерами, и «буржуазный», представленный крупными торговцами и ростовщиками. Численность еврейского населения неуклонно увеличивалась. Только во Владикавказе в 1899 году их было 764 человека, в Моздоке – 73 [4,66].

Среди евреев было много портных, часовых дел мастеров, ювелиров, столяров, жестянщиков, сапожников, фотографов, живописцев. Еврейские ремесленные объединения, как и другие национальные цехи, пытались сохранять моноэтничность, но этому препятствовал Ремесленный Устав, статья 58 которого предусматривала обязательное христианское вероисповедание старшины цеха. В результате «секреты» ремесла евреев становились достоянием местных мастеров.

С преобразованием Владикавказской крепости в город стала развиваться торговля. По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи, в Терской области около %38 евреев было занято торговлей. Они имели крупные магазины, в том числе ювелирные, многочисленные лавки, а так же торговали в «разнос» [5,43]. В 1915 году среди владельцев торгово-промышленных заведений г.Владикавказа с оборотом не менее 10 тысяч рублей было 52 еврея [6, 135-138].

Пореформенная модернизация Северного Кавказа, его вовлечение во всероссийский рынок открывали новые доходные ниши в местной экономике. Высокие адаптационные возможности евреев способствовали активному освоению рынка, обусловили их значительный вклад в развитие местной экономики и урбанизационных процессов.

Революционные потрясения начала 20 века, Октябрьская революция 1917 года и гражданская война вызвали отток из региона евреев-предпринимателей, часть которых эмигрировала во Францию. С провозглашением новой экономической политики и легализацией частного предпринимательства евреи вновь стали заниматься торговлей и другими видами предпринимательства.

«Разрешительный» по отношению к частной инициативе характер государственного законодательства первых лет нэпа вызвал небывалый всплеск экономической активности евреев. Во всех городах Северного Кавказа они торговали галантереей, мануфактурой, кожей, обувью и другими товарами.

Сильные позиции у евреев-предпринимателей были в корпоративных организациях частных коммерсантов – в Рыночном комитете г.Владикавказа, во Владикавказском обществе Взаимного кредита. Сохранившиеся списки сотрудников фирм, мастерских и других предприятий подтверждают высокую степень корпоративности евреев.

Пережив ассимиляцию и аккультурацию, российские евреи сохранили свою веру как основной признак своей этнокультурной принадлежности. Они были этноконфессиональной группой: осознание принадлежности к своей нации было тождественно осознанию своей принадлежности к своей религии.

Иудеи – этнорелигиозная группа, включающая тех, кто был рождён евреем, и тех, кто обратился в иудаизм. В 2010 году численность иудеев во всём мире оценивалась в 13,4 миллиона, или около 0,2% от всего населения Земли. Около 42% всех иудеев проживает в Израиле и около 42% проживает в США и Канаде, большинство остальных проживает в Европе. Иудаизм заявляет об исторической преемственности охватывающей более чем 3000 лет, одна из старейших монотеистических религий, и самая древняя из существующих по настоящее время.

Известно, что религиозные общины проявляют большую устойчивость к ассимиляционным процессам, чем этнические. История

этнических групп подтверждает значимость религии как фактора внутриэтнической коммуникации. Обязательным событием в ходе адаптации к принимающему обществу, как и у других этнических групп, было стремление к устройству своего храма, к которому со временем примыкали школы, благотворительные общества, культурно-просветительские организации.

Для еврейских общин религия была средством сохранения идентичности. Религиозные заповеди и мораль во многом определяют нормы социальной жизни. Регулятивная функция религий особенно эффективно проявлялась в первичной социализации молодежи, в различных формах приобщения детей к храму, в получении религиозного образования и воспитания.

Религиозная традиция как атрибут семейного и общественного воспитания способствовала нормативной регуляции поведения людей. Интересна в этом отношении традиция евреев вести тетрадь с записью «добрых дел» каждого прихожанина. Она находилась в синагоге, а когда человек умирал, на похоронах оглашали совершенные им деяния.

В Осетии в 1979 году числилось 1510 европейских евреев, а в 1989 году – 1117 [7, 82-83]. В последние 20 лет отмечается отток евреев из субъектов Северного Кавказа. Их численность уменьшается за счет эмиграции в традиционных направлениях – Израиль, Германия, США, Канада.

Становятся очевидными потери в таких профессиональных сферах как наука, медицина, образование и т. д. Евреи внесли большой вклад в развитие медицины и фармакологии. Крепкая община сохраняется во Владикавказе, где с 1989 года действует национально-культурный центр «Шолом». Главными задачами центра являются консолидация еврейского населения, особенно молодого поколения, возрождение культуры, языка и традиций.

Местная община сохранила еврейство как комплекс этнокультурных, этнопрофессиональных и этнорелигиозных свойств. Ассимиляционные и аккультурационные процессы привели к межэтническим бракам, русско-еврейскому билингвизму, утрате родного языка.

Многовековое существование евреев в условиях диаспоры способствовало обретению ими таких культурно-психологических характеристик, как высокая адаптивность, толерантность, открытость для общения с инокультурным окружением.

Примечания

1. Центральный государственный архив РСО-А (ЦГА РСО-А) Ф.11. Оп.17. Д.19.
2. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.1. Д.719
- 3.ЦГА РСО-А Ф.12. Оп.1. Д.194.
4. Канукова З.В. Диаспорные группы в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ: ИПО СОИГСИ,2009.
5. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область. L XVIII. Т.68. СПб. 1905.
6. Терский календарь на 1915 год. Владикавказ, 1914.
7. Осетия. Историко-этнографический справочник. СПб., 1998.

**Т.Т. ДАУЕВА,
аспирант СОИГСИ**

НАКАЗАНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ ОСЕТИН

По осетинскому обычному праву преступным признавалось действие, влекущее ущерб личности или имуществу. Поэтому несчастный случай, например, ничем не отличался от умышленного преступления, как не отличалось от него преступление, совершенное по неосторожности, непредумышленно, в состоянии аффекта или в порядке самообороны. Не ставился вопрос и о вменяемости виновного. Такого рода деяния также требовали наказания, предусмотренного соответствующими случаю традиционными обычно-правовыми нормами [2, с.145]. Весьма репрезентативно эта ситуация отражена в «Описаниях вредных обычаев 1859 года» генерала Муссы Кундухова:

«Если во время скачки, кто по неосторожности, или нечаянно при полном разгоне лошади, задавит или сшибет кого-либо, и тот от сего случая умрет, то родственники умершего считают преступником ездока, которого в удобном случае стараются убить, как умышленного убийцу; по народному же разбирательству налагают на него полную кровную плату, который во избежание кровной мести, обязан безотлагательно платить присужденное.

Если вор, найденный на преступлении, будет убит хозяином, чье имущество намеревался воровать, то родственники вора, преследуют убийцу, и стараются отомстить кровь убитого; по народному же обычаю получают от убийцы полную кровную плату.

При ссоре двух человек если кто из них ухватит у кого-либо из присутствующих оружие, и им убьет своего противника, то хозяин оружия подвергается также мщению; а во время требований кровной

платы, должен уплатить родственникам убитого часть по определению медиаторов.

Если кто-либо делая с женщиной или девицей насильственное прелюбодеяние, и она предохраняя себя от этого, ранит или убьет насильвателя, то родственники убитого или раненного, имеют кровную месть к родителям, родственникам или мужу этой женщины и сии последние по обычаю платят родным полную кровную плату» [7, с.14-15].

Для уголовного права осетин характерна неразделенность таких понятий, как «случай», «неосторожность», «умышленное деяние», «покушение». Ковалевский М.М. в труде «Современный обычай и древний закон» объясняет это тем, что при квалификации в расчет принимался только нанесенный вред или ущерб и совершенно игнорировалось присутствие или отсутствие в действиях виновного злого умысла [3, С.93].

Основным видом наказания у осетин являлись имущественные платежи, выплачиваемые скотиной или денежным эквивалентом. Использовались такие его формы, как имущественные штрафы, изгнание из аула, в особых случаях – наказание увечьем и смертная казнь. Наиболее суровыми видами наказаний являлись смертная казнь и наказание увечьем, исполнявшиеся по причине кровной мести. Имущественные или денежные штрафы являлись обязательными составляющими любого вида наказания. Осетинам не были известны такие виды наказаний, как лишение свободы и телесные наказания вне семьи [8, с.264]. Осетинское право не видит в преступлении ничего, кроме причиняемого им вреда, за которое оно разрешает мстить виновнику до тех пор, пока последний не откупится платежом положенной обычаем частной пени. Во-вторых, гражданское правонарушение также ведет к мести, как и уголовное. Месть эта принимает форму дозволяемого обычаем захвата имущества и нередко личности виновного в нем лица [3, с.112].

Право осуществления наказания принадлежало обиженному и его родственникам. Община могла играть роль посредника и содействовать примирению двух фамилий, но не имела права наказывать.

Цель наказания в обычно-правовой практике у осетин была аналогична таковой в правовых системах других северо-кавказских народов – возмещение нанесенного вреда [2, с.146].

Мера наказания определялась по величине ущерба. В. Пфаф приводит следующие виды наказаний:

- смертная казнь, которая, как частное наказание между посторонними, приводится в исполнении только по праву кровомщения;
- наказание увечьем – также приводится в исполнение по правам кровомщения за увечья и иногда за прелюбодеяние;
- денежные пени – в прежние времена были только частным наказанием;
- изгнание из аула – предполагалось не только за определенные преступления, но и беспорядочную жизнь, т.е. отступление от патриархального образа жизни.

Наказание распространялось не только на преступника, но и на всю фамилию [8, с.267-268].

Так как за кровную месть мог быть наказан любой мужчина из фамилии убийцы, то и за всякое правонарушение или преступление отвечала и наказывалась целая семья и фамилия, к которой принадлежал преступник.

К преступлениям, которые не имели своим последствием кровной мести, относились:

- 1) виды убийства родственников, живущих в одном дворе [3, с.167];
- 2) телесные повреждения, совершенные родственниками;
- 3) преступления против половой нравственности (потери невинности девушкой и нецеломудрие жены), подлежат разбору семейных судов [4, с. 44];
- 4) из преступлений против собственности – все виды воровства, которые совершались между родственниками.

Преступление убийства между родственниками рассматривалось с иной точки зрения, нежели убийство, которое совершалось между посторонними. Учитывая, что при устройстве общества на кровном начале, все члены общества контролировались в своих поступках постановлениями родового старшины и семейных советов.

«Хадзары хицау» обладал неограниченными правовыми полномочиями в рамках семейной общины: «Глава дома – это живой закон осетинской семьи». В своей семье он решал вопросы общинного уровня. В ситуациях же, когда проступок превышал уровень обсуждения на семейном совете, а приговор был вынесен общественными судьями, окончательное решение все же было оставлено за хицау. «Только он может казнить смертью жену или сына. Народная сходка (нихас) объявляет приговор, но казнь над членом семьи должен выполнить сам владыка ее» [10, с.31]. «Глава фамилии представлял из

себя патриарха, к которому каждый сочлен обращался за советом в житейских делах и даже семейных. Решение главы рода безапелляционно, и неисполнение такового представлялось невозможным» [10, с.35]. Иными словами, преступления, которые совершались в родственной среде, находились в компетенции семейных судов.

Убийство ближайших родственников, а также все виды преступлений, совершаемых детьми и женою по отношению к отцу и мужу, карались непосредственно теми лицами, в чьей власти они состояли; при этом речь идет не только о детях законной жены, но и о детях от номылус – кавдасардов [4, с. 165]. «Если кавдасард не повинуется хозяину своему, узданлагу, то этот последний имеет право наказывать его телесно; но если он изувечит или убьет его, то должен заплатить за смерть или увечье его тем из своих родственников, коим убитый или изувеченный кавдасард также принадлежал, ибо кавдасарды редко принадлежат одному только узданьлагу, а целой фамилии. Если же убитый или изувеченный кавдасард принадлежал одному только убийце своему, то дело тем и кончено, и никакого взыскания с убийцы не будет» [4, с.27, ст. 107].

Из общего правила о невозмещаемости преступлений, совершенных против родственников, осетины делают исключение для случаев отцеубийства – за убийство отца и матери сыном. Родственники, собравшись, сжигают дом и разграбляют имение. Разрушая жилище виновного, осетины тем самым побуждают его к оставлению прежнего местожительства; таким образом, это является не более как средством к насильственному удалению преступника из сообщества его единокровных [4, с.117, ст.10].

Назначение степени наказания главою семейства или рода или ныхасом основывается на степени родства. Родитель имеет право уничтожать своих детей. Поэтому убиение собственных детей по древне – осетинскому коренному праву никогда не подлежало наказанию [8, с. 266]. Родители имеют полную власть над своими детьми; они могут безнаказанно изувечить и даже убить своих детей; никто не праве вмешиваться в расправу между родителями и детьми [4, с.26 ст.98]. Если отец или мать убьют сына или дочь, то нет ни мщения, ни взыскания – равномерно, если убийство произойдет между родственниками в первом колене, исключая того, что за замужнюю сестру имеет право вступить муж [4, с.4 ст.10].

За убийство между родственниками не полагался выкуп, следовательно, и кровомщение между родственниками не было принято.

Единственным исключением из этого правила было убийство жены мужем. В таком случае допускалось кровомщение со стороны родственников жены.

Помимо того, что отец семейства нес ответственность за действия всех членов семьи, также он имел право безнаказанно изувечить и убить своего раба. «Гурзиаки находятся в полной зависимости от своих владельцев, которые могут делать с ними что им угодно, продавать и дарить их другому, поодиночке или целыми семействами и даже умертвить их по произволу» [4, с.18 ст.61]. «Уазданлаги имеют право без суда наказывать принадлежащих им кавкасардов и гурзиаков» [1, с.38].

Что касается наказаний, которые применяются к чужеродцам, то главной характеристикой этим наказаниям служит то, что все они требуют производства виновным известных взносов в пользу обиженного или его родственников. Наибольший размер выкупа достигает при убийствах, наименьший при обидах словом. Платеж производится скотом, рабами, землею, оружием, медною посудой и деньгами в большем или меньшем количестве, смотря по характеру преступления и принадлежности обидчика и обиженного к тому или другому сословию [3, с.176]. В сборнике адатов 1844 года в Дигорском обществе за убийство старшины платят 15 предметов: из которых, пять людьми, пять землями, пять железными вещами и лошадьми, так, чтобы каждый предмет имел ценность одной души и вместе они стоили 15 душ крестьян [4, с.37 ст.49]. За смертоубийство в Тагаурском и Куртатинском обществах в сборнике адатов 1849 года за кровь фарсаглагов без различия пола и возраста платили 324 коровы. Кроме того, виновные должны были давать цыты- чызг или 30 быков сверх того, лошадь в 60 рублей, ружье в 50 руб. и угощение на 30-50 человек родственникам убитого [4, с.42, ст.19].

Кровная месть иногда постигала не преступника, а совершенно невинного родственника его, из чего следует, что главную роль в уголовном праве осетин главную роль играет не наказание противозаконного желания, а удовлетворение или пополнение нанесенного вреда [8, с.270].

За убийство в Осетии никогда и нигде не наказывали публично.

Убийство холопа не ведет к кровомщению, а только к возвращению хозяину цены его, убийство же кого-либо холопом налагает ответственность на его хозяина и сопровождалось, смотря по состоянию последнего, простым или увеличенным в размере платежом за кровь [4, с.52, ст.19].

Наряду с сословием убийцы и убитого играет не маловажную роль и пол последнего; если им будет женщина, тут падает на половину. За убийство женщины определяется плата вполнину против мужчины [4, ст.10, с.4].

Не безразлично и то отношение, в котором убийца и убитая стоят между собою в момент совершения убийства: если ими были муж и жена, то требуемая с каждого из них плата на половину меньше обыкновенной. Наоборот возраст не играет в этом случае никакой роли. Если не принято убивать в отмщение детей моложе 12 лет, то за убийство кого – либо ребенком взыскивается полная плата за кровь: «во время игры или ссоры малолетних детей, если при этом случае один другого убьет нечаянно, или с намерением, то родственники убитого, считают этого мальчика убийцею, несмотря и на то, сколько бы он не был малолетен, и в удобном случае мстить убийством же его самого, или его родственников; а если дело разбирается по обычаю, то родные мальчика убийцы не рассуждая что убийство произошло от руки еще неразумного или нечаянно, требуют полную кровную плату с отца убийцы» [7, с.16, ст.6].

При невозможности уплатить сполна весь туг скотом или холопами, дозволяется замена тех и других разного рода имуществом по раз установленной оценке. По производстве всех платежей следует еще угощение родни убитого примирившимся с нею убийцей, для чего он обязан зарезать определенное обычаем число баранов (от 1 до 12) и приготовить не менее одного котла пива. Порядок определения величины платежей за увечья, ранения, побои, обиды и разные виды насилия над женщинами выглядит следующим образом: за основание принимается полный размер платы за кровь: 18 раз – 18 коров. Составные части этого числа: корова, 18 коров, – обыкновенные единицы измерения. Как общее правило наказание за побои не превосходит 18 коров, а за ранение того же числа 18, взятого несколько раз, начиная от двух и не выше девяти. Исключение делается только для самых легких ран, платеж за которые приблизительно тот же, что и за побои, т. е. представляют собою два или более раз взятую единицу измерения т. е. корову. Все увечья, а также и ранения, имеющие последствием увечья, оплачиваются на половину легче против убийств; т. е. 9 раз взятыми 18 коровами [8, с.183]. Нечаянное убийство, также как убийство при защите и убийстве вора, отмщается одинаково, с разницей в количестве назначаемой медиаторами платы [4, с.13, ст.13].

Намеренное убийство, совершенное над посторонним, за которого нет мстителей, по древнему осетинскому праву, не только не считалось преступлением, но и оставалось без отмщения и платежа. Не считалось преступлением вообще убийство чужого; оно тогда только в известном смысле делалось деянием, достоянием наказания, если родственники убитого были настолько сильны, что могли мстить за него. Убийство безродного оставалось без отмщения и платежа [4, с.4 ст.10].

Лечение раненого возлагалось на ранившего. Обиженная сторона отказывалась мириться, пока не заживут раны: «что мириться, когда еще кровь из раны сочится» [5, л.67]. Примерная плата за поранения следующая: за отрубленный мизинец – 10 рублей, за безымянный палец – 20 рублей, за средний палец – 30 рублей, за кисть руки – 100 рублей, за глаз – 100 рублей [6, л.44].

Во всех случаях увечий и ранений обычай требует сверх выкупа угощение обиженного и его близких обидчиком и роднёю последнего, также как и при убийствах, но, с меньшими издержками [8, с.272-273]. За разного рода обиды и оскорбления виновный платил обиженному 3 быка, 1 лошадь и делал угощение.

О мести и выкупе в применении к неверной жене, очевидно, не могло быть речи, ввиду того, что принадлежала к семье оскорбленного; при таком условии мерой наказания служило изгнание ее в родительский дом.

Изгнание из аула, как вид наказания, применялось не только за определенные преступления, но и за беспорядочную жизнь, то есть отступление от патриархального образа жизни, заменяющего у осетин нравственность, а также за непризнание патриархальной власти [8, с.265].

В целом для традиционного осетинского общества была характерна относительно единая система наказаний, целью которой было мирное регулирование отношений в обществе.

Литература

1. Гутнов Ф.Х. Обычное право осетин. Адаты Тагаурского общества (Список Норденстренга 1844 г.). Владикавказ. 2012.
2. Кобахидзе Е.И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII-XIX вв.). Владикавказ, 2008.
3. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). – В 2-х т. М., 1886. Репринтное воспроизведение. Владикавказ, 1995.
4. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II.
5. Научный архив Северо -Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф.4. Оп.1. Д.109.
6. НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Д.11. П.67.
7. Приговор осетинского народа. Репринтное воспроизведение. Владикавказ, 2011.
8. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе (ССК). Тифлис; 1871. Вып. I.
9. Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). 1871. Вып. V.
10. Хадикова А.Х. Традиционный этикет осетин. Спб., 2003.

III. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ЯЗЫКЕ, ФОЛЬКЛОРЕ, МИФОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Т.Х. АЗАМАНОВА
аспирант КБГУ (г. Нальчик)

СИНГРАФЕМНЫЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗИРУЮЩЕЙ ПРОЗЫ В ФОНЕТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Современная актуализирующая проза – своеобразное и довольно необычное явление. Она представляет собой реакцию на бурное развитие новой культурной парадигмы конца XX в. – постмодернизма. Появились и появляются большое количество текстов, в которых прослеживается нестандартное использование паралингвистических средств [1].

По классификации паралингвистических элементов прозаического текста А.Г. Баранова и П.Б. Паршина [2], в современном тексте можно выделить «топографемные средства» (плоскостное варьирование текста), «супраграфемные средства» (шрифтовое варьирование) и «синграфемные средства» (художественно-стилистическое

варьирование пунктуационных знаков). Влияние последних на фонетическое восприятие («звуковое восприятие, осуществляемое членением речевой цепи на фонетические фразы и речевые такты» [3, с.75]) является **предметом** данного исследования.

Так, в исследовании приняли участие 100 студентов Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета. Среди них: кабардинцы – 62 человека (62%), балкарцы – 31 человек (31%), представители других национальностей – 7 человек (7%). Респондентам предлагалось выделить границы синтагм с помощью знака «/» (короткие паузы) и границы фраз с помощью знака «//» (длительные паузы) в отрывке из произведения С.Д. Довлатова «Чемодан», являющийся классическим примером актуализирующей прозы [4, 34]:

Три вещи может сделать женщина для русского писателя. Она может кормить его. Она может искренне поверить в его гениальность. И наконец, женщина может оставить его в покое. Кстати, третье не исключает второго и первого.

Лена не интересовалась моими рассказами. Не уверен даже, что она хорошо себе представляла, где я работаю. Знала только, что пишу.

Я знал о ней примерно столько же.

Сначала моя жена работала в парикмахерской. После истории с выборами ее уволили. Она стала корректором. Затем, совершенно неожиданно для меня, окончила полиграфический институт. Поступила, если не ошибаюсь, в какое-то спортивное издательство. Зарабатывала вдвое больше меня.

Трудно понять, что нас связывало. Разговаривали мы чаще всего по делу. Друзья были у каждого свои. И даже книги мы читали разные.

Моя жена всегда раскрывала ту книгу, что лежала ближе. И начинала читать с любого места.

Сначала меня это злило. Затем я убедился, что книги ей всегда попадают хорошие. Не то что мне. Уж если я раскрою случайную книгу, то это непременно будет «Поднятая целина»...

Что же нас связывало? И как вообще рождается человеческая близость? Все это не так просто.

Проведенное нами исследование показало следующее.

Синграфемные средства в тексте представлены художественно-стилистическим варьированием пунктуационных знаков: «.», «,», «?», «...». При внутреннем озвучивании его респонденты без осо-

бого труда воспроизводят текст, осуществляя его интонационное и паузальное членение. Подтверждением этому является сегментация текста, где около 93% знаков *представителями кабардинской национальности*, 98% знаков *респондентами балкарской национальности*, 77% знаков *представителями других национальностей* представлено на месте уже существующих в тексте знаков препинания.

В тексте наблюдается преобладание синграфемного знака «.». Он помогает испытуемым распознавать границы предложений и границы парцелированных конструкций. Активное употребление данного знака связано со спецификой актуализирующей (деиерархической) прозы, для которой характерно выдвижение на первый план интонационных средств.

При фонетическом восприятии текста респондентами кабардинской национальности были выделены границы фраз, соответствующие авторской постановке знака «.» (99% реакции). Лишь 1% опрошенных нуждается в дополнительной актуализации отдельных компонентов текста длительными паузами. Например:

Она может искренне поверить в его гениальность./ (17) // (25) И наконец./ (29) // (6) женщина может оставить его в покое./ (11) // (27)

Также респондентами балкарской национальности при фонетическом восприятии текста были выделены фразы, соответствующие авторской постановке знака «.» (86% реакций). 14% опрошенных отметили необходимость постановки его дополнительно:

1) Она может искренне поверить в его гениальность./ (10) // (10) И наконец./ (8) // (8) женщина может оставить его в покое./ (4) // (8) Кстати./ (10) // (5) третье не исключает второго и первого./ (4) // (10)

2) Не уверен даже./ (9) // (2) что она хорошо себе представляла./ (8) // (3) где я работаю./ (11) // (4) Знала только./ (5) // (4) что пишу./ (3) // (15)

3) Затем./ (16) совершенно неожиданно для меня./ (14) // (2) окончила полиграфический институт./ (2) // (12) Поступила./ (10) // (2) если не ошибаюсь./ (13) // (4) в какое-то спортивное издательство./ (8) // (11)

91% респондентов других национальностей выделили фразы, соответствующие авторской постановке знака «.». Однако 9% опрошенных нуждаются в дополнительной актуализации отдельных компонентов текста длительными паузами:

1) Она может искренне поверить в его гениальность./ (4) // (2) И наконец./ (5) // (1) женщина может оставить его в покое. // (5) Кстати./ (3) третье не исключает второго/ (1) и первого. // (4)

2) Лена не интересовалась моими рассказами./ (1) // (3) Не уверен даже,/ (2) что она хорошо себе представляла,/ (2) // (1) где я работаю./ (1) // (3)

3) Поступила,/ (3) // (1) если не ошибаюсь,/ (2) // (1) в какое-то спортивное издательство./ (1) // (3)

4) Сначала // (1) меня это злило./ (4) // (1) Затем я убедился,/ (4) что книги ей всегда попадают хорошие. // (4) Не то что мне. // (3) Уж если я раскрою случайную книгу,/ (3) // (1) то это непременно/ (1) будет «Поднятая целина»... // (6)

Синграфемное средство «,» членит письменный текст на значимые в смысловом и грамматическом отношении части. В функциональном отношении запятая близка к точке. Различие их лишь количественное.

При фонетическом восприятии актуализирующего текста представителями кабардинской национальности были выделены синтагмы различной структуры, соответствующие авторской пунктуации (94,2%). Лишь 5,8% опрошенных дополнительно выделили компоненты синтагм, не отграниченных в тексте никакими синграфемными знаками (*Лена; затем; сначала*).

Также 5,5% опрошенных балкарцев и 7% респондентов других национальностей дополнительно отделили компоненты синтагм (*сначала; затем, три вещи; может сделать женщина; и первого; моя жена*).

Нужно отметить, что около 27% знаков короткой паузы (/) респондентами-кабардинцами, 37% – респондентами-балкарцами и 25% – респондентами других национальностей было проставлено на местах синграфемного знака «,».

Такая сегментация свидетельствует о том, что предложения в актуализирующем типе прозы не образуют цикл, а становятся базой для формирования отдельного высказывания. Содержательность каждого такого предложения снижается, уравнивается в правах, получая отдельную актуализацию, что, видимо, чувствуется респондентами в процессе фонетического восприятия текста.

В предложенном для сегментации тексте наблюдается также синграфемное средство «?», который фиксирует конец предложения и передаёт вопросительность интонации.

В фонетическом восприятии данный невербальный элемент имеет неоднозначное отражение. Так, представители кабардинской национальности на его месте поставили знак границы фразы «//» (60% реакций) и границы синтагмы «/» (40%):

Что же нас связывало?/(21) // (24) И как вообще рождается человеческая близость?/(14) // (28)

Представители балкарской национальности на месте знака «?» также выделили и границу фразы (72% реакций), и границу синтагмы (28%):

Что же нас связывало?/(7) // (13) И как вообще рождается человеческая близость?/(5) // (18)

Представители других национальностей данный участок текста отметили границей фразы (83%), и границей синтагмы (17%):

Что же нас связывало?/(1) // (5) И как вообще/(1) рождается человеческая близость?/(1) // (5)

Синграфемное средство «...» в данном контексте служит средством недоговоренности высказывания, поэтому всеми респондентами однозначно распознается как граница фразы:

Сначала/(6) меня это злило./(34) // (35) Затем я убедился,/(37) что книги ей всегда попадают хорошие./(24) // (33) Не то что мне./(21) // (40) Уж если я раскрою случайную книгу,/(47) // (6) то это непременно будет «Поднятая целина»... // (71)

Таким образом, анализ экспериментальных данных позволяет сделать следующие **выводы**.

Обилие синграфемных средств влияет на фонетическое восприятие текста, респонденты чутко реагируют на «рубленные» фразы. Всеми испытуемыми были выделены фразы, соответствующие авторской постановке знака «.», что объясняется спецификой текста, в котором разрушение связи между предложениями выделяется паузами. Сложным предложениям отведена небольшая роль, часто употребляются парцелированные конструкции. Однако 1% респондентов-кабардинцев, 14% респондентов-балкарцев, 9% респондентов других национальностей отметили необходимость постановки синграфемного знака «.» дополнительно. В большинстве случаев длительными паузами отграничиваются вводные слова, односоставные и двусоставные предложения в составе сложных.

Также при фонетическом восприятии текста респондентами были выделены синтагмы различной структуры, соответствующие авторской постановке знака «,», за исключением небольшого количества реакций.

Вызывает интерес неоднозначность проявления в фонетическом восприятии синграфемных средств «?» и «...». В фонетическом восприятии респондентов синграфемный элемент «?» ассоциируется как

с законченностью мысли (проставлен знак («//»)), так и с незаконченностью мысли («/»). Элемент «...» однозначно распознается испытуемыми как граница фразы.

Примечания

1. Покровская Е. А. Русский синтаксис в XX веке: лингвокультурологический анализ. Ростов на-Дону, 2000. 254 с.
2. Баранов А. Г., Паршин П. Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемы // Проблемы эффективности речевой коммуникации: Сб. науч.-аналит. обзоров/Ред.-сост. и авт. введ. Н. А. Безменова, Л. Г. Лузина. М.: ИНИОН, 1989. С. 41-115.
3. Щербань Г. Е., Азаматова Т. Х. К проблеме синтагматического членения современной художественной прозы // Русский язык: взгляд из-за рубежа. М.: Старая площадь, 2011. С. 74-81.
4. Довлатов С. Чемодан. СПб.: Азбука-классика, 2008. 183 с.

**М. В. ДАРЧИЕВА,
к.ф.н., н.с. СОИГСИ**

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА В ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Рассмотрение параметров эпического текста, несомненно, не обходится без определения пространственной категории. Все эпические сюжеты разворачиваются в особом мире, представление о котором в традиционном обществе мифологизировано. Редко какой автор, изучающий эпические тексты, оставил бы без внимания вопросы пространственной и временной организации.

Пространство как некая бытийная категория, детерминирующая место человека в мире, очерчивающая границы его деятельности, играло ведущую роль среди категорий, определяющих систему мировоззрения человека средневековой культуры, на что указывал в своё время А. Я. Гуревич [1]. Естественно, представления о пространстве нельзя рассматривать в отрыве от времени. Будучи изначально реалией физической картины мира, время и пространство в трудах математиков стали четвертой осью координат. Апогеем математического осмысления новых категорий стали труды Лагранжа, Фехнера, Г. Минковского и, конечно, А. Эйнштейна. Проблемы времени и пространства в искусстве интересовали таких отечественных учёных, как П. А. Флоренский, В. Я. Пропп, В. В. Виноградов, В. Б. Шкловский и др. Термин, объединяющий два понятия (хронотоп), в филологию, а точнее в литературоведение, был введён М. М. Бахтиным из сферы математического естествознания и осмыслен как слияние пространственных и временных характеристик в единое целое, неразрывное и бесконечное («время как четвертое измерение пространства») [2,235].

На современном этапе приобрел особую актуальность хронологический подход к литературным произведениям. Исходя из фольклорной основы романного хронотопа, решению задач определения структурных и композиционных особенностей художественных произведений способствует исследование мифопоэтического времени и пространства в эпосе. При этом наиболее результативными являются структурно-семантический анализ текстов эпических сказаний с элементами сравнения и сопоставления различных версий Нартовского эпоса, а также других фольклорных произведений. Не менее важно вычленение архетипического и символического, выявление художественных средств, формирующих хронотоп в эпических сказаниях осетин.

Нельзя преувеличить и ценности следующей работы, пусть и не совсем относящейся к сфере исследования эпических текстов. Так, в области волшебной сказки *локальность* тридесятого царства, его связь с солнцем, мотивы хрустальной горы, потустороннего света, страны обилия и солнечного царства рассмотрел В. Я. Пропп в работе «Исторические корни волшебной сказки». Учёный пришел к выводу о том, что «сказка сохранила различные слои, различные отложения в представлениях о тридесятом царстве» [3, 257].

Некоторые вопросы пространства и времени в мифе и сказке затронул В. Д. Шинкаренко в работе «Смысловая структура социокультурного пространства: Миф и сказка» [4, 104-112, 173-177].

Вернёмся к эпосу. И здесь не обойтись без обращения к работам М. И. Стеблин-Каменского об исландских сагах. Своеобразие точки зрения учёного на пространство в *эддических мифах* заключается в том, что «когда в них говорится о местонахождении чего-либо, то это местонахождение всегда оказывается либо серединой мира, либо его окраиной. Однако пространство в эддических мифах не только не бесконечно и не непрерывно, но и не единообразно. Поэтому локализация чего-либо в середине или на окраине мира – это в то же время и качественная, т. е. эмоционально-оценочная характеристика. В общих чертах она сводится к тому, что все благое пребывает в середине мира, а все злое – на его окраине» [5]. Что же касается *героических песен* «Старшей Эдды», то здесь нет присущей эддическим мифам организации от центра к периферии. Называемые в песнях местности отождествляются со Скандинавией, либо близки к Скандинавии. Согласно М. И. Стеблин-Каменскому, «в героических песнях «Старшей Эдды» внутренняя точка зрения на

пространство уступила место внешней, а мифическое пространство – эпическому» [Там же].

Е. М. Мелетинский в работе «Эдда и ранние формы эпоса» также не обошел вниманием вопросы пространственной организации. Так, по мнению учёного, географические названия в сказаниях о Хельги указывают, прежде всего, на Данию, а также на Южную Швецию и Северную Германию, кроме того, автор выделяет украшающие географические названия сказочного характера – «солнечные горы», «небесные луга» и т.п. [6, 251].

Не менее значимы, на наш взгляд, работы Джона Линдоу (John Lindow) и Кэтлин Н. Дэли (Kathleen N. Daly) по мифологии народов Скандинавии. Издания подготовлены в качестве словарей мифологии и содержат, в том числе, мифологические и эпические обозначения локусов пространства [7, 8]. В серии «Mythology A to Z» издана и работа по кельтской мифологии Г. Матсон и Дж. Робертса (Gienna Matson and Jeremy Robertson) [9].

В исследовании «Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики» А. Д. Михайлов указал, что «эпический универсум чётко географически и хронологически очерчен, что, однако, не исключает, а даже предполагает для протагонистов эпоса дальние путешествия и посещения квазимифологических стран. Тем самым художественное пространство эпоса почти не знает размытости своих границ, равно как и временных аномалий и сдвигов» [10, 159].

Изучением пространства эпического мира старофранцузского героического эпоса занимался А. Б. Щербаков. Основываясь на принципе историзма старофранцузского героического эпоса, «где всякое событие мыслится как истинное, следовательно, такое же требование абсолютной определенности, предъявляется и к пространству, где эти события разворачиваются» [11], исследователь приходит к выводу о том, что мифологизация пространства старофранцузского эпоса «происходит по определенным законам, прежде всего – по закону симметрии, и строится на соотношении с пространством библейским» [Там же].

З. К. Тарланов описал достаточно обширное географическое пространство русских былин и выявил, что реально-исторические и мифопоэтические страны находятся между собой в определенной соотношенности. Русское былинное пространство – это не абсолютно замкнутое пространство, а, наоборот, подвижное, исторически изменчивое, как и сама былина. Географическую сердцевину реально-исторического эпи-

ческого пространства образует, естественно, Русь – «свято-Русь земля, Россия, Расея, Росея, Русия, Русея, свято-русская земля» [12], наиболее подробно разработанная часть былинного пространства.

На материале якутского эпоса олонхо семантику эпического пространства рассмотрела Л.Н. Семенова. Согласно её исследованию, «пространственная система эпического произведения может рассматриваться как **фон сюжетного повествования**, устанавливающий зависимость между элементами эпического пространства и отдельными сюжетными единицами. При этом пространственные и сюжетные единицы соотносятся не только друг с другом, но и с элементами, лежащими за пределами эпического текста и во многом связанными с основными культурными категориями, к каковым относятся и представления о пространстве» [13].

Башкирский народный эпос «Урал-батыр» как фольклорно-речевой дискурс анализирует Г.Х. Бухарова. При этом автор уделяет особое внимание рассмотрению семантического пространства и смысловой структуры текста эпоса, описанию отражённой в нём мифопоэтической картины мира. В число особо актуальных для мифологического сознания башкир базовых концептов архетипического характера автор включает и *пространство*. В ходе анализа приводятся некоторые примеры антропоморфного моделирования космического пространства. Так, с учётом характера наполненности пространства Г.Х. Бухарова приводит несколько типов моделей эпического пространства, среди которых: 1) реальное географическое пространство, конкретное место, обжитая среда; 2) фантастическое пространство, наполненное нереальными существами или событиями; 3) космическое пространство, характеризующееся вертикальной ориентацией; 4) социальное пространство; 5) психологическое пространство, раскрывающее внутренний мир человека [14]. Указанные модели эпического пространства подтверждают мысль о едином пространственно-временном мировосприятии в башкирском эпосе.

Интерес к вопросам времени и пространства в Нартовском эпосе стал проявляться во второй половине XX века. В связи с проблемой определения точного времени зарождения эпоса в центральной части Северного Кавказа, исследователи обращались к текстам и указывали наличие в них «ряда конкретных топонимических названий равнинной и горной полосы: Татартуп, река Кума, Кумская равнина, Адаихох (гора Адай) и др., которые встречаются под теми же названиями и на ныне существующих картах этого края. О формировании

главных частей эпоса в предгорьях Северного Кавказа говорят также многократные упоминания в нем гор, перевалов и т.д.» [15, 163]. Однако собственно мифопоэтическое время-пространство в эпосе до настоящего времени не становилось объектом исследования, тогда как изучение художественной структуры эпического текста, его сюжетики и образной системы, отражения в нём мифологического сознания осетинского народа было бы неполным без рассмотрения мифопоэтического хронотопа.

Согласно, космогоническим представлениям, отражённым в эпических сказаниях, вселенная более детально делится на пять частей, на что указал С. Ш. Габараев: «1. Земля, на которой живут люди – нарты, их друзья и враги; 2. Небо – местопребывание богов и других небожителей; 3. Вода, где обитают Донбеттры, морские жители во главе с владыкой водной стихии; 4. Подземелье, преисподняя – обиталище хайрагов, далимонов, кадзи (чертей, бесов) и, наконец, 5. Загробный мир – Царство мертвых, находящееся внутри земли» [16, 91]. Далее этого структурирования исследование пространственной организации в сказаниях не продолжилось.

О топонимике и гидронимике осетинского эпоса писал Ш. Д. Инал-Ипа: «Нарты знакомы не только с реками (повелитель рек – Гатаг могучий) и озерами, но и с морями, главным образом с Черным морем (Сау денджыз) ... Весьма часто называется Гумское ущелье (Гумская долина) – географическое название, сходное с такими, как Гума, Гумста в центральной Абхазии и на Северном Кавказе (река Кума, селение Гумлокт и др.)» [17, 36-37].

Описание отдельных местностей, встречающихся в текстах осетинских сказаний, дано в словаре Т. А. Гуриева «Кто есть кто в аланской Нартиаде» [18], а также в «Словаре осетинской мифологии и быта» Х. Ф. Цгоева [19].

Если взять немного уже, то целесообразно рассмотреть, скажем, и пространственную организацию жилища с точки зрения архитектуры. Это ещё одна грань призмы, сквозь которую можно и нужно анализировать целостную картину эпического пространства.

Как известно, исходной пространственной формой жизнедеятельности горцев был естественный ландшафт Северного Кавказа, поэтому именно горный ландшафт стал главным «фортификационным сооружением» осетинских обществ, образование и расселение которых в значительной степени определялось пространством осваиваемых горных ущелий [20, 250-251]. Следовательно, в традицион-

ном обществе пространственная разноразмерность *башня – селение – группа селений, составляющих горское общество*, детерминирована особенностями ландшафта и необходимостью обеспечения защищённости всей общины. Безусловно, все эти уровни, как по отдельности, так и вместе составляют основу пространственной картины мира эпических произведений осетин.

И если применительно к французскому героическому эпосу «простое соотнесение пространства «шансон де жест» с реальной географией» [11] является не слишком продуктивным, позволим себе в отношении осетинских сказаний допустить, что существующий в воображении эпический мир обладает чертами мира действительного: он занимает определенное пространство, часто соотносимое с реальной территорией, известной сказителю. И самое главное – географические приметы эпического пространства отражают реальные условия жизни этноса, в среде которого формировался героический мир.

Примечания

1. Гуревич А. Я. Категории Средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2007. 332 с.
4. Шинкаренко В. Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Миф и сказка. М.: КомКнига, 2005. 208 с.
5. Стеблин-Каменский М. И. Миф // Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. [Эл. ресурс.] Режим доступа: <http://ulfdalir.ru/literature/311>. Дата обращения 11.02.2013 г.
6. Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. – 368 с.
7. John Lindow. Norse Mythology: A Guide to the Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs. Oxford, 2001. 365 pp.
8. Kathleen N. Daly. North Mythology A to Z. New York, 2004. 128 pp.
9. Gienna Matson and Jeremy Robertson. Celtic Mythology A to Z. New York, 2010. 131 pp.
10. Михайлов А. Д. Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М.: Наследие, 1995. 360с.
11. Щербаков А. Б. Старофранцузский героический эпос: пространство эпического мира. [Эл. ресурс.] Режим доступа:

<http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/scherbakov-geroicheskij-epos.htm>.

Дата обращения 11.02.2013 г.

12. Тарланов З.К. Географическое пространство русских былин. [Эл. ресурс.] Режим доступа: <http://edu.petrstu.ru/Chairs/RusLang/GILFR/u20.html>. Дата обращения 11.02.2013 г.

13. Семенова Л.Н. Семантика эпического пространства и ее роль в сюжетообразовании (на материале якутского эпоса олонхо): дис...канд.филол.наук. М., 2000. [Эл. ресурс.] Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/semantika-epicheskogo-prostranstva-i-ee-rol-v-syuzhetoobrazovanii-na-materiale-yakutskogo-ep>. Дата обращения 11.02.2013 г.

14. Бухарова Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ. Автореф. дис... докт. филол. наук. Уфа, 2009. [Эл. ресурс.] Режим доступа: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a442.php>.

15. Калоев Б. А. Некоторые этнографические параллели к осетинскому нартскому эпосу // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 162-187.

16. Габараев С.Ш. К вопросу о народном мировоззрении в нартском эпосе // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 69-102.

17. Инал-Ипа Ш.Д. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов (Опыт сравнительного изучения нартского эпоса) // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 30-68.

18. Гуриев Т. А. Кто есть кто в аланской Нартиаде. Словарь. Владикавказ: 1999. 96 с.

19. Цгоев Х. Ф. Словарь осетинской мифологии и быта. Владикавказ: Ир, 2005. – 232 с.

20. Сулименко С.Д., Степанов А.В., Нечаев Н.Н. Архитектура: пространство, время, культура: учеб. пос. Ростов-на-Дону: ИАрХИ ЮФУ, 2008. 296 с.

**М. Р. МАШЕЗОВА,
аспирант КБГУ (г. Нальчик)**

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В РУССКИХ АНЕКДОТАХ-ДИАЛОГАХ

В речевой ситуации, включающей говорящего, слушающего и высказывание говорящего, с высказыванием связаны самые разнообразные виды актов. При высказывании говорящий информирует слушающих либо вызывает у них раздражение или скуку. Он также осуществляет акты, состоящие в упоминании тех или иных лиц, мест и т.п. Кроме того, он высказывает утверждение или задает вопрос, отдает команду или докладывает, поздравляет или предупреждает.

Понятие иллокутивной цели – фундаментальное исходное понятие иллокутивной логики. «Цель того или иного типа иллокутивного акта, – пишут Дж. Серль и Д. Вандервекен, – это замысел, внутренне присущий ему как акту данного типа. Так, например, цель утверждения состоит в том, чтобы сказать, как обстоят дела; цель приказа – в том, чтобы попытаться заставить кого-то сделать нечто; цель извинения – выразить раскаяние в том или ином действии со стороны говорящего» [1, 253].

По Дж. Серлю, существует пять иллокутивных целей [2, 173]:

- 1) *ассертивная* цель состоит в том, чтобы сказать, как обстоят дела;
- 2) *комиссивная* цель состоит в том, чтобы обязать говорящего сделать нечто;
- 3) *директивная* цель состоит в том, чтобы попытаться заставить кого-то другого (других) сделать нечто;
- 4) *декларативная* цель состоит в том, чтобы изменить (внешний) мир посредством данного произнесения;

5) *экспрессивная* цель состоит в том, чтобы выразить чувства или установки.

Объектом исследования данной статьи выступает функционирование директивных речевых актов в русских анекдотах-диалогах. Диалог – это форма речи, состоящая из обмена высказываниями – репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта [3, 135].

Анекдот – речевой жанр, основная функция которого – веселить. Адекватное понимание анекдота предполагает наличие особого рода речевой компетенции, где кроме чувства юмора неизбежно предполагается умение распознавать неявно выраженный смысл. Как никакой другой жанр, анекдот ориентирован на встречную мыслительную активность воспринимающего, адресата. В анекдоте всегда есть элемент недосказанности, требующей усилия по реконструкции изображаемой ситуации. Только после такой реконструкции обнажается нелепость, противоречивость, алогичность ситуации, что, собственно, и вызывает смех.

В данной статье мы проанализируем русские анекдоты, в которых реализуется директивная иллокутивная цель.

Дж. Серль пишет, что иллокутивная направленность директивов состоит в том, что они представляют собой попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил. Директивы могут быть и весьма скромными «попытками», как в случае, когда я приглашаю вас сделать нечто или предлагаю вам это ненавязчивым образом; но они могут представлять собой и весьма агрессивные попытки, если я, например, настаиваю на том, чтобы вы совершили это [2, 176].

Муж говорит жене:

– *Вот, почитай статью о рыбах. Ты вполне могла бы поучиться у них молчанию.*

– *Сперва ты научись у них пить только воду!*

Интродуктивное предложение вводит действующих лиц и дает нам информацию о последующем диалоге. Муж преследует директивную иллокутивную цель: он хочет, чтобы жена прочитала статью. Жена отвечает экспрессивной репликой.

Имплицитный вывод этого анекдота таков: жена сварливая, а муж пьяница. Муж хочет, чтобы жена была молчаливой как рыба. Это говорит о том, что жена, на его взгляд, много говорит, ворчит, скан-

далит. А жена советует мужу научиться пить только воду. Из этого следует, что он частенько пьет.

Молодой человек говорит своей маме:

– Мама, сегодня ко мне в гости придут три девушки, и на одной из них я собираюсь жениться. А ты постарайся угадать, на какой именно.

После того как девушки ушли, он спрашивает у мамы:

– Ну и как ты думаешь, на какой?

– Ясное дело, – на той, что сидела в середине.

– Вот это да! И как же ты догадалась?

– Да так, интуиция: она уже сейчас меня раздражает.

В интродукции обозначается тема всего последующего диалога. Молодой человек предлагает своей матери угадать, на какой из трех приглашенных в гости девушек он собирается жениться. Тем самым он реализует директивную иллокутивную цель. Второе интродуктивное предложение обрисовывает ситуацию после ухода девушек. За вопросительной репликой сына следует реакция матери, заключающая правильный ответ. Следующая реакция сына выражена эмоциональным коммуникативом «Вот это да!», обозначающим удивление и восторг. С помощью финальной реплики женщина аргументирует свой ответ.

Имплицитный вывод анекдота: матери часто относятся с предубеждением к избранницам сыновей. Так, в представленном анекдоте женщина сразу же распознает свою будущую невестку: это девушка, которая ей неприятна.

Муж жене:

– У тебя подозрительное выражение лица. Одно из двух: либо ты изменила мне, либо собираешься изменить.

– Отчего же одно из двух, может и то, и другое.

Интродуктивное предложение вводит персонажей. Повествовательная реплика мужа имеет скрытую, неявно выраженную директивную иллокутивную цель. Муж пытается побудить жену сказать правду, признаться в содеянном. Реакция-отзыв жены свидетельствует о том, что жена не поддается побуждению мужа, она дает двусмысленный ответ.

Имплицитное следствие анекдота: муж подозревает жену в измене. А она дразнит его словами о том, что не только изменила, но и впредь собирается изменять.

Телефонный звонок среди ночи:

– Если Вы сейчас же не выключите музыку, я вызову полицию!

– Не нравится, переселяйтесь на другую улицу.

– *А я вообще с другого района звоню.*

Интродуктивный ввод говорит о том, что ситуация из ряда вон выходящая. Стимулирующая реплика инициатора диалога имеет директивную установку: коммуникант требует выполнения определенного действия. Императивность высказывания, категоричный тон вызывают негативную реакцию адресата, который не желает признавать за собой вины. Он парирует высказывание собеседника. Реплики не уступают друг другу по степени категоричности. Финальная реплика первого коммуниканта доказывает неправомерность высказывания второго коммуниканта и заключает в себе комический смысл.

Имплицитное следствие: громкая музыка не дает спать людям, живущим в другом районе. Нарушитель общественного спокойствия не осознает своей вины.

Между подругами.

– *Барбара, выходи за Петра, он всегда знает, чего хочет.*

– *Нет уж, лучше я выйду за Мишу, он всегда знает, чего хочу я.*

Предложение, предшествующее диалогу, сообщает тему анекдота. Реплики представленных в интродукции подруг раскрывают и распространяют содержание темы. Стимулирующая реплика первой подруги имеет директивную цель, она пытается побудить адресата реализовать определенное действие, а именно выйти замуж за конкретного человека. Однако директивная цель остается нереализованной, так как собеседник отвечает отказом на слова говорящего.

Постсуппозиция анекдота: девушки предпочитают выходить замуж за тех, кто будет делать то, что они хотят.

– *Может быть, жена назвала тебя ослом в приступе внезапного гнева?*

– *Нет! Перед этим она долго и внимательно разглядывала меня.*

Реплика-стимул первого коммуниканта выполняет директивную иллокутивную цель, так как она является попыткой побудить собеседника еще раз обдумать случившееся. Начальная же часть ответной реплики второго коммуниканта представлена отрицательным коммуникативом Нет!, передающим категоричное несогласие с высказыванием собеседника. Коммуникативы, по определению Сиротининой, «это единицы, выполняющие функцию реакции на слова собеседника» [4,109].

Реплику мужа «Она долго и пристально разглядывала» можно отнести не к одной конкретной ситуации, впоследствии которой жена признала своего супруга ослом, т.е. глупым, упрямым, но и ко всей се-

мейной жизни. И мысль друга о том, что жена обозвала мужа в сердцах, в пароксизме гнева, сразу же безоговорочно отвергается.

Итак, рассмотренные нами анекдоты представляют собой микродиалоги, участники которых обмениваются небольшим количеством реплик.

Для директивных речевых актов воздействие – это важнейшая характеристика. Директивное высказывание – это все высказывания, функцией которых выступает оказание определенного воздействия на адресата с целью побуждения его к тому или иному действию. Е. И. Беляева дает следующее определение директивной интенции: «это стремление одного из коммуникантов оказать на собеседника, адресата такое воздействие, которое могло бы побудить последнего совершить определенные действия, исполнения которого первый из коммуникантов, отправитель желает по тем или иным причинам» [5, 12].

М. А. Кулькова в статье «Народные приметы через призму теории речевых актов» рассматривает директивный речевой акт как «выражение волеизъявления говорящего, направленное на каузацию деятельности адресата» [6, 467-468].

Можно заключить, что особенность директивного речевого акта в рассмотренных русских анекдотах состоит в том, что он направлен на то, чтобы изменить окружающий мир с помощью речевого действия.

Примечания

1. Серль Дж., Вандервекен, Д. Основные понятия исчисления речевых актов Текст./Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVIII. С. 242-264.

2. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов// Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. М.: Прогресс, 1986. С.170-194.

3. Языкознание. Большой энциклопедический словарь/Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.

4. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности/О.Б. Сиротинина. М., 1974.

5. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. Воронеж, 1992. 168 с.

6. Кулькова М. А. Народные приметы через призму теории речевых актов // Предложение и Слово: Межвузовский сборник научных трудов/отв. ред. О.В. Мякшева. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2006. 586 с.

**М. В. ГАГЛОЕВА,
аспирант СОИГСИ**

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ И ВОЙНЫ В ПОВЕСТИ ГРИША БИЦОЕВА «ТЕПЛО ОЧАГА»

В повести о войне Гриша Бицоева «Тепло очага» центральное место занимает женский образ. В повести многогранно воплощены женские образы. Тема женщины и войны является одной из главных в произведении. И это вовсе не случайно: сражения, битвы, ратные подвиги испокон веков считались мужским делом. Женщинам же предназначалось иное: беречь домашний очаг, ждать мужчин, уходивших на войну. Женское начало отождествлялось с жизнью, ее простым повседневным течением, миром обычных житейских дел и забот. Образ женщины несет с собой тепло и уют, нежность и покой, а главное – он несет с собой любовь, без которой немыслимо для человека счастье. Автор раскрывает в произведении истину. Эта истина – в несовместимости женщины и войны, в несовместимости хрупкости и беспощадного разрушения, за которыми скрывается становление самой жизни и смерти. Образы женщины и войны обнажают контрастность жизни и смерти, вплотную подводя человека к истине: границы между бытием и небытием могут оказаться столь призрачными, что могут исчезнуть в любой момент.

В повести показана жизнь села. Герои повести – люди, не способные к активной вооруженной борьбе, – это женщины, старики и дети. Они проявляют душевную стойкость, сплоченность, ненавидят фашистов. В произведении показано тяжелое время войны. На войну

ушли все, кто мог держать оружие. Селу грозит оккупация, и чтобы выжить и спастись, люди стали рыть окопы. Женщины работают и днем, и ночью. При этом настроение у всех разное. Повесть начинается с причитаний Госка, сами себе, мол, могилы рою! Маро, понимая, что времена настали лихие, все же верит в лучший исход. «Серафима, молодая девушка, глазами которой автор зорко следит за всем происходящим, выражает общее, озабоченное, но всё же конструктивно-позитивное настроение» [1,145-146]. Писатель менее всего озабочен событийной стороной жизни, его интересует мир чувств и переживаний героев. Автор посвящает повесть нравственной проблеме формирования и преобразования характера и психики личности в условиях войны. Тема войны, жестокой и беспощадной, поведение разных людей в ее условиях показано на примере героев повести. У каждого из них свое отношение к войне, свои мотивы борьбы с фашистами, кроме основных, и все они разные люди.

Интересен такой момент, как отношение матери к сыну, предавшему родину. В повести Уалинка сама укрывает сына-дезертира.

Произведение русского писателя В. Г. Распутина «Живи и помни» – это глубокое философское размышление о нравственных основах бытия, о силе любовного чувства. Главная героиня повести Настена, с одной стороны, хочет видеть мужа, которого любит, а с другой – понимает, что, если тот скрывается от людей, значит, дезертировал с фронта. Со временем она начинает подкармливать мужа, укрывает его, на плечи женщины ложится тяжелое бремя. Распутин ярко рисует образ Настены, передает ее внутреннее нервное, напряженное состояние. Портрет Настены (длинной, тощей, с несуразно торчащими руками, ногами и головой, с застывшей болью на лице) показывает, какие моральные и физические муки принесла женщине война. Она долго не может осознать случившееся: явившийся тайком в родные края супруг ей кажется оборотнем: «Мало что понимая, она вдруг спохватилась: а муж ли? Не оборотень ли это с ней был? В темноте разве разберешь? А они, говорят, могут так прикинуться, что и среди бела дня не отличишь от настоящего». Подобен Андрею Гуськову образ героя повести «Тепло очага» Кайти. Гриш, в отличие от Распутина, краток, но также точен в передаче внутреннего состояния дезертира. Кайти, словно зверь, прячется в подвале дома, выходит лишь поздно ночью. Жители села замечают странную тень у ворот, на берегу реки. Серафима застаёт его в подвале, замечает, что «руки его неестественно бледны, будто их никогда не касалось солнце ...» [2,68]. Кайти пре-

датель и дезертир, но не раскаивается. В разговоре с Серафимой он говорит о своих душевных мучениях, но «во вздохе и словах, произнесенных с такой печалью, сквозила явная фальшь» [2,69]. Он встал на путь предательства, также как и Андрей Гуськов, во имя спасения собственной жизни. Гриш не лишает его положительных черт, но предполагает внутреннюю готовность к предательству. Это выявляется в мучительных раздумьях героини повести: «Серафима не знала такого Кайти, который гнулся бы под тяжестью собственной вины» [2,69]. Жители села припоминают поступки парня: ему присуща мстительность. Не приемлет такого предательства характер Серафимы. Как бы сильно не любила она, простить измену и дезертирство она не смогла. В то время, что ей дано на осмысление происходящего, она выбирает единственно верное решение: презреть предателя. В повести «Живи и помни» автор не оправдывает дезертирство, но пытается объяснить с позиции героя. Андрей долго воевал, хотел повидать родных, но положенный ему отпуск отменили. Он уходит в самоволку, но, понимая, что за это его накажут, становится дезертиром, страх смерти заставляет прятаться. Героиня повести Настена, жена дезертира, мучаясь в сомнениях, все же принимает его, прячет, подкармливает героиня повести «Тепло очага». Серафима тоже теряется в догадках, примечает странности в поведении соседок. Для нее становится потрясением неожиданная встреча с Кайти. Она боится его, несмотря на его мольбы и признания, бежит прочь.

Таурзат – символ справедливости в повести. Через призму ее жизненного опыта Серафима оценивает поведение тех или иных героев. Раздавая колхозных овец, Таурзат поручила вести учет Серафиме. Уалинка на свой вопрос: а вдруг эти бумаги, мол, потеряются, получает исчерпывающий ответ, что у людей в таком случае совесть есть. Таурзат понимала, на что намекала Уалинка. Автором затронут нравственный аспект, вопрос совести. Перед молодой девушкой выбор: любовь или совесть. Сделав свой выбор, отрекаясь от любимого, она встречается глазами с Таурзат, она не пошла на сделку с совестью.

Интересны образы Уалинка и Дунекка. Создавая образ Настены, ярко описывает В.Г. Распутин переживания героини. Нет осознания вины у матери Кайти, Уалинка. Автор не показывает ее переживаний, страданий, и читатель их не ищет. Образ героини создают ее поступки: желание наживы, обман и неискренность.

В повести «Тепло очага» основная нагрузка ложится не на динамические, а на статические компоненты: описание героев, психо-

логическое состояние человека. Художественное значение повести определяется, в первую очередь, женскими образами, переданными с большим художественным мастерством. Герои повести разные, в то же время народные, типичные.

Так, создавая образ Маро, автор использует больше средства описания. Она немногословна. Мы видим ее глазами Серафимы: у нее руки «сильные, как у мужчины» [2,6], копая окопы, девушка замечает, что в движениях Маро не чувствуется усталости, как отмечает сам автор, «ей следовало родиться мужчиной». При всей своей индивидуальности ее образ, воспринимается как символ народной силы, мужества тех, кто остался в тылу.

Совсем иная натура у Госка. Она уходит мыслями в прошлое: доброе, мирное, вспоминает свадьбу, праздничные приготовления. Серафима возвращает мать к реальности, предупреждая об угрозе бомбардировки. В повести эпизоды следуют один за другим по принципу хроники. Автор показывает внутреннее психологическое состояние своих героев посредством их воспоминаний, а возвращая их в реальность, раскрывает характер каждого из них. В «Словаре литературоведческих терминов» дается следующее определение: «Литературный характер – это совокупность черт образа персонажа, литературного героя, в которой индивидуальные особенности служат отражением типического, обусловленного как явлением, составляющим содержание произведения, так и идейным и эстетическим замыслом автора, создавшего этого героя. Характер – одно из главных слагаемых литературного произведения» [4,201].

Серафима, видя проходящих мимо солдат, вспоминает родных и близких ей людей: отца, брата, Канамата, соседа Кайти. Она верит, что они обязательно вернутся домой. Серафима – молодая, сильная, выносливая девушка. Война явилась испытанием не только для мужчины, защитника Родины, но и для нее самой. Она любит соседа Кайти, вспоминает детство, мирное время, когда они играли вместе. Он герой в ее глазах: сильный, мужественный, смелый. Серафима случайно находит его в подвале дома, он слаб и бледен. Она бежит прочь от дома, где он прячется, считая предателя недостойным своей любви. Война стала тем явлением в произведении, которое обуславливает отражение типического в индивидуальных особенностях персонажа. Каждый образ в повести индивидуален, и в то же время выражает общие народные черты. Осознание громадности общей беды и неотвратимости общей гибели меняло об-

щество, в частности женщин. В час смертельной опасности только одно коллективное чувство единства и любви могло спасти каждого в отдельности. Как ни велики общественные влияния на формирование человеческого характера, в каждом отдельном случае они опосредствуются по-особому.

По этому принципу созданы характеры и формируются женские образы в повести Гриша Бицоева «Тепло очага».

Примечания

1. Фидарова. Р.Я. Осетинская повесть. Проблемы истории и теории. Владикавказ, 2010.
2. Бицоев Гриш. Небесное зеркало. Орджоникидзе, 1987.
3. Антология осетинской прозы. Орджоникидзе, 1983.
4. Словарь литературоведческих терминов / Под ред. С.П. Белокурова. 2005.
5. Распутин В.Г. Повести. М., 1976.

IV. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Е. А. АГЕЕВА, канд. полит. наук, доцент
В. А. ТИМЧЕНКО, канд. ист. наук, доцент
Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ (г.Пятигорск)

ПОТЕНЦИАЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СКФО

Утвержденная Указом Президента в декабре 2012 года Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года свидетельствует о безусловной значимости управления межнациональными (межэтническими) отношениями на современном этапе развития страны, которая подтверждается тезисом Главы государства В.В. Путина о том, что: «...Попытки провоцировать межэтническую напряжённость, религиозную нетерпимость мы должны рассматривать как вызов единству Российского государства, как угрозу для каждого из нас. Мы не допустим появления в России замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией, живущих вне единого правового и культурного поля

страны, с вызовом игнорирующих общепринятые нормы, законы и правила. Я обращаюсь к главам республик в составе РФ, к губернаторам, мэрам крупных городов. Это прежде всего ваша задача. Работать нужно с людьми, работать ежедневно, нужно выстроить эту работу и сделать её эффективной...» [1].

Реализация Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 года осуществлялась на фоне проблем развития федеративных отношений, разностатусных межэтнических конфликтов, в том числе вооруженных, миграции, борьбы с терроризмом и т.п. Межнациональные (межэтнические) отношения в конце XX начале XXI вв. прошли этапы политизации, «тайм-аута», реполитизации, оказались вплетенными в социально-экономические, политические и административные процессы взаимодействия центра и регионов. В то же время за эти годы трансформировались отношения государства и общества, граждане с более рациональных позиций оценивают и политиков, и чиновников, и реализуемые ими стратегические задачи. Самостоятельное значение приобретает вопрос креативности и результативности деятельности экспертных сообществ. Значимая роль последних заключается в сохранении и распространении идей общегражданской идентичности, межкультурного взаимопонимания, нравственности и социальной справедливости. На потенциал диалога государства и общества все чаще обращается внимание в определении целей и механизмов реализации государственных политик. Так, привлечение институтов гражданского общества к реализации государственной национальной политики обозначено как приоритетное направление в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (раздел III, п. 20); развитие институтов социального партнерства и гражданского общества является одним из принципов государственной миграционной политики Российской Федерации (п. 22 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года); для противодействия угрозам национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан указано взаимодействие сил обеспечения национальной безопасности с институтами гражданского общества (раздел 4, п. 52 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года).

Примечательно, что разработка проектов концептуальных и стратегических документов все чаще поручается научному экспертному сообществу. В частности, за подготовку проекта Стратегии государ-

ственной национальной политики отвечали Р. Абдулатипов и В. Михайлов. Проанализировав проект Стратегии и текст утвержденного Указом Президента документа, мы пришли к некоторым выводам.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года (далее Стратегия) отражает практически все значимые аспекты состояния межнациональных (межэтнических) отношений, цели, приоритетные направления, задачи представлены с учетом особенностей формирования и развития российской государственности, а также возможности их реализации в обозначенные сроки; большинство задач, по нашему мнению, ресурсообеспечены уже сегодня. Уделяя внимание участию институтов гражданского общества, следует отметить, что многие задачи Стратегии коррелируются с действующими законами и деятельностью органов власти, управления, некоммерческих организаций, общественных объединений. Рассмотрим некоторые из них:

- задача признания некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в сфере межнационального (межэтнического) сотрудничества, сохранения и защиты самобытности, культуры, языка и традиций народов России уже реализуется и регулируется ст. 31.1. пп. 3, 9, 11 ФЗ «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7 – ФЗ (с изменениями в 2010 г.) [2]. В 2012 году Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации по поручению Министра экономического развития Российской Федерации на средства, выделенные из федерального бюджета, были обучены более пяти тысяч сотрудников социально ориентированных некоммерческих организаций по программе «Вопросы поддержки деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций». В СКФО обучались 80 человек, 20 из них являлись сотрудниками национально-культурных объединений. Проекты, которые разрабатывались слушателями курсов, были направлены на профилактику межнациональной (межэтнической) вражды, этнического и религиозного экстремизма в молодежной и подростковой среде;

- задача реализации мер правового и информационного характера по профилактике недобросовестного использования этнического фактора в избирательном процессе и в партийных программах представлена в федеральных законах «О политических партиях», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», «Об основных гарантиях избирательных

прав и права граждан на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами» № 95-ФЗ [3]. Не вызывает сомнений, что именно информационный фактор постепенно превращается в ключевой механизм модернизации политических отношений и обеспечения взаимодействия между властью и обществом. В полной мере это относится к деятельности политических партий и общественных объединений, участвующих в избирательном процессе. Информационная деятельность является не только правом, но и обязанностью политической партии по отношению к органам государственной власти, осуществляющим мониторинг ее деятельности (ст. ст. 22, 27 ФЗ «О политических партиях»). Данным федеральным законом урегулирован порядок и условия равного освещения деятельности парламентских партий государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами, определены общие принципы освещения деятельности парламентских партий;

– задача вовлечения этнокультурных и общественных объединений, религиозных организаций в деятельность по развитию межнационального и межконфессионального диалога реализуется посредством активного участия общественных и религиозных деятелей в процессах урегулирования конфликтов, профилактике конфликтного поведения молодежи с помощью таких форм, как «круглые столы», ролевые игры, дискуссионные клубы; значимой является деятельность Общественных палат, общественных советов, согласительных комиссий при органах власти и управления, где большую роль играют именно активные граждане, лидеры и члены некоммерческих организаций. При такой форме взаимодействия заметно, что научные кадры, эксперты также принимают участие в деятельности институтов гражданского общества, обладая активной гражданской позицией и пропагандируя ее. В этой связи важное значение приобретает деятельность консультативных и совещательных органов при полномочных представителях Президента РФ в федеральных округах. Исполнение полномочий, решение долгосрочных и первоочередных задач полномочным представителем Президента РФ в СКФО возможно лишь при широком диалоге с местными сообществами. Площадкой такого диалога является деятельность Общественного совета Северо-Кавказского федерального округа и Совета по молодежной политике в Северо-Кавказском федеральном округе. Следует отме-

тить, что на сегодняшний день деятельность общественных советов, комиссий не всегда эффективна, но готовность к диалогу власти и общества уже является важным шагом на пути демократизации страны;

– задача патриотического и гражданского воспитания молодежи и подрастающего поколения реализуется не только в учебных заведениях. К этому процессу все активнее подключаются Дома дружбы, центры национальных культур, национально-культурные автономии, которые объединяют молодых граждан разной этнической принадлежности. Правовой платформой создания условий для развития форм и методов реализации эффективной молодежной политики на основе использования новейших достижений науки и практики в субъектах РФ СКФО выступает утверждённая Постановлением Правительства РФ от 17 апреля 2012 г. № 506-р Концепция государственной молодежной политики в субъектах РФ, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, разработанная в целях реализации Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года с учетом Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года и Стратегии государственной молодежной политики в РФ [4]. Немаловажно упомянуть об укреплении роли национальных общественных объединений, национально-культурных автономий в социальной и культурной адаптации мигрантов на основе использования инфраструктуры культурных и учебных центров, центров изучения мигрантами русского языка, оказания мигрантам юридических и бытовых услуг. Часто именно некоммерческие организации действуют в этой сфере активнее, чем органы власти и управления. На эти же аспекты обратил повышенное внимание Президент России в Послании Федеральному Собранию РФ в 2012 году: «В вопросах миграционной политики исключительно важна роль общественных институтов. В этой связи считаю правильным расширить возможности национально-культурных автономий, в том числе предоставлять им бюджетные гранты для реализации программ по правовой, социальной, культурной адаптации мигрантов» [1]. Созданное Управление ФМС России в настоящее время устанавливает активные контакты с различными некоммерческими организациями. В рамках сотрудничества с национальными объединениями, общественными и религиозными организациями активно прорабатываются вопросы организации курсов для иностранных граждан по изучению русского языка,

основ российского миграционного законодательства, а также традиций отечественной культуры. Укрепляются контакты с религиозными организациями. Создана и действует Совместная комиссия Русской православной церкви и Федеральной миграционной службы. К настоящему времени состоялось два заседания указанной комиссии, в рамках которых обсуждены перспективы совместной деятельности в сфере содействия интеграции и развития толерантности в российском обществе. Намеченное нашло отражение в плане мероприятий совместной комиссии по вопросам организации совместной деятельности на 2010-2011 годы. У ФМС России налажено сотрудничество с общественной организацией «Опора России». Она объединяет представителей малого и среднего бизнеса и уделяет проблемам миграции значительное внимание.

Важным аспектом Стратегии является закрепление деятельности Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям в качестве механизма реализации государственной национальной политики. Целесообразна также возможность уточнения приоритетных направлений Стратегии, ее корректировка по результатам анализа документа и мониторинга состояния межнациональных (межэтнических) отношений в субъектах РФ и муниципальных образованиях, в том числе по результатам взаимодействия с общественными объединениями и научными организациями.

Вместе с тем, следует отметить, что в принятой и утвержденной Стратегии отсутствует понятийно-терминологический аппарат. В проекте документа пункт 5 Общих положений содержит важнейшие понятия: российская нация, политика согражданства, общероссийская гражданская идентичность, гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений и др. На наш взгляд, включение данных понятий в утвержденную Стратегию было бы своевременным и целесообразным. Учитывая использование в российской политической практике в основном европейских терминов и европейской политической и этнополитической традиций, следовало бы четко определиться с терминологией. Весьма значимо определение политики согражданства, как деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления муниципальных образований с участием институтов гражданского общества по утверждению общероссийской гражданской идентичности. Данный аспект также коррелируется с тезисом Президента РФ В. В. Путина о сохранении и поддержке

многонационального народа, о возрождении общероссийских ценностей, сохранении духовных скреп российского общества, важнейшей роли русского языка и культуры в укреплении межэтнического взаимодействия [1].

Все вышеуказанное актуально и справедливо особенно на Северном Кавказе, так как реализация государственной национальной политики в субъектах Северо-Кавказского федерального округа сталкивается с проблемами развития рыночной экономики, реформой земельных отношений, местного самоуправления, влияния международных экстремистских групп и радикальных религиозных течений. В условиях модернизации в субъектах Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе присутствуют традиционные формы межкультурного, общественного, в том числе, экономического обмена. Реалии северокавказского региона свидетельствуют о конфликтогенном потенциале, который систематически проявляется в локальных конфликтах молодёжи, в бытовом национализме и ксенофобии, в негативных этнических стереотипах, провокационных этнополитических проектах. Вместе с тем, развиваются направления рыночного взаимодействия, повышается уровень политической активности граждан, хозяйствующие субъекты проявляют стремление к достижению конкурентоспособности и интеграции в общероссийскую и мировую экономику.

Примечания

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию в 2012 году [//http://kremlin.ru/news/17118](http://kremlin.ru/news/17118)

2. ФЗ «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 г. № 7 – ФЗ Ст.31.1 п. 3 «Оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам»; п. 9 «деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта и содействие указанной деятельности, а также содействие духовному развитию личности»; п.11 «развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защита самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации»

http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_6.html © КонсультантПлюс, 1992-2013

3. ФЗ «О политических партиях» от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ. Ст. 6, п.5 «Наименование политической партии должно соответствовать требованиям законодательства Российской Федерации об охране интеллектуальной собственности и (или) авторских прав. Запрещается использовать наименование политической партии, оскорбляющее расовые, национальные или религиозные чувства»; ст. 7, п.3 «Символика политической партии должна соответствовать требованиям законодательства Российской Федерации об охране интеллектуальной собственности и (или) авторских прав. Запрещается использовать символику, оскорбляющую или порочащую Государственный флаг Российской Федерации, Государственный герб Российской Федерации, Государственный гимн Российской Федерации, флаги, гербы, гимны субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, иностранных государств, религиозные символы, а также символы, оскорбляющие расовые, национальные или религиозные чувства»; ст.9, п.3 «Не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности»; ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права граждан на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67 – ФЗ Ст. 4, п.2 «Гражданин Российской Федерации имеет право избирать, быть избранным, участвовать в референдуме независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств»; ФЗ «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами» от 12. 05. 2009 № 95-ФЗ // http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_6.html © КонсультантПлюс, 1992-2013.

4. <http://skfo.gov.ru/obshestvo/molodezh/koncepciya-molodezhnoj-politiki/>

Р. К. КЕЛЕХСАЕВ,
соискатель СОГУ им. КЛ. Хетагурова

ИСЛАМ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

С началом 90-х гг. XX века в Северной Осетии, как и в других республиках Северного Кавказа, начался процесс активизации и трансформации ислама. После ликвидации Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) в республиках региона создаются самостоятельные национальные духовные управления. В частности, было создано Духовное управление мусульман Северной Осетии (ДУМСО, переименованное затем в ДУМ РСО-А), которое возглавил имам Чиколинской мечети Дзанхот Хекилаев, ставший впоследствии муфтием Осетии. В 1990 г. оно находилось в селении Чикола, а в 1991 г. перешло в г. Владикавказ. В эти годы происходит консолидация мусульман Северной Осетии, вокруг ДУМСО складывается единая республиканская исламская организация. Но этот процесс не был завершен.

В настоящее время в республике действуют 20 исламских общин и организаций. Общины мусульман находятся в городах Владикавказе, Беслане и Моздоке, селениях Заманкул, Зильги (Правобережный р-н), Карджин, Эльхотово (Кировский р-н), Чикола, Лескен (Ирафский р-н), Куртат, Майское, Тарское (Пригородный р-н), Кизляр, Предгорное, Хурикау (Моздокский р-н).

После распада СССР происходит политизация и радикализация ислама на Северном Кавказе. В различных частях региона, и в частности в Осетии, появляются группировки, добивающиеся смены традиционного, лояльного к светскому государству ислама исламом ваххабитского толка. Настороженное отношение к по-

следнему связано с тем, что оно декларировало в качестве своей стратегической задачи создание на Кавказе независимого от России исламского государства. В условиях затяжного системного кризиса российского общества они предлагают опереться на ислам для достижения социальной справедливости и ввести шариатское законодательство в форме радикального ханбалийского мазхаба.

Негативное влияние на состояние мусульманской общины Республики Северная Осетия-Алания оказали осетино-ингушский конфликт 1992 г. и события 90-х годов в Чечне. Тогда заместитель муфтия А. Гадаборшев поддержал территориальные претензии ингушских националистов, вышел из состава ДУМ РСО-А и возглавил самостоятельную ингушскую общину.

В республике активизировалась миссионерская деятельность ваххабитских (салафитских) эмисаров из Чечни, Дагестана и Кабардино-Балкарии, из-за рубежа и исламистских центров России в Северную Осетию в большом количестве стала поступать экстремистская религиозная литература.

В республике действуют мусульманские организации, не подчиняющиеся ДУМ РСО-А: Исламский культурный центр, Исламский молодежный центр и др. Пользуясь безнаказанностью, их представители периодически захватывали в г. Владикавказе соборную мечеть. Идеи ваххабизма (салафизма) распространялись со страниц периодических изданий Исламского культурного центра. С 2003 года в г. Владикавказе издается газета «Аль-Азан», с ноября 2004 года переименованная в «Да'уа». С 2002 г. в с. Эльхотово под эгидой Исламского культурного центра издается газета «Минарет». С 2004 года газета «Минарет» выходит как частная исламская газета редактора и издателя А. Кубалова. Через Интернет Исламский культурный центр издает электронные версии газет «Аль-Азан» и «Да'уа».

На страницах указанных газет печатаются статьи ваххабитских лидеров, пропагандирующих ханбалийские и салафитские идеи. Ведется пропаганда создания теократического государства и шариатского правления. Публикуются материалы против муфтия РСО-А и муфтията как исламского института.

Духовное Управление мусульман РСО-А не приобрело достаточного влияния на верующих. После смерти Д. Хекилаева в ДУМ РСО-А муфтием Осетии был избран Р. Валгасов, вынужденный под давлением радикалов сложить с себя полномочия руководите-

ля мусульманской общины. Сменивший его М. Х. Тавказахов также сталкивался с противодействием экстремистски настроенных групп. Необходимо отметить, что подобная ситуация сложилась и в других мусульманских общинах региона. По мнению исламоведа А. В. Малашенко, авторитет духовенства на Северном Кавказе в последнее десятилетие снизился, и в обществе к ним относятся в значительной степени не как к знатокам и хранителям исламской культуры и традиции, но скорее как к участникам происходящих в стране общественно-политических процессов [1,73].

В мусульманских общинах республики ощущается нехватка подготовленных, имеющих специальное образование священнослужителей.

Заметное влияние на этноконфессиональную ситуацию в республике оказывают миграционные процессы. С начала 90-х годов наблюдается отток русского населения из Северной Осетии. В последнее время за счет миграции заметно увеличиваются местные общины чеченцев, азербайджанцев. Увеличивается количество проживающих в республике дагестанцев, таджиков, курдов.

Сотрудники Института востоковедения Российской академии наук в течение 2004 года исследовали ситуацию с мусульманскими организациями в республике. Они указывают на то, что внутри республики, в самом Владикавказе имеет место нарастание религиозной напряженности. Здесь находятся ячейки такой международной радикальной организации, как «ат-Такфир валь-Хиджра». Она строго законспирирована, её члены рассредоточены по всей Осетии, разделены на ячейки-халька. Группы по пять человек действуют подпольно, снимают отдельные квартиры и не знают не только тех, кто входит в соседнюю ячейку, но и руководство. В любой момент они могли быть призваны на «задание». Среди членов группировки есть и осетины [2,61].

Причины радикализации части верующих мусульман и дестабилизация внутриобщинных отношений в РСО-А можно разделить на несколько групп:

1. Внутриреспубликанские – поверхностное знание большей частью верующих мусульман основ религии, слабая профессиональная подготовка части священнослужителей, миграционные процессы, отсутствие правовой базы для осуществления контроля за деятельностью радикальных исламских группировок.

2. Региональные – социально-политическая напряженность в

регионе, деятельность на территории Чечни и Дагестана террористических группировок, стремящихся дестабилизировать обстановку на Северном Кавказе, и в частности в Осетии.

3. Общероссийские – продолжающийся системный кризис страны, разрыв экономических и культурных связей между регионами, безработица и социальная дифференциация в обществе, отсутствие законодательной базы, направленной на предотвращение экстремистской религиозной деятельности.

4. Глобальные или международные – усиление роли мусульманских стран в международной жизни, активизация радикальных исламских течений и организаций, вмешательство их во внутренние дела России. Финансовая поддержка радикальных и террористических организаций региона из-за рубежа.

В связи с тем, что большинство из указанных причин не могут быть устранены за короткий период, проблема радикализации части верующих мусульманской общины будет актуальной в ближайшее время для Северной Осетии.

Наметившаяся тенденция к стабилизации экономической и политической ситуации в стране и северокавказском регионе будет содействовать улучшению межконфессиональной и внутриконфессиональной ситуации в республике, и в частности внутри мусульманской общины.

Материалы проведенных исследований позволяют сделать следующие заключения:

В Ирафском районе РСО-А конца 80-х годов XX века активность проживающих в районе мусульман возросла (с. Чикола, с. Лескен). Воссозданная мусульманская община в начале 90-х годов стала объединяющим центром мусульман-осетин РСО-А. В 1990 г. в сел. Чикола было создано Духовное управление мусульман РСО-А, которое возглавил имам сельской мечети Дзанхот Хекилаев, ставший муфтием Осетии (бывший учитель труда и бухгалтер, выходец из семьи репрессированных в 30-е годы). В 1991 г. Духовное управление мусульман РСО-А перешло в г. Владикавказ. Мечеть в с. Чикола регулярно посещают 20-30 человек. Из них около половины – люди пенсионного возраста, около 10% – люди среднего возраста, около 40% – моложе 30 лет. В конце 90-х – начале 2000-х гг. количество прихожан было в 2-3 раза выше. Имеются проблемы с профессиональной подготовкой мулл. Имамы чиколинской и лескенской мечетей не имеют специального образова-

ния. Большую озабоченность у прихожан старшего поколения, относящих себя к традиционному исламу, вызывают процессы, происходящие в среде молодых мусульман района. По мнению имама чиколинской мечети Х. А. Дзоблаева среди молодежи активно действуют ваххабистские эмиссары, периодически приезжающие из Кабарды. К такому же выводу приходят представители районной администрации. Количество посетителей мечети стабильное (20-30 чел.). События в г. Беслане заметного влияния на конфессиональную ситуацию в Ирафском районе не оказали. Отношения руководства мусульманской общины с районными и республиканскими властями можно оценить как удовлетворительные. Отдельные работники районной администрации, являясь верующими мусульманами принимают участие в жизни общины. По мере возможности районная администрация оказывает общине помощь в ремонте и содержании здания чиколинской мечети. Имам чиколинской мечети рассчитывает на материальную помощь со стороны районной администрации и правительства республики (выделение средств на ремонт здания мечети, приобретение машины и на другие нужды общины). Официальное духовенство практически не участвует в миссионерской деятельности. Кроме похоронных обрядов вся деятельность мусульманской общины сосредоточена в мечети. В то же время на территории района действуют проповедники ваххабизма. Идеи ваххабизма (салафизма) распространяются со страниц регулярно поступающих в район газет «Да'уа» и «Минарет» и из другой литературы. Экономическое положение общины слабое, денежные средства поступают только в виде добровольных пожертвований её членов. Здание мечети нуждается в ремонте. [3].

В Кировском районе с конца 80-х годов XX века активность проживающих мусульман, как и в других общинах республики, возросла (с. Эльхотово, с. Карджин). В с. Эльхотово с 2002 года издается одна из газет Исламского культурного центра – «Минарет» (с 2004 г. издаётся как частная газета). Мечеть в с. Эльхотово регулярно посещают около 20 человек. В конце 90-х – начале 2000-х гг. количество прихожан было в 2-3 раза выше. В карджинской мечети количество прихожан доходило до 50. В селениях Эльхотово и Карджин действовали примечетские школы. После беслановского теракта количество прихожан карджинской мечети резко сократилось (3-5 ч.), примечетские школы прекратили свою деятельность.

Имеются проблемы с профессиональной подготовкой мулл [4].

Большую озабоченность у общественности вызывают процессы, происходящие в среде молодых мусульман района. Среди молодежи активно действуют ваххабистские эмиссары, периодически приезжающие в район. Есть данные о том, что в районе действуют ячейки такой международной радикальной организации, как «ат-Такфир валь-Хиджра». Она строго законспирирована, её члены рассредоточены по всей Осетии, разделены на ячейки-халька. Группы по пять человек действуют подпольно, снимают отдельные квартиры и не знают не только тех, кто входит в соседнюю ячейку, но и руководство. Количество посетителей Эльхотовской мечети стабильное (около 20 человек). Отношения мусульманской общины с районными и республиканскими властями можно оценить как неудовлетворительные. Активисты мусульманской общины считают, что власти относятся к ним предвзято и жалуются на неадекватные, по их мнению, действия после бесланского теракта. Официальное духовенство практически не участвует в миссионерской деятельности. Кроме похоронных обрядов вся деятельность мусульманской общины сосредоточена в мечети. В то же время на территории района действуют проповедники ваххабизма. Идеи ваххабизма (салафизма) распространяются со страниц периодических изданий Исламского культурного центра – газет «Аль-Азан», «Да'уа», «Минарет», через Интернет.

С конца 80-х годов XX века возросла активность проживающих в Правобережном районе мусульман. Реставрировано и передано верующим здание мечети в с. Зильги, действует мусульманская община в Заманкуле. Мечеть в с. Зильги регулярно посещают около 20 человек, из них около половины моложе 30 лет. В районе отношения между православной и мусульманской общинами до беслановского теракта были традиционно равными, после него часть верующих мусульман вышла из общины, а количество православных и других христиан в районе постепенно растёт.

Как и в других районах республики, у верующих мусульман старшего поколения, относящих себя к традиционному исламу, большую озабоченность вызывают процессы, происходящие в среде молодых мусульман района. По мнению имама Правобережного района Габисова, среди молодежи активно действуют ваххабистские эмиссары, периодически приезжающие из других республик Северного Кавказа. В районе действуют две мечети – в

селениях Зильги и Заманкул. В г. Беслане мечети нет. Старое здание мечети долгие годы использовалось как производственное помещение местным молокозаводом и находится в аварийном состоянии. Имам Правобережного района Габисов жалуется на непонимание и отсутствие поддержки со стороны районной администрации. В частности он требует капитального ремонта здания бывшей беслановской мечети с последующей передачей ее местной мусульманской общине, а также выделения помещения для бюро ритуальных услуг. Официальное духовенство района практически не участвует в миссионерской деятельности. В г. Беслане его действие в основном ограничивается участием в мусульманских похоронных обрядах, количество которых после беслановского теракта резко сократилось. Деятельность мусульманских общин в селениях Зильги и Заманкул сосредоточена в мечети.

Активность мусульманских общин в Моздокском районе всегда была высокой. С конца 80-х годов XX века активность проживающих в районе мусульман еще более возросла. В с. Кизляр, г. Моздоке, строятся новые мечети. Мечети регулярно посещают десятки и сотни человек. Из них около половины моложе 30 лет. Мусульманская община г. Моздока постоянно растет за счет чеченских и кумыкских переселенцев. Мусульманское духовенство и руководители кумыкского и чеченского землячеств утверждают, что процессы, происходящие в среде молодых мусульман района, находятся под их контролем и не вызывают озабоченности. По данным других источников, среди молодежи активно действуют ваххабистские эмиссары, в районе действуют ячейки международной радикальной организации, как «ат-Такфир валь-Хиджра» [5]. Сотрудничество духовенства и властей осуществляется постоянно на разных уровнях (сельская, районная администрация). Часто эти связи реализуются через руководителей кумыкского и чеченского землячеств. Представители мусульманских общин и землячеств часто обращаются к местным властям с просьбами об устройстве на работу, неограниченной прописки переселенцев из Чечни, которые власти обеспечить не могут из-за ограниченности ресурсов. Официальное духовенство использует для миссионерской деятельности мечети. Среди кумыков действуют суфии накшбандийского тариката, среди чеченцев и ингушей – кадирийцы. В то же время на территории района действуют враждебные суфистам проповедники ваххабизма. Идеи ваххабизма (салафиз-

ма) распространяются со страниц периодического издания Исламского культурного центра – газеты «Да'уа», через Интернет. По сравнению с другими районами РСО-А экономическое положение мусульманских общин Моздокского района более стабильное, о чем свидетельствует строительство большой мечети в г. Моздоке и состояние мечетей в селениях Кизляр и Предгорное.

Примечания

1. Малашенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Московский центр Карнеги, 2001.
2. Северный Кавказ: взгляд изнутри. М., 2012.
3. Полевой материал, Ирафский р-н, 2000 г.
4. Полевой материал, Кировский р-н, 2000 г.
5. Полевой материал, Моздокский р-н, 2000 г.

М. В. ШИБЗУХОВА
аспирант КБГУ (г. Нальчик)

КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕГО НЕГАТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Актуальность избранной темы обусловлена необходимостью разрядки социально-экономической напряженности в регионе, характеризующаяся сужением регионального рынка рабочей силы, увеличением безработицы, резкой социальной дифференциацией, слабым развитием рынка, ростом коррупции, теневой экономики, активизацией криминала и усилением террористической опасности.

Современная ситуация в КБР далека от идеальной. Республика не кажется тихим и спокойным уголком Кавказа. Здесь имеется много нерешенных проблем, в том числе и тлеющие конфликты. Все эти проблемы усугубляются экономическими трудностями. Мусульманские радикалы умело пользуются тем, что в ряде регионов обострились социальные противоречия: низкий жизненный уровень, коррупция, безработица, нехватка жилья, преступность, растущее число людей, не состоящих в браке, упадок моральных ценностей и этических норм. В этих условиях единственным решением, по их словам, является применение законов шариата, исламского права. Исходя из этого, они полностью отвергают призыв к модернизации и пересмотру положений шариата, стремятся применить в современных условиях его нормы, сформировавшиеся в VII-VIII вв. [1].

В России особая активность исламских радикалов стала отмечаться с конца 80-х – начала 90-х годов XX в. в республиках Северного Кавказа, где ими проповедовались идеи всеобщей исламизации насе-

ления. В эти годы наблюдался рост числа приверженцев исламского радикализма в форме ваххабизма [2].

Изменившаяся в постсоветское время ситуация в России и на Северном Кавказе породила достаточно благоприятные условия для возрождения деятельности исламских организаций и движений в регионе. Экстремизм в большей степени вызывается социальными причинами, противоположностью интересов и стремлений не отдельных индивидов, а различных общественных групп [3].

Начиная с осени 2005 года в Кабардино-Балкарии увеличение нестабильности. Безудержная коррупция становится главной причиной нестабильности, поскольку вызываемый ею протест в обществе не может найти политического способа выражения и способствует развитию подпольных исламистских группировок, зачастую прибегающих к насилию. В Баксанском районе, а именно, в селении Исламей по данным спецслужб большое количество пособников и самих боевиков.

13 октября 2005 в период с 9:00 до 10:00 утра террористы совершили нападение сразу на несколько объектов в г. Нальчике. Боевики обстреляли аэропорт, 3 отделения милиции, воинскую часть, военный комиссариат, здание управления ФСБ, здание управления МВД, охотничий магазин «Арсенал». Некоторые объекты были взяты штурмом. Была предпринята попытка взорвать станцию мобильной связи компании «Мегафон». В городе шли бои, некоторые здания были подожжены, телефонная связь была затруднена. [4].

По данным правоохранительных органов, в нападении на объекты в Нальчике участвовали от 80 до 200 боевиков (большинство из них были жителями Нальчика), вооруженных лёгким стрелковым оружием, самодельными взрывными устройствами, гранатометами, которые передвигались на легковых автомобилях мобильными группами по 5 человек. Ответственность за акцию взяла на себя группировка «Кавказский фронт», базирующаяся в Чечне. Руководство нападавшими осуществлял лидер ваххабитского подполья Кабардино-Балкарии Анзор Астемиров.

Президент Кабардино-Балкарии Арсен Каноков заявил, что в нападении на Нальчик участвовало около 150 экстремистов из ваххабитской группировки «Джаамат Ярмук», руководителем которой являлся Астемиров [5].

В итоге были уничтожены 87 и задержано 50 террористов, убито 12 мирных жителей и 35 сотрудников милиции и силовых структур,

ранено более 100 человек, из них 85 сотрудников правоохранительных органов. Из них из с. Исламей был: Архестов Локман Хусейнович.

Правозащитный центр «Мемориал» отмечает, что сейчас у республиканской и федеральной власти есть два возможных образа действий [6].

Один – традиционный – сделать ставку исключительно на силовые, полицейские меры, развернуть в республике репрессии против подозреваемых в нелояльности, выбивать из арестованных и задержанных признания в террористической деятельности, продолжать преследование всех альтернативных мусульманских общин. Этот путь, уже опробованный в некоторых других республиках Северного Кавказа, поведет лишь к дальнейшей эскалации конфликта.

Второй путь требует от властей значительно больших, прежде всего интеллектуальных усилий, но он может остановить эскалацию конфликта. На этом пути прежде всего нужно добиться прекращения грубейших нарушений прав человека и норм российского законодательства со стороны правоохранительных органов Кабардино-Балкарии в ходе осуществления контртеррористических мероприятий. Необходимо также прекратить нарушения прав жителей Кабардино-Балкарии на свободу совести. Власти следовало бы вступить в диалог с представителями альтернативных мусульманских общин, не бояться начать широкую и открытую общественную дискуссию по всем важным для жителей республики вопросам, в том числе и по религиозным проблемам.

На сегодняшний день с. Исламей находится в сложном социально-экономическом положении. Такое состояние села определяется огромным количеством безработного населения, его значительной социальной дифференциацией, сохранением высоких темпов рождаемости в условиях резкого сужения регионального рынка рабочей силы, расцветом коррупции, широким распространением теневой экономики, ростом активности криминальных элементов, незатухающей террористической опасностью.

Режим КТО был введен в с. Исламей после того, как 7 сентября в Баксанском районе произошло два вооруженных нападения на сотрудников полиции: в селе Исламей боевики обстреляли из автомата 31-летнего капитана полиции, который возвращался домой [7].

За короткий период с 2009 по 2012 гг. в селении Исламей было убито от рук террористов 6 сотрудников милиции (следователь Баксанского РОВД Альберт Шибзухов, старший участковый уполномо-

ченный Аскер Малухов, следователь следственного отдела МВД КБР Мурат Гергов, участковый уполномоченный Баксанского межмуниципального ОВД Заур Чипов) и 1 бизнесмен (предприниматель Сафудин Хашукаев) [8].

По свидетельству одного из жителей Исламей, отца убитого в 2009 г. милиционера, «вокруг меня уже нет живых милиционеров, всех убили. Кто это совершил, все поголовно известны, они из Баксана. Они открывают штаб-квартиру, проводят шуру в Баксане, в которой участвуют все главари бандподполья. Это всем известно... Семь месяцев не замечать их – это невозможно...» [9].

Раньше бандитское подполье существовало на деньги, поступившие из-за рубежа. Теперь в Кабардино-Балкарии данью обложены почти все бизнесмены. По разным данным, в год боевики собирают с коммерсантов от 50 до 100 миллионов рублей. Сотрудники милиции гибнут еженедельно.

Опираясь на опыт соседних республик и даже зарубежных стран (для этого создана специальная рабочая группа), руководство КБР решило опробовать едва ли не весь возможный спектр способов воздействия на население – от разъяснений, внушений и поощрения анонимных контактов до организации народных советов и дружин самообороны. Цель – втянуть в антитеррористический фронт как можно более широкие слои населения, лишить подполье моральной и материальной подпитки. Активизация работы с населением приходится на вторую половину 2010 г. и особенно – на зимние месяцы 2010/2011 гг., когда стало очевидно, что правоохранительные органы со своей задачей не справляются [10].

Предлагаемые властями меры вряд ли можно оценивать однозначно положительно:

- организация в каждом селе общественных советов, в состав которых должны войти старейшины родов, представители советов женщин, религиозные деятели, депутаты местного самоуправления, спортсмены. Деятельность создаваемых групп авторитетных жителей селений поручено курировать первому заместителю председателя правительства КБР, уроженцу с Исламей Адиду Абрегову [11].

В обязанность советов вменяется тщательный контроль за односельчанами, разъяснительная работа, воздействие на колеблющихся молодых людей силой авторитета общины;

- организация сил самообороны, которые, как представляется, президент А.Б. Каноков готов наделить весьма широкими полномо-

чиями: «...Мы будем набирать людей, которые будут защищать наши населенные пункты. Из числа жителей, которые хотят, чтобы в республике было спокойствие [12] ... Они должны быть на службе, получать зарплату и иметь возможность отразить возможное нападение. Безоружных людей привлекать не будем ни в коем случае. То есть, это будут люди, которые имеют оружие, умеют с ним профессионально обращаться и защищать население. Какой правовой статус могут иметь такие отряды вооруженных людей, получающих зарплату из бюджета республики, президент не уточнил.

Подводя итоги можно сказать, что эти планы не были реализованы. Введённый режим КТО не дал положительных результатов. «Экспессы возникают лишь в том случае, когда проблемы не решаются, а загоняются вглубь, когда накапливается негативная критическая масса» [13].

Примечания

1. Попов Э. А Северный Кавказ: императив системных преобразований <http://www.perspektivy.info>
2. <http://pda.iam.duma.gov.ru>
3. <http://www.scribd.com>
4. <http://astrakhan.kavkaz-uzel.ru>
5. <http://www.gazetayuga.ru>
6. <http://www.memo.ru>
7. <http://www.kbr-news.ru>
8. <http://www.kavkaz-uzel.ru>
9. <http://kabardino-balkaria.kavkaz-uzel.ru>
10. http://www.zlev.ru/69_64.htm.
11. <http://astrakhan.kavkaz-uzel.ru>
12. <http://kabardino-balkaria.kavkaz-uzel.ru>
13. Шанибов Ю.М. Социологическая диагностика состояния воспитания в системе образования Кабардино-Балкарии. Нальчик: КБГУ, 2010.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

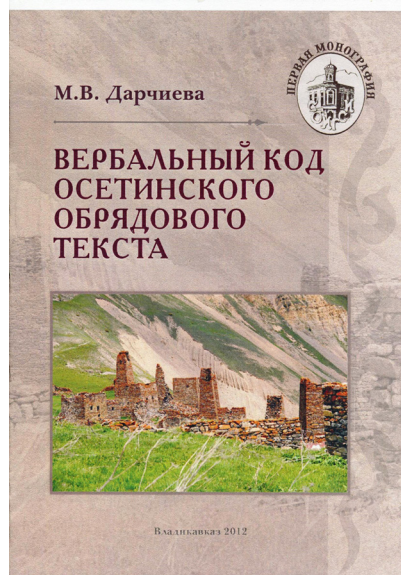
СЕРИЯ «ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»

В конце 2012 года в издательской серии «Первая монография» Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева вышла книга кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника отдела фольклора и литературы СОИГСИ М.В. Дарчиевой «Вербальный код осетинского обрядового текста (на материале некоторых традиционных обрядов)».

Молодой автор с отличием окончила факультет русской филологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова по специальности русский язык, русская литература, английский язык. В 2011 году успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Мадина Владимировна Дарчиева является членом Совета молодых ученых СОИГСИ и к моменту выхода в свет своей первой монографии уже успела заявить о себе научному сообществу. В область научных интересов Мадины Владимировны входят фольклор и этнолингвистика, по данной проблематике ей опубликовано свыше 35 научных статей.

В монографии в этнолингвистическом ключе рассматривается вербальный код осетинского обрядового текста на примере традиционных осетинских обрядов Аларды, зазхæссæн и зæрдæвæрæн, анализируется словесное сопровождение некоторых ритуалов в контексте обряда. Исследование носит междисциплинарный характер, выполнено с привлечением собранного автором полевого материала.

В СОИГСИ ПРОШЛА ЗИМНЯЯ ШКОЛА-СЕМИНАР МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ «СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»

12 февраля 2013 г. в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО – Алания состоялась Зимняя школа-семинар молодых учёных «Современная методология гуманитарного исследования», посвященная Дню российской академической науки.

Организатором мероприятия выступил Научно-образовательный отдел СОИГСИ. В школе-семинаре приняли участие молодые ученые Российской академии народного хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ (Пятигорск), Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала), студенты и аспиранты Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (Нальчик) и Северо-Осетинского

государственного университета им. К.Л. Хетагурова, аспиранты и молодые учёные СОИГСИ.

Открывая школу-семинар, директор СОИГСИ, доктор исторических наук **З.В. Канукова** поприветствовала участников и гостей мероприятия и пожелала молодым ученым успехов в научной деятельности.

Работа школы-семинара началась с мастер-классов. Главный библиограф Национальной научной библиотеки РСО-А **В.П. Кулиева** рассказала молодым исследователям об использовании библиотечных каталогов и картотек при написании диссертации. Ведущий научный сотрудник СОИГСИ, доктор исторических наук **Б.В. Туаева** свое выступление посвятила особенностям и функциональным свой-

ствам автореферата диссертации. Ведущий научный сотрудник СОИГСИ, доктор исторических наук **И. Т. Марзоев** в ходе своего мастер-класса – «Практическая генеалогия» – поделился опытом работы в этом, столь популярном на сегодняшний день, направлении исторической науки.

Доктор филологических наук ВНИЦ РАН **И. С. Хугаев**, озаглавив свой мастер-класс «Наука и любовь: к проблеме современной методологии гуманитарного исследования», призвал молодых ученых к творческому подходу в научной деятельности.

В ходе мастер-классов молодые ученые могли задать вопросы своим старшим коллегам и поучаствовать в дискуссиях.

В дальнейшем работа школы-семинара проходила по трем секциям:

- Секция истории и политологии (руководитель – ведущий научный сотрудник СОИГСИ, доктор исторических наук **Б. В. Туаева**; секретарь – научный сотрудник СОИГСИ, кандидат исторических наук **Б. А. Синанов**);

- Секция этнологии и антропологии (руководитель – ведущий научный сотрудник СОИГСИ, доктор исторических наук **И. Т. Марзоев**; секретарь – старший научный сотрудник СОИГСИ, кандидат исторических наук **К. Р. Дзалаева**);

- Секция филологии (руководитель – старший научный сотрудник СОИГСИ, кандидат филологических наук **З. К. Кусаева**, секретарь – старший научный сотрудник СОИГСИ, кандидат филологических наук **А. Б. Бритаева**).

Всего было заслушано около 40 докладов, а участниками школы-семинара стали более 50 молодых ученых.

На итоговом заседании руководители секций представили обобщенные обзоры и краткий анализ содержания работы секций школы-семинара.

Представленные на школе-семинаре научные доклады опубликованы в данном научном журнале.

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ВЫП. 9

Научный журнал

Компьютерная верстка — А.В. Черная

Подписано в печать 31.08.2013

Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Печать цифровая. Бум. 65 гр.

Гарнитура шрифта «Minion». Усл.п.л. 15,42.

Тираж 100 экз. Заказ №106.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН
и Правительства РСО–Алания
362040, РСО–Алания, г.Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@ mail.ru

Отпечатано в ИПЦ СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН
и Правительства РСО–А

362040, РСО–Алания, г.Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@ mail.ru